

НОВЫЙ
Журнал

147

THE NEW
REVIEW

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 до 1975 редактор Роман Гуль

*С 1975 по 1976 редакция Р. Гуль (главный редактор), Г. Андреев,
Л. Ржевский*

Сорок первый год издания

РЕДАКЦИЯ: РОМАН ГУЛЬ И Е. Л. МАГЕРОВСКИЙ
СЕКРЕТАРЬ: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW. JUNE 1982

Quarterly No. 147
2700 Broadway, New York, N. Y. 10025
Subscription Price \$24 — for one year
Publisher New Review Inc.
Second Class Mail postage paid
at New York, N. Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М. Дубинин</i> — Гоголь и оптинские старцы	5
<i>Ю. Кротков</i> — Арест	18
СТИХИ: <i>М. Волковой, О. Ильинского, А. Раннита, Ю. Иваска,</i> <i>А. Величковского, Е. Таубер, И. Чиннова.</i>	
<i>Н. Андреев</i> — Проза Л. Ржевского	54
<i>Т. Фесенко</i> — А. Величковский	58
<i>Р. Гуль</i> — Я унес Россию	68

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>С. Пушкарев</i> — Бегство из Праги	91
<i>Ю. Карцов</i> — Хроника распада	99
<i>Р. Гуль</i> — Человек, отрекшийся от трона (Записи воспоминаний гр. Л. Н. Воронцовой-Дашковой).....	111
<i>Л. Иванова</i> — Воспоминания о Вячеславе Иванове	136
<i>М. Гольдштейн</i> — Мемуары 20-летнего музыканта	155

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>А. Солженицын</i> — Скоро всё увидим без телевизора	192
<i>А. Федосеев</i> — Благодетели	198
<i>Ю. Фельштинский</i> — Из истории нашей закрытости	245

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:

<i>Д-р В. М. Зернов</i> — Судьба худ. В. Шухаева. — Письмо <i>проф. А. Опульского</i>	259
--	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ: *В. Гаррисон и А. Пайман* — Н. Е. Андреев.

<i>Р. Гуль</i> — <i>Ю. В. Кротков</i>	263
---	-----

Printed in the United States of America
by Computoprint Corporation
335 Clifton Ave Clifton, N.J. 07011
Tel. (201) 473-5071

Н. В. ГОГОЛЬ И ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

(К 130-летию смерти писателя)

"2 июня 1851 г. пополудни прибыл в Оптину Пустынь, проездом из Одессы в Петербург, известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особым чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье он отстоял в скиту литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец своего благочестия".

(Иеромонах Евфимий, летописец Оптиной Пустыни).

Оптина Пустынь находится в Калужской губернии около города Козельска в живописной местности на правом берегу полноводной реки Жиздры. Этот монастырь славился в 19 веке и в начале 20-го своим "старчеством" в лице иеросхимонахов Льва, Макария, Амвросия, Варсонофия и др., отличающихся богатой одаренностью: даром рассудительности, даром исцелений и чудотворений, а также прозорливостью. За наставлениями и благоволением этих оптинских старцев стекались со всей России души, оскверненные грехом, потерявшие и ищущие Бога и жаждущие молитвенного утешения и разрешения своих жизненных тревог и даже трагедий. Приходили и бедные и богатые, простые и ученые, убогие и знатные. А некоторые из них и поселились у стен обители. Многие светила русской творческой мысли тоже тянулись к этому духовному роднику: Гоголь, братья Киреевские, Достоевский, Лев Толстой и Леонтьев (окончивший свой век в Оптиной Пустыни).

Гоголь приезжал в Оптину Пустынь к своему духовному

другу, монаху Порфирию. В монастыре Гоголь ощущал веяние истинной духовной жизни, которой так жаждала его душа. И во время долгих своих отлучек из России, он не переставал сохранять светлое воспоминание об Оптиной Пустыни, что оживляющим образом действовало на его душу, как это видно из письма его графу А. П. Толстому: "Я заезжал по дороге в Оптиную Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там царствует. Это слышится в самом наружном служении... Нигде я не видал таких монахов, с каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не спрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхождения; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: всё становится приветливее, поклоны ниже и участие к человеку больше..."

Известен случай, что, когда однажды Гоголь на дороге близ Оптиной Пустыни встретил девочку, продававшую землянику, и захотел купить эти ягоды, то девочка, видя, что имеет дело с человеком дорожным, отказалась от денег и отдала землянику даром, отговариваясь, что "как можно брать деньги со странных людей". Гоголь, тронутый таким поступком девочки, сказал: "Пустынь эта распространяет благочестие в народе, и я не раз замечал подобные влияния таких обителей".

Недалеко от Оптиной Пустыни находилось имение Долбино, принадлежавшее Ивану Васильевичу и Наталии Петровне Киреевским. Киреевский (публицист, критик, философ, редактор-издатель журнала "Европеец") в конце 40-х годов переселился из Москвы в свое захолустное имение, только потому, чтобы быть близ Оптиной Пустыни. С ним жил и его брат, Петр Васильевич, собиратель народных песен. Во время своих посещений Оптинской Обители, Гоголь часто заезжал к Киреевским.

В конце мая 1851 г. из окон помещичьего дома в Долбине Киреевские увидели мчащую к ним тройку лошадей, запряженную в рессорную бричку. Наталия Петровна сразу узнала сидящего в экипаже Гоголя. Тройка подъехала к дому. Гоголь вышел из брички... Киреевские ужаснулись, увидев его: как он изме-

нился — и высох и почернел. Начались объятия, поцелуи, расспросы. Но язык ни у кого не поворачивался спросить Гоголя о его здоровье. Все было ясно... В прошлом году, когда Гоголь приезжал в Долбино, у него был тоже нездоровый вид. Но теперь перед ними был живой мертвец. И куда девалась гоголевская веселость? Правда, и раньше на него находили приступы хандры, но они скоро переменялись во взрывы смеха, а теперь все эти дни, что Гоголь провел у Киреевских, он был мрачен.

По дороге в Долбино Гоголь заехал в свою Васильевку. Но и там встреча с матерью и сестрами была тоже какая-то натянутая, грустная. "Как он переменялся! — писала его сестра в дневнике. — Такой серьезный сделался; ничто, кажется, его не веселит, и такой холодный, равнодушный к нам. Как мне это больно!"

Тяжелая забота последнее время не давала Гоголю покоя и подтачивала его жизненные силы. Он был встревожен тем резонансом, который приобрели его произведения. О "Ревизоре" кн. Вяземский писал: "Комедия была принята за какой-то политический брандскугель, брошенный в общество под видом комедии. Одни приветствовали ее, радовались ей, как смелому, хотя прикрытому, нападению на предержавшие власти... Другие смотрели на комедию, как на государственное покушение". Так же, приблизительно, были встречены и "Мертвые души". По словам Герцена, "Мертвые души" потрясли Россию", а о "Ревизоре" он заговорил, как о "вечном типе Хлестакова, повторяющемся от волостного писаря до царя". Эти слова смутили Гоголя: имп. Николаю I он был многим обязан: Государь лично освободил "Ревизора" от цензурного запрета и пожаловал его автору денежное пособие на поездку за границу.

Гоголя мучили те выводы, которые делались из его сочинений. Особенно он был поражен и отношением Пушкина к "Мертвым душам". "Когда я, — пишет Гоголь, — начал читать Пушкину первые главы из "Мертвых душ", то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он был охотник до смеха!), начал становиться понемногу все сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: "Боже, как грустна наша Россия!" Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это

кариатура и моя собственная выдумка!”

Все эти выдумки, карикатуры и “свиные рылы”, которые узрел городничий, заставят впоследствии В. В. Розанова сказать: “Гоголь взболтал всю русскую муть и она всплыла наверх”. Эту “муть” увидел и Гоголь, и она его напугала: он рад был своей комедией смешить публику, но не “покушаться на государство”. Он не прочь быть русским Мольером, но лавры Вольтера его пугали. Белинский и Герцен были одними из тех, кто приветствовал появление “Ревизора” и “Мертвых душ”, ожидая от них революционных бурь. Гоголь же боялся всяких политических потрясений, свидетелем которых он был во время своего пребывания за границей. Он был встревожен ростом революционного движения во Франции, о котором в 1848 г. так красочно писал игумен Антоний Оптинским старцам: “Революция во Франции не есть частное зло, а только воспламенение тех подкопов, которые подведены под всю землю, особливо европейскую, яко хранительницу просвещения и духовного и мирского. Теперь страшен нам уже не раскол, а общее европейское безбожие. Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властей и начальства, и приличий, и обычаев?...” Теперь из Франции этот “адский огонь” разлился по всей Европе. “В Европе, — писал Гоголь, — завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются”. В 1848 г. прозвучали слова “Коммунистического манифеста”: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”.

Гоголь сам был мастер создавать “призраки”: призрак Акакия Акакиевича бродит по Петербургу — городу-призраку, а в “Ревизоре” тоже незримо присутствует призрак “смеха”. Но от коммунистического призрака Гоголю было не до смеха...

С наступлением 1848 г. настали в Европе бедствия почти повсеместно. В России они появились в виде холеры, засухи и пожаров. В среду, 26 мая, в 12 ч. дня загорелся губернский город Орел; сгорело 2800 домов, горели баржи на воде. Потом сгорело в Ельце 1300 домов, во Мценске, Ливнах и во многих других городах, — великое множество. Поговаривали, что это поджоги, а некоторые уже злорадно шептали: “На Святой Руси “красные”

петухи поют, — будет скоро ДЕНЬ на Святой Руси!”

И над Россией появился призрак революции, в возникновении которого Гоголь обвинял себя: “Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них поднимутся”. Но не “призрака революции”, по горестному мнению Гоголя, Россия ждала от него, а — пророческого слова и “беспредельной, как сама Россия, мысли”. “Русь! Чего же ты хочешь от меня? — спрашивает он. — Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?”

Душевное смятение Гоголя все нарастало и нарастало. Он часто посещал Оптину Пустынь, находя там утешение в беседах с о. Порфирием. После одной из таких бесед, этот старец сделал запись в своем дневнике: “Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи, и он ясно, лицом к лицу, увидел, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в ней уже погружены многие, им, его дарованием, соблазненные люди, и что сам он стремится в эту бездну, очертя свою бедную голову. Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя с самим собой, и с тем внутренним врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели?”

Чтобы сгладить впечатление, произведенное первым томом “Мертвых душ”, Гоголь в предисловии ко 2-му изданию заявляет, что “в книге этой много описано неверно, не так, как есть и как действительно происходит в русской земле”. С этой же целью он начинает писать второй том “Мертвых душ”, где он надеется показать положительные стороны русской жизни и где “почуются иные, еще доселе не бранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божественными доблестями, или русская девица, которой не сыскать нигде в мире, со всею дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения”.

В эту пору работы над 2-ой частью “Мертвых душ” писатель старался заглушить свой внутренний недуг и жадно искал

все целительное и яркое в жизни, где слышится, — как он выразился, — сильное присутствие русского духа. Гоголь отрекается от своих прежних произведений и пытается оправдать патриархальный быт в России. Свои новые взгляды Гоголь высказал также в книге "Выбранные места из переписки с друзьями", "самой странной книге, — по выражению Белинского, — какая-либо появлялась на русском языке". Белинский был раздражен дезертирством Гоголя с революционного фронта. Свое негодование он высказал в "Письме к Гоголю", где назвал последнего "проповедником кнута, апостолом невежества, поборником абскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов". Это "Письмо" было как бы завещанием Белинского: он вскоре после этого умер. Гоголь был потрясен этим "письмом-проклятием".

*

Пробыв несколько дней у Киреевских, Гоголь стал собираться в дорогу. В ясное летнее утро, после раннего завтрака, хозяева вышли провожать дорогого гостя. Опять — объятия, поцелуи, пожелания... Гоголь старался приветливо улыбнуться, видимо, через силу.

С грохотом по мостовой отъехала бричка от господского дома, но вскоре, выехав за ворота усадьбы, понеслась по мягкой дороге. Сперва ехали среди зелени полей, а потом свернули на глухую лесную дорогу. В лесу была глубокая тишина, нарушавшаяся лишь шорохом падающих веток и звуком птичьих голосов. По дороге им встретилось "Чертово Городище", неизвестно откуда в этих местах появившиеся груды огромных, в беспорядке нагроможденных камней и скал среди сплошного леса.

— Жуткое место и неприятное название, да еще вблизи святой обители, — подумал Гоголь и перекрестился. И тут же с горечью вспомнил, как часто он в своих произведениях употреблял "черное слово": "а побрал бы тебя черт с твоим почтением!", "черт, поberi все!", "черт, возьми!", "прическа на манер черт меня поberi!", "чертов сын", "бес у тебя в ногах, что ли чешется?", "вези хоть на чёрте!", "молчи, чертова дитина!", "ты, брат,

черт тебя знает, потеешь, что ли?" — и так чуть ли не на каждой странице.

Лошадь Тараса Бульбы называлась "Черт". Фамилия одного из героев "Коляски" — Чертокуцкий. В "Ночи перед Рождеством" появление "нечистой силы" оскверняет Чистоту этой Ночи. В "Мертвых душах" Чичиков заводит разговор о черте с богобоязненной Коробочкой: "Здесь Чичиков... хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта... Черта помещица испугалась необыкновенно".

Гоголю черт казался похожим сзади на "настоящего стряпчего в мундире", фалды которого закрывали хвост. И этот "рогатый чиновник" только и старается, как бы навредить людям. Летом, в 1831 году, когда была холера и Царское Село было ограждено карантинными заставами, Гоголь писал Жуковскому: "Карантины превратили эти 24 версты (от Петербурга до Царского Села) в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что я узнал на днях только, что... всему этому виною не кто другой, как враг честного креста церковей Господних и всего огражденного святым знаменем. Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся мимо его и во мгновение ока очутился в Петербурге..."

А при описании степи, Гоголь, растроганный красотой Божьего мира, воскликнул: "Черт вас возьми, степи, как вы хороши!", т. е., мысль автора метнулась не к создателю этой красоты, а к "духу отрицания и сомнения". И вся грамотная Русь знала наизусть эти слова. А все школьники: мальчики, стриженные "под ёжик", и девочки с косичками, заплетенными бабушкиными любящими руками, все должны были своими детскими устами повторять и на уроках и на экзаменах эту заученную строчку с "черным" словом, произнести которое дома считалось смертным грехом.

Тут Гоголь вспомнил Тертуллиана, сказавшего о писателе: "Берегись, чтобы те строчки, которые ты написал, не были предъявлены на Суде к твоему обвинению".

— Эх, вы, любезные! — закричал Яким, погоня лошадей, видимо обрадованный, что кончился лес и они выехали на

луговую дорогу, весело извивавшуюся по берегу Жиздры. Здесь перед ними открылся зелено-золотой океан, по которому брызнули миллионы разных цветов. Чистый, легкий, ароматный воздух напоен благоуханием... Виднеются дали под необъятным небесным простором, а белые монастырские здания и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зеленом фоне сосен и елей... Наконец дорога пошла по крутому берегу вниз, к парому. Осторожно, привычным шагом лошади входят на паром, гулко стуча копытами по доскам. Яким, обрадованный возможностью размять затекшие ноги, сходит с облучка и начинает помогать паромщику-монаху, своему давнему знакомому, тянуть канат.

Как только паром отчалил от берега, Гоголь с радостью почувствовал, что он как бы оторвался от духовно-бесплодной и суетливо-утомительной жизни и перешел грань, отделяющую грешный мир от монастыря.

Паром тихо толкнулся о монастырский берег. Яким садится на козлы, подбирает вожжи, а лошади, дружно взявшись, как бы в полном сознании своего долга, быстро выносят экипаж на высокий берег. Обогнув сад, проехав св. врата и свернувши направо, Гоголь подъехал к гостинице (это гостиница, где останавливался в предсмертной тоске гр. Л. Н. Толстой в последний свой приезд в Оптину Пустынь).

По деревянной лестнице, покрытой белой с красной каймой полотняной дорожкой, Гоголь, сопровождаемый монахом, усталым шагом поднялся на второй этаж в свой номер, обставленный старинной из карельской березы мебелью. В правом углу перед иконами теплилась лампадка, а на стенах висели виды святых обитателей и портреты архиереев. На подоконниках стояли вазоны с цветами. В номере пахло свежим чистым бельем, покрывавшим кровать, теплым ржаным хлебом и ладаном... Тут же монах омрачает Гоголя известием, что о. Порфирий преставился уже три месяца тому назад. Гоголь перекрестился и сразу же заказал отслужить панихиду на могиле своего духовного отца и друга.

Чинно и строго совершается богослужение, стройно и умирно поют монахи. Теплый летний ветерок разносит по монастырскому кладбищу кадилый дым и панихидное пение.

После панихиды Гоголя пригласили к старцу иеросхимонаху о. Макарию. Знаменитый старец, слабый на вид, с недостатками в произношении, а кроме того с неправильностью в устройстве глаз, показался Гоголю интересным собеседником, так как был хорошо образован и прекрасно знал литературу, особенно — церковную. С тех пор, как о. Макарий принял на себя подвиг старчества, тогда и началось сближение с Оптиной Пустынью представителей русской интеллигенции.

Прощаясь с Гоголем, о. Макарий вручил ему "дневник" о. Порфирия, завещанный покойным старцем своему духовному сыну. Целый вечер потом, сидя в номере, Гоголь не отрываясь, читал благоговейно, как молитву, эти строки, принимая их как последнее благословение и наставление от о. Порфирия. Много раз Гоголь перечитывал относящиеся к нему места в "Дневнике", подчеркнутые рукою старца:

"...Какая бездна ума, таланта, энергии была затрачена Гоголем и на что же? На осмеяние души родного русского человека! Велик дар Божий — талант писателя, но и какова же возложена на него ответственность! И как мало на земле людей таланта, постигающих, на что дарование это дано им от Бога, разумеющих истинный смысл притчи о талантах. На что, на какую мелочь житейскую, на какой в сущности вздор, именуемый нами "делами", размениваем и разматываем мы наше духовное богатство, забывая о "едином на потребу". Гоголь, хотя и поздно, но все же истинно и искренне понял назначение христианского писателя и устрасился страшного ответа, который ему придется дать перед Домовладыкой, от всего сердца принес покаяние в содеянном им тяжком грехе — осмеяние Божьего творения — души христианской. Но что сказать о других великих русских талантах?.."

"Лукавое, оязычившееся время наше едва ли не навсегда утратило разумение смысла, значение писательского дара и, ублажая духовную гордость человеческого сердца писателя, отводит его с прямого пути и увлекает в бездну глубин сатанинских, из тьмы которых нет возврата к свету высоты небесной..."

"Духом отрицания и сомнения дышат произведения новейших светских писателей, явной и тайной насмешкой проникнуты они, ядовито осмеивая не только то, что достойно, как слабость,

сожаления и исправления, но и самую добродетель и святое святых сокровенной человеческой души. Кому, падши, поклоняются они?"

"Гоголю со всей его чистой, хрустальной душой, с сердцем, наполненным Христовой истиной, не удалось миновать общего течения взбаламученного житейского моря, и свой большой корабль он подчинил его силе и воле, думая совершить большое плавание и... разбил его со всеми доверившимися ему пассажирами об утес отрицания и сомнения. Талант, данный на созидание, обратился на разрушение: под жгучим ядом насмешки и обличения прожглось и прорвалось рубище, покрывавшее наготу общества русского, а на соткание ему нового — ни силы, ни разума, ни дарования не хватило у того "духа", который все произведения Гоголя обливал своим ядом. Исполнилось и на Гоголе Господне слово: "без Мене не можете творити ничесоже!"...

Долго еще читал бы Гоголь эти, обращенные к нему слова его духовного отца, но раздался благовест монастырского колокола, возвещавшего о начале заутрени. В то же время и в коридоре слышны были звон будильного колокольчика и слова монаха: "Пению — время, молитве — час!"

Гоголь вышел из гостиницы и направился к собору. Предрасветные звезды ярко сверкали на темном небе. Чувствовалась ночная свежесть. С разных сторон редкие фигуры богомольцев спешили в храм, где уже седой монах уставным способом читал полунощницу, освещая огарком толстой свечи закапанные воском страницы старинной книги. При слабом свете мерцающих лампад в полумраке видны были стоящие у стен темные, неподвижные фигуры монахов, погруженных в молитву.

Заутреня закончилась, когда уже на востоке появилась светло-зеленая полоска наступающего дня... Гоголь вышел из собора навстречу утренней заре и через монастырские восточные ворота направился к лесной чаще, где по узенькой дорожке, вьющейся меж громадных сосен, дошел до скита. Здесь он увидел невысокую розовую колоколенку со св. вратами под нею... За ними сразу начинается мир особенного глубокого безмолвия, оживляемого только непрерывным жужжанием пчел (Внешний вид Оптинского Скита подробно описан в "Братьях

Карамазовых”). В маленькой скитской церковке Гоголь отстоял литургию, после чего, простившись с монахами и испросивши благословения у о. Макария, торопя Якима, поспешно уехал из монастыря.

Выехав за ограду Оптинской Пустыни, Гоголь оглянулся, как бы навсегда прощаясь с этой обителью.

Опять дорога впереди; но она не могла отвлечь его от горестных дум, а ведь он любил дальнюю дорогу; “Боже! Как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько переживалось дивных впечатлений!”

*

Еще несколько месяцев Гоголь работал над вторым томом “Мертвых душ”, но не был удовлетворен работой. Причиной своего авторского бессилия Гоголь считал отсутствие у него духовной чистоты, необходимой для писательского подвига, и он просит помощи у оптинских старцев:

“Ради Самого Христа молитесь обо мне, о. Филарет. Просите Вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освещения Свыше. Говорю Вам об этом не ложно. Ради Христа обо мне помолитесь. Покажите эту записочку мою о. Игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать Славу Имени Его, несмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. “Он силен, Милосердный, сделать все, и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю Вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на великом месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни.

Бог да воздаст Вам всем сторицею за Ваше доброе дело. Ваш всей душою — Николай Гоголь”.

Для укрепления своих духовных сил Гоголь обращается к церковной литературе. Сам пишет “Размышления о Божественной Литургии”. Для этого изучает сочинения патриарха Германа, Иеремии, Николая Кавасила, Симеона Солунского, а также — Старую и Новую Скрижали.

Все время читая религиозные книги, Гоголь, чтобы усилить свое духовное прозрение, горячо молился и держал строгий пост, наконец, в каком-то экстазе совсем стал отказываться от пищи, ограничиваясь одной просфорой в день и глотком красного вина. Никакие убеждения ни докторов, ни друзей не помогали.

В три часа ночи 12 февраля 1852 г. Гоголь, помолившись, встал с колен, зажег свечу и вынул из шкафа связку тетрадей — свой упорный и заветный труд, оправдание всей своей писательской деятельности и жизни. Гоголь со слезами на глазах начал судорожно перелистывать знакомые страницы. — “Нет, не то, не то! — шептал он. Видимо, “дух”, что сзади, как “настоящий стряпчий в мундире”, обливавший ядом все произведения Гоголя, мешал писателю показать “несметное богатство русского духа” и изобразить “мужа, одаренного божественными доблестями”, и — “девицу, со всей дивной красотой женской души”...

Гоголь в полусознании подошел к печке, положил туда рукопись, разбросал листы и поджег свечой. — “Я тебя породил, я тебя и убью!” — вспомнилось Гоголю что-то знакомое. Пламя вспыхнуло. Гоголь долго смотрел на огонь... Рукопись уже догорала, только синие языки бегали по истлевшей бумаге, на которой еще золотым жаром вспыхивали знакомые слова, чтобы погаснуть навеки. А Гоголь все еще стоял неподвижно и смотрел и смотрел... Потом, шатаясь, пошел к себе в спальню, сел на кровать и заплакал... Все счеты с жизнью были закончены: осталось одно — умереть...

*

Страшное нервное напряжение подорвало последние силы Гоголя; он совершенно ослабел, в несколько дней исхудал так, что остался только скелет, обтянутый кожей, и все время лежал

на кровати с закрытыми глазами. Наконец, впал в забытие. В восемь часов утра, в четверг, 21 февраля 1852 г. Гоголь скончался.

М. Дубинин

*

Не будет печалей и незаживающих ран,
не будет упреков и робких молений о чуде...
И дни и века изольются в один океан,
и времени больше не будет.

Земли очертанья исчезнут в дыму облаков,
и вихри восплачут о сердце вселенной остывшем.
Сотрутся границы поступков, желаний и слов,
и бывшее станет небывшим.

Палящее Око пронзит мирозданье насквозь,
но с гневом и скорбью заспорят и жалость и милость,
и может быть то, чем мы жили, и что не сбылось,
зачтут нам, как то, что свершилось!

Мария Волкова

АРЕСТ

В ЦК КПСС

1.

Настал понедельник. Утром Кутырев поехал электричкой в Москву. Светозар предложил ему свой "Москвич", заметив, между прочим, что он тоже должен быть в 11 часов в столице "нашей дорогой родины". Но это было неправдой. Просто Евгений хотел причинить Андрею Алексеевичу дополнительную боль: ведь уже всем было известно, что Кутырева вызывают в ЦК и, конечно, не для того, чтобы погладить по головке. Накануне из секретариата ССП пришло письмо, подписанное Фадейкиным-Пырковым, в котором подтверждалось "приглашение" на "собеседование" с товарищем Сусликовым.

На Киевском вокзале Кутырев взял "серенькую" такси и сказал шоферу:

— Пожалуйста, на Старую площадь. К монументальному зданию. Пам-пам-пам...

Выражение "монументальное здание" до шофера не дошло, но лихому пареньку, со свисающим чубом, было достаточно упоминание Старой площади, остальное подсказывало "Пам-пам-пам..."

Да-а, кому только из москвичей не известно это "монументальное здание" на Старой площади, в центре города! И мне несколько раз приходилось бывать в нем, и каждый раз я выбегал из него на улицу, как выбегают из чрезмерно натоплен-

ной бани, из тюрьмы, из прокуратуры, из дома для умалишенных, если пришлось оказаться там, скажем, по ошибке. Это "монументальное здание" прославилось и на обширной советской периферии, особенно среди тех жителей, которые имеют партийные билеты, обеспечивающие им более-менее вольготное существование, а таких у нас, как известно — тьма. Мне всегда казалось, что в том-то и беда, что такие у нас — все, кроме разве меня. (Но это заблуждение).

Хотя офицеры в форме органов Гос. безопасности и, частично, в штатском (этих у нас называют "васильками") по тротуару вдоль "монументального здания" и не фланировали, московские "трудящиеся" все равно старались не ходить тут; так что зона эта большей частью была "мертвой", как в осажденном городе. Подле тротуара только нет-нет, а останавливались легковые машины; остановится такая, вылезет из нее типажец килограммов на двести и сразу — юрк в парадное. А парадных много: пять или шесть, а, может быть, и восемь; дубовые, массивные двери — их и бомба не возьмет. Однако, когда появлялись хозяева, боссы, секретари ЦК или члены Политбюро, или даже "сам", по прозвищу "таракан" (так у нас окрестили Генерального Секретаря ЦК КПСС — у него огромные, как у таракана, брови), то на тротуаре из "неоткуда" выросал десяток-другой "васильков", светофор на улице Куйбышева перекрывался, конечно, и черные "Пакарды" и "ЗИЛы-110" с "хвостами", то есть с машинами, набитыми светловолосой охраной, как танкеры, причаливали к пристани, то есть припарковывались к тротуару, одна за другой. "Олимпийские" тузы, члены небесного семейства, неспеша, вываливались наружу и сами, да, да, сами шагали от лимузина к парадному. Меня удивляло, почему охрана не додумалась еще выносить их из машин на руках. Кстати, мне говорили, что у самых важных в здании ЦК были "собственные лифты" и собственные входы, которыми никто другой пользоваться не имел права. (Вот какие у нас "слуги народа"!). Внутри же каждого парадного стояли офицеры органов Гос. безопасности в форме и при оружии. Они проверяли пропуска у "беспартийной сволочи" и "сочувствующих". Нет, не совсем так. Дело в том, что для входа в здание ЦК КПСС и членам партии надо было иметь пропуск. По

предъявлении партийного билета можно было войти только в здание МГК КПСС, которое было рядом, но не соединялось с корпусом ЦК коридором.

Итак, заплатив таксисту что следовало и дав ему "на чай", Кутырев вылез из "серенькой" и направился в бюро пропусков, находившееся внутри одного из парадных с окошечками сконструированными под углом, так что проситель никого в них не видел.

Андрей произнес про себя "пам-пам-пам..." и протянул в окошечко паспорт с московской пропиской.

2.

Михаил Сусликов сидел на шестом этаже, потому что волей фортуны шестой этаж был этажом секретарей ЦК. Кто-то по этому поводу сострил: "Они имеют возможность взирать на нашу жизнь с птичьего полета". Через три широких окна кабинета Сусликова виднелась Старая площадь и, главным образом, необозримая панорама красных жестяных крыш московских домов. Прямо была входная дверь, слева — в комнату для отдыха. По стенам, разумеется, были развешены литографские портреты "основоположников" марксизма-ленинизма, всех, кроме Сталина. И висела огромная надпись (как лозунг): "Не курить!", а рядом другая: "Коммунизм это наука!". Напротив окон, вдоль стены стояло несколько шкафов с книгами. В углу выпирал солидный сейф с электрической лампочкой над ним, в другом углу находились телевизор заграничной марки, радиоприемник и на нем никелированная модель спутника. Между прочим, эти телевизор, радиоприемник и "спутник" были неизменными атрибутами в кабинетах всех секретарей ЦК КПСС, начиная с "таракана".

В центре комнаты стоял стол для заседаний с двенадцатью стульями и с двумя графинами с водой и стаканами на стеклянном блюде. Стол этот, как положено по ритуалу, был покрыт темно-синим сукном. На нем можно было заметить, конечно, и телефон красного цвета. А на письменном столе Сусликова сгруппировалась еще целая батарея телефонов и все разного цвета. Это свидетельствовало о том, что хозяин здесь, как,

впрочем, и все другие "хозяева", начиная с "таракана", страдал телефономанией.

На специальной тумбе был установлен большой, тоже заграничного производства, вентилятор, который охлаждал воздух, но при этом своим жужжанием заставлял самого Сусликова и всех его посетителей говорить напрягая голос.

Михаила Борисовича я видел раза два-три, но лично с ним никогда не общался. Он, как правило, приезжал к нам в Дом Литераторов на улице Воровского и молча отсиживал в президиуме какого-либо важного писательского пленума несколько часов, что-то чертя карандашиком на листе бумаги. У нас в литературных кругах он считался "талмудистом" и о нем говорили, что он даже в утепленных нужниках ЦК, сидя на номенклатурном стульчике, без конца штудировал "Анти-Дюринг" Энгельса. Был он высок, как жердь, при этом согнут в полукруг и чем-то напоминал как Фадейкина-Пырькова, так и Светозара. (Длинные они все похожи друг на друга). На носу у него постоянно вздрагивало пенсне с металлической цепочкой, а нос был острый, как у цапли. Примечательной была и походка Сусликова: он ходил так, точно у него на подметках были прикреплены подбрасывающие вверх пружинки. Кроме того, Сусликов очень часто вытирал носовым платком потные ладони. Одет он был, как все в аппарате ЦК, в темно-синий однобортный костюм, сшитый по "церковной моде", то есть с жестяными плечами, длинными рукавами и брюками-клёш, галстук же был ярко-оранжевого цвета, вероятно изготовленный на какой-либо фабрике имени "Третьего Интернационала" по спец. заказу хозяйственного управления ЦК КПСС.

Сидя за своим ореховым, тщательно отполированным письменным столом, размером два метра на полтора, Сусликов отвечал на многочисленные телефонные звонки. Когда вздрагивал телефон на столе для заседаний, он вскакивал и бежал к нему; когда же над сейфом вспыхивала электрическая лампочка, он бежал к сейфу, открывал его, доставал оттуда самый важный телефон (прямая линия с "тараканом") и говорил угодливым тоном, сгибаясь в три погибели.

В этот час перед Сусликовым в кресле сидел Дмитрий Степанович Куц, заведующий отделом культуры ЦК, человек новый в

этом доме, но, по слухам, циркулировавшим тогда, абсолютно зловещий. Я его еще не встречал, так что опишу со слов других. Куц был низкорослым, с крашеными волосами темно-рыжего цвета, лицо его было грубым, с резкими и сухими чертами и только очки в тонкой позолоченной оправе придавали ему более или менее интеллигентный вид, если так можно выразиться, говоря об ответственном партийном работнике. Улыбался он редко и в улыбке его было что-то иезуитское. Левая рука его была от кисти до локтя в гипсе. Наверное из-за этого ему дозволялось сидеть без пиджака и в тенниске. Прибавлю, что у него было перевязано горло и говорил он силным голосом. На небольшом столе, приставленном к письменному столу Сусликова буквой "Т", возвышался термос, из которого Куц наливал себе в пластиковую чашечку горячее молоко и пил его маленькими глоточками.

Сусликов говорил по одному из телефонов:

— Да, товарищ Осьминский, мы обсудим вопрос о Светозаре на заседании Политбюро. Завтра. Дело ведь деликатное. Я имею в виду его поездку в Париж. Обменяемся мнениями, подвергнем ситуацию марксистскому анализу. А как же? Быть коммунистами, товарищ Осьминский, значит уметь устоять в любых переделках, даже когда по морде бьют свои. Так говорит наш "генеральный". Вот именно, товарищ Осьминский. Ну, бывай! — и положив трубку на рычаг аппарата, Сусликов обратился к Куцу: — Черт знает что! Дожили. По нынешним временам ЦК превратился в какие-то литературные ясли. Мы только и делаем, что думаем, как бы нам избавиться от диверсанта Житницына, о том, как соответствующим образом контролировать дрейфующего в разные стороны Светозара, о том, как наказать по заслугам заблудившегося в трех соснах Кутырева... А тут еще эта дурацкая история с Елизаром Латышевым. Надо же! Коммунист-писатель и взял бац — повесился. И где: в сортире коммунальной квартиры! Ну и что, что он просидел на Колыме 17 лет? Этой судьбы не избежали многие. Нечего хвастаться! А ему к тому же повезло: он выжил, вернулся в Москву, был восстановлен во всех правах и вот... черт подери, взял и вздернул себя, поставив нас в весьма затруднительное положение. Словом, товарищ Куц, мы как мартен, загруженный до отказа.

— Кх-х, — глотнув молока, неопределенно выдавил Куц.

Сусликов нажал на кнопку звонка и, склонив голову на бок, начал что-то писать. Спустя немного в кабинет вошла Катя, личная секретарша, миниатюрная, как куколка, с маленькой головкой, с шуплым почти детским телом и с ножками по форме похожими на бутылочки; она была на очень высоких каблуках и в коротком платье-джерси, плотно обтягивающим ее фигурку; сильно душась, она оставляла после себя такой запах, что Сусликов начинал чихать, а что касается Куца, то тот, каждый раз при ее появлении неотрывно смотрел на ее ноги и энергично чесал здоровой рукой свой затылок.

— Да, я вас слушаю, Михаил Борисович? — остановившись на почтительном расстоянии, спросила Катя тоненьким и достаточно пронзительным голосом.

Секретарь ЦК поднял на нее глаза, улыбнулся, и сладко, даже напевно, произнес:

Что, Катенька, вызванные на 11.00 здесь?

Только что приехал Фадейкин-Пырьков, а Кутырева еще нет.

Хорошо, Катенька, пусть Иван подождет.

Слушаюсь, Михаил Борисович.

Катя вышла из комнаты, а Сусликов повернулся к Куцу:

— Дмитрий Степанович, у тебя мнение отдела культуры готово?

— Конечно, — Куц протянул тоненькую красную папку.

Секретарь ЦК открыл ее и занялся изучением вложенных в нее бумаг. А Куц, тем временем, встав, стал прохаживаться по кабинету, широко размахивая рукой в гипсе, как бы набирая в нее силы. Сусликов нет-нет, а бросал на него настороженные и даже опасливые взгляды.

— Молодец, Дмитрий Степанович! Багаж у тебя — будь здоров, — сказал он. — Закалка марксистская. Логика — ленинская. Мыслишь — огого! И все точно аргументировано. Слова не выкинешь. Я с тобой согласен, товарищ Куц. С точки зрения сторонников научного социализма вопрос стоит ребром: либо империалисты нас, либо мы империалистов.

Без сумления, — отрезал Куц.

— Как ты выразился? Без сумления? А, то есть без сомне-

ния. Правильно, товарищ Куц. История с романом Кутырева не частность, а звено исторического целого. И мы должны ударить под корень.

Рубануть.

Не миндальничая.

Долой гнилой либерализм! — злобно огрызнулся Куц.

Видишь ли, товарищ Куц... я с тобой в принципе согласен. Но публично так выражаться в нынешних условиях все же не следует. Нам надо учитывать погоду; на дворе ведь все еще оттепель или что-то в этом роде. Вешние воды все еще текут как бы... — Сусликов ехидно хихикнул.

— Это не вешние воды, а грязные лужи, — бросил Куц и особенно широко взмахнул рукой в гипсе.

В этот момент в кабинет вошел Пожарков, огромный детина, одетый в темно-синий двубортный пиджак, с оранжевым галстуком, но в защитного цвета галифе и в офицерских сапогах. Под пиджаком у него оттопыривался наган в кожаной кобуре. Пожарков, по привычке, постоянно поправлял эту кобуру и подтягивал сползавшие голенища сапог. Лицо у него было круглым, мясистым, с красными щеками и носом-картошкой. И был Пожарков телохранителем Сусликова, начальником его охраны, его неотлучной "тенью", и имел он звание подполковника КГБ.

— Михаил Борисович, извините... тут, как ни есть, из комендатуры звонят, — начал Пожарков. — Этот, который Кутырев, писатель то есть, явился, как ни есть, в нетрезвом виде.

Что? — Сусликов вытаращил глаза.

Ну... под парами.

Не может быть.

Михаил Борисович, наши люди почувствовали запах алкоголя через окошечко в бюро пропусков. Но это, как ни есть, полбеда. К нам в ЦК ведь иногда заглядывают выпимши. Ну, вот хотя бы товарищ Фадейкин-Пырьков. С ним это случается. А который Кутырев, то есть писатель, так он ведь, Михаил Борисович, как ни есть, не только под парами, а приехал еще с корзинкой. Ну да, с корзинкой пожаловал, а в ней, как ни есть, клубника-скороспелка, это по его словам скороспелка, а может и нет, ну, и литр грузинского вина. Сказал — это для вас! Для секре-

таря ЦК, сказал.

(Я забыл упомянуть о том, что Андрей выехал из Переделкино, захватив с собой небольшую корзинку с клубникой и с бутылкой "Оджалеси", которое он нацедил из бочонка.)

— Что-о такое? — Сусликов оторопел. — В ЦК КПСС с продовольствием и с вином?

— Обратно, Михаил Борисович, корзинку, как есть, надоть проверить, продезинфицировать. И клубнику-скороспелку тоже. И особенно, как есть, вино. Тут, Михаил Борисович, анализ потребен. Я, Михаил Борисович, за ваш желудок ответственность перед Политбюро несу. А как же? Обратно, такого случая насчет клубники-скороспелки и вина еще в нашей практике не встречалось. В комендатуре паника. Начальник охраны ЦК, как ни есть, поднял всех по сигналу — тревога.

Черт знает что! Он свихнулся!

— Начальник охраны?

— Кутырев! — Сусликов встал из-за стола, втянул голову в плечи, сделал два-три шага, остановился и совсем по эстраднему добавил: — Си-ту-а-ци-я.

— Кх-х, — неопределенно выдавил Куц и глотнул молока.

— Может быть, звякнуть в первое управление КГБ, для консультации, Михаил Борисович? — заикнулся Пожарков.

— Это для какой-такой консультации?

— Ну, как ни есть... посоветоваться, как говорится, а?.. Ведь в инструкциях наших, Михаил Борисович, насчет клубники и вина ничего не указывается.

— А вам только и читать одни инструкции, Пожарков. А голова своя на плечах есть? Значит так: если запретить, Кутырев скажет: "Я же от чистого сердца", вслух рассуждал Сусликов. — Знаю я их, "архитекторов человеческих душ", бестий...

— То-то и оно, Михаил Борисович, уж не провокация ли это, как ни есть? — Пожарков вопросительно посмотрел на Сусликова.

— Она! — рявкнул Куц.

— А если разрешить, получится, что я принял взятку, — продолжал вслух рассуждать секретарь ЦК. — Можно, правда, передать и клубнику-скороспелку и вино в хоз. управление ЦК для представительских целей. Ох, и лиса этот Кутырев! Ход

конем! Гамбит Фуше! И к тому же застраховался: я, мол, выпил малость... Нет, не позволю! Передайте в комендатуру ЦК, товарищ Пожарков, пусть они там разъяснят Кутыреву, по хорошему, без кулаков, конечно, что в наше здание вход с продовольствием и алкоголем строго запрещен.

— Слушаюсь, Михаил Борисович. Ну, и правильно, как никак... — с удовлетворением произнес подполковник КГБ и направился к дверям.

— Пойдите, товарищ Пожарков! — задержал его вдруг Сусликов.

— Что прикажете, Михаил Борисович? — телохранитель четко, по-военному, повернулся на каблуках.

— А вот что... — как бы извиняющимся тоном проговорил Сусликов, — он ведь писатель, этот Кутырев, да и беспартийный или сочувствующий там, интеллигент, так сказать социальная прослойка и только, так что... я решил, что... передайте в комендатуру ЦК, товарищ Пожарков, в виде исключения позволить Кутыреву под мухой и с корзинкой с клубникой-скороспелкой и с вином пройти в здание ЦК и ко мне в кабинет на собеседование.

Михаил Борисович... — с упреком начал было Пожарков.

— Гнилой либерализм! — гаркнул Куц.

— Спокойно, товарищи. Без паники. Ответственность беру на себя. А я все же — Сусликов. Не с улицы... — заявил секретарь ЦК. — Идите, товарищ Пожарков, и чтобы все было сделано так, как я сказал.

Говоря глазами "воля ваша, а я все же против", телохранитель ушел. Сусликов же возвратился к письменному столу, сел в кресло, принял "руководящую" осанку и обратился к Куцу:

— Видишь, Дмитрий Степанович, в каком мы окружении. Если это не вражеское, то это безусловно опасное окружение. Эти проклятые писатели, чтоб им ни дна и ни покрывки, стараются вогнать всех нас в беду. Как пить дать. Им палец в рот не клади — откусят. Фантазии у них хоть отбавляй. Хитрозадые! С ними всегда надо быть начеку. Вот тебе наглядная иллюстрация, — и, повысив голос, Сусликов добавил: — Нет, товарищ Кутырев, вы нас на дурачка не подцепите! Мы не дерьмом мазаны. Мы подкованные. Мы и клубничку отведаем, так ска-

зять по-гуманному, по-человеческому, ну, и винца выпьем. Мы ведь живые люди, а не бюрократы треклятые, догматики и всякие там доисторические ихтиозавры, которыми вы нас изображаете в вашем порочном романе!

Он нажал на кнопку звонка. В кабинет вошла Катя.

Да, Михаил Борисович?

Катенька, давайте Ивана.

Слушаюсь.

Нет, товарищ Кутырев, риторически заключил Сусликов, — мы здоровые, полноценные, советские двуногие, точнее двуногие новой социалистической формации. Правильно, Дмитрий Степанович?

3.

Секретарь ЦК был удивлен, когда вместо Фадейкина-Пырькова, обычно надрызгавшегося, с припухшим и помятым лицом, в кабинет вошел совсем другой человек. Иван не покачивался, походка его была твердой, а в глазах была ясность. Он был абсолютно трезв и это его как бы подменило. На нем были чистый, хорошо выглаженный летний костюм, свежая сорочка и парусиновые туфли. И на лице Фадейкина-Пырькова сразу можно было уловить выражение сосредоточенности, а складки у носа свидетельствовали об озабоченности. Он держал руки в карманах брюк и упорно не извлекал их наружу.

— Товарищ Иван! — одолев первое смущение, проговорил Сусликов, даже не поздоровавшись с вошедшим и тотчас же придав голосу угрожающее звучание: — Почему повесился Елизар Латышев?

Иван без приглашения сел в кресло и закинул ногу на ногу.

— Не знаю...

— Как так не знаешь? Ты же ген. сек. Ты должен знать. Мы тебя назначили на пост ген. сека ССП для того, чтобы ты все знал. А ты — не знаю. Легко сказать. Умываешь руки? И ведь этот Елизар Латышев не оставил никакого объяснения после себя, ни письма, ни записочки. Опять эти интеллигентские ребусы. Безобразие, Иван, безобразие. Имей в виду, что наш "генеральный" на тебя сердит. Да, он сердит. Он повел бровями,

когда я ему доложил о Латышеве, и сказал: "Надо пожурить Фадейкина-Пырькова".

Пожурить? — Иван усмехнулся.

Да, пожурить.

Ну-ну, жури.

Не шутка, человек повесился!

Вот именно. И без спросу, — Иван опять усмехнулся.

Он же был членом КПСС.

Был. Восстановленным, после 17 лет ссылки.

Да, да, восстановленным, реабилитированным. Какая разница? Ох, доиграешься ты у меня, "архитектор человеческих душ"!

— Во-первых, уже доигрался, товарищ Сусликов, — спокойно парировал Фадейкин-Пырьков.

— А во-вторых?

— А во-вторых, не искажай Сталина. Он называл писателей не архитекторами, а инженерами человеческих душ.

— А я не собираюсь повторять сталинские азы! Сталин во многом ошибался. Он говорил "инженеры", а я говорю "архитекторы". И все тут. Во всяком случае, официально заявляю: запрет на гражданские похороны Латышева, с панихидой там и с речами, остается в силе.

— Ну и глупо.

— То есть, как это глупо? Товарищ Фадейкин-Пырьков, не забывайте, что вы находитесь в стенах ЦК КПСС, а не на Тишинском рынке, среди колхозниц, черт подери!

Мясо тухнет.

Какое мясо?

Человеческое.

Ты имеешь в виду труп Латышева? Хорони втихую. И баста! — напустив на себя важности, Сусликов добавил так, точно он выступал на многочисленном собрании: — Товарищи коммунисты, товарищи большевики, члены нашей славной ленинской партии! Товарищи сторонники научного социализма! От имени Политбюро и ЦК КПСС, секретариата ЦК и лично "генерального секретаря", нашего поводыря и лидера, инструктирую: создавать еще одного "мученика" не следует. Во-первых, Латышев не Житницын...

— А во-вторых? — спросил Иван.

— А во-вторых, достаточно с нас одного предателя, произведения которого мы печатать больше не позволим. И мы надеемся, что этот внутренний эмигрант и власовец скоро самостоятельно (без нашей помощи) отправится к прадедам. В отношении Житницына вина лежит на всех нас. Проглядели. Да, да, мы проглядели эту гидру, потому что расслабили идеологические нервы. А как же? Забыли указание "основоположников", — Сусликов кивнул на портреты, висевшие на стене, — о том, что чем мы ближе к коммунизму, тем классовая борьба обостряется больше. Это, конечно, в условиях построения коммунистического общества в капиталистическом окружении. Правильно, товарищ Куц?

— Кх-х, — отозвался тот.

В этом месте, в интересах летописи мне надо кое-что пояснить. Дело в том, что самоубийство Елизара Латышева — это новая, хотя и побочная линия в сюжете. Получилось так, что в субботу, то есть за два дня до встречи Кутырева и Фадейкина-Пырькова с Сусликовым, писатель Латышев взял и вздернул себя в уборной коммунальной квартиры, на водопроводной трубе. Повесился вечером. Обнаружили труп утром. Жил он у друга временно, так как жена его сразу же после ареста в 1937 году вышла за какого-то важного кооператора, которого арестовали в 1938 году, а сын его, кажется, и сегодня служит в оккупационных войсках в Польше. Замечу, что Латышев был известен советским читателям повестями о гражданской войне и борьбе с бандитизмом в конце двадцатых годов. И был он в дружбе с Фадейкиным-Пырьковым. В 1935 же году, если я не ошибаюсь, Латышев опубликовал роман "Командарм", в котором прославил советского военачальника Фрунзе, а тот, как стало известно, был умерщвлен во время операции, кажется, грыжи, в соответствии с указанием Сталина. Короче, "вождь народов" пришел в ярость, узнав о романе Латышева, ну и, по логике сталинских времен, писатель был арестован и отправлен на "перевоспитание" на Колыму. Фадейкин-Пырьков в те годы был приближенным к Сталину, как бы его правой рукой "по литературным вопросам". И Иван, разумеется, выступил публично против своего друга. А перед тем он, так сказать, "санкцио-

нировал” арест Латышева. После же смерти Сталина, того реабилитировали и вернули в Москву, в соответствии с веяниями новой политики “десталинизации”. Латышев, встретившись с Фадейкиным-Пырьковым, плюнул ему в лицо и назвал его подлецом. И в добавление к этому он повесился. Однако ЦК не разрешило ССП похоронить Латышева по-граждански, то есть с панихидой, речами, музыкой и так далее.

Мне кажется, что трезвость Фадейкина-Пырькова, помноженная на его хмурость, объяснялась именно тем, что Латышев повесился, и тем, что было запрещено хоронить его с почестями, хотя последний и был, повторяю, восстановлен во всех своих правах.

Видимо, тень смерти пробирает даже таких твердокаменных и обшитых броней, как Иван. Впрочем, дело заключалось, пожалуй, не только в смерти. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Латышев своим отчаянным поступком смешал ген.сека. ССП с грязью, во всеуслышание заклеив его подлецом и еще, я забыл сказать об этом, плагиатором. И стало это известно в Москве решительно всем. Куда бы Иван теперь ни пошел, ему бы смотрели вслед и про себя бросали: “Подлец! Плагиатор!” А ведь и в Фадейкине-Пырькове жила гордость (в ком ее нет?), что-то подобное гордости, которая давала о себе знать. Вот Иван и перестал пить, уже второй день не пропустив ни капли, и даже решил выкинуть какой-либо необыкновенный и экстраординарный фортель, находясь в ЦК КПСС, для того, чтобы “оправдать” себя в собственных глазах. Для этого утром перед отъездом в Москву он сунул в карман пистолет “Штеер”, хранившийся в ящике письменного стола еще с войны.

Я думаю, что Фадейкин-Пырьков, как и другие равной номенклатуры, искал спасения в старой русской поговорке “Лес рубят щепки летят”, однако это не очень помогало, потому что в трезвых мозгах уже второй день без передышки отдавалось: “Подлец! Плагиатор!”

— Товарищи коммунисты, товарищи большевики, члены нашей славной ленинской партии, — продолжал Сусликов. — Товарищи сторонники научного социализма! Мы не за гнилой либерализм. Мы за пролетарскую непримиримость. Но что касается романа Андрея Кутырева, то тут необходима филигранная

работа, — и Сусликов хихикнул. — Да-с, филигранная. Кутырев в общем и целом советский двуногий. Я подчеркиваю это. Но в голове у него произошла, научно выражаясь, социальная аберрация. Факт остается фактом: товарищ ошибся, но ошибся наш товарищ, архитектор человеческих душ, да, да, архитектор, а не инженер, дорогой Фадейкин-Пырьков. Он потерял ориентиры. Значит необходимо: сохранить архитектора, как социалистическую интеллектуальную единицу, разгромив в пух и прах его роман.

4.

Сусликов вызвал Кутырева.

Андрей вошел в старомодной паре: длинный пиджак с узенькими бортиками, и короткие, дудочкой, брюки, а вместо галстука на шее у него был завязан бант; штiblеты же его были на очень толстой подошве, подбитые металлическими подковками, так что, когда он шел, они цокали. И он был "на взводе" или, как выразился Пожарков, "под парами". Тем не менее, Кутырев хорошо контролировал свои движения и речь. В одной руке он держал портфель с множеством ремешков, а в другой — плетеную корзинку, прикрытую папоротником, с вылезавшим в углу горлышком бутылки.

Вслед за Кутыревым в кабинет вошел и Пожарков, который не сводил глаз с корзинки.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — бодро проговорил Андрей и это прозвучало так, точно он свидетельствовал: "А вот и я!"

Сусликов тотчас же встал из-за стола и с широкой улыбкой направился ему навстречу.

— А-а-а-а, привет уважаемому Андрею Алексеевичу. Вы ведь Андрей Алексеевич, я не ошибся. Я так рад! Я так рад! — в голосе секретаря ЦК проглядывало радушие. — Я счастлив с вами познакомиться лично, вот именно, лично. Мы конечно же прежде встречались на литературном фронте, то есть на различных съездах, пленумах и конференциях. А теперь вот судьба свела нас непосредственно.

— А вы верите в судьбу, голубчик? — шутливо спросил Кутырев.

— Конечно. В социалистическую, — так же шутливо ответил Сусликов.

— И я рад, весьма, — Андрей покрутил языком за правой щекой. — Ведь вы не просто Михаил Борисович Сусликов, вы же секретарь нашего ленинского ЦК, идеологический вожьд, марксист, специалист по эстетике.

Сусликов скромно потупил глаза и протянул руку Кутыреву, который, опустив корзинку и портфель на пол, сжал ее, попетушиному вытянув голову вперед. От его сильного рукопожатия секретарь ЦК скривил физиономию и сказал:

— Черт подери! Вы что на производстве работаете что ли? Рука у вас, как у слесаря или молотобойца... — и указав на Куца, он представил: — Это новый заведующий отделом культуры ЦК, товарищ Куц, Дмитрий Степанович.

— Рад, рад. Пам-пам-пам...

Куц то ли улыбнулся, то ли нет, этого на лице его разобрать было нельзя. Но Кутырев подошел к нему и предложил рукопожатие. Куц не отказался; сила кисти Андрея не произвела на него никакого впечатления, что, безусловно, сконфузило Кутырева.

— Неужели Кац? — спросил он.

— Нет, нет, не Кац, а Куц. Куц! — быстро поправил Сусликов.

От этого вопроса брови Куца сошлись на переносице в одну линию, предвешая грозу. (Куц фамилия украинская, а Кац еврейская. Есть же разница?)

— А я подумал, не произошла ли в ЦК революция, Кутырев двусмысленно кашлянул.

— Извините, но "французов" всяких, этих "кацов", у меня в аппарате нет. — ледяным тоном заметил Сусликов. — Товарищ Куц решением Оргбюро ЦК переведен к нам с... флота.

— С Балтийского? — поинтересовался Кутырев.

— Дурак, с Лубянского, — за Сусликова спокойно ответил Фадейкин-Пырьков.

— То есть как это с... Лубянского? — и Андрей добавил: — Здравствуй, Иван.

Из КГБ, — пояснил Фадейкин-Пырьков. — Здравствуй. А-а-а...

Ну и что в том? — в интонации голоса Сусликова

появилось назидание. — Я горжусь тем, что у меня работает все больше и больше флотских товарищей.

— Вы что, голубчик, простужены? — участливо спросил Кутырев Куца.

— Вчера у него была первая встреча с нашими прославленными советскими кинематографистами, — объяснил Сусликов. — Они народ шумный, крикливый. Ну вот, Дмитрию Степановичу и пришлось маленько напрячь голосовые связки. Он как бы с поля боя. Ха-ха-ха. После Ватерлоо. Ха-ха-ха. А вот теперь попивает горячее молочко, чтобы набраться новых сил и снова ринуться в баталию.

— Подумайте! — почти восторженно воскликнул Кутырев.

— Андрей Алексеевич... а вы... вот с... с корзинкой, как я погляжу... — точно спохватился Сусликов. — Интересно! Что, собрались после ЦК на Центральный рыночек или на пикничок?

— Нет, Михаил Борисович, тут я просто кое-что привез вам. Ну да, вам. Новые ягоды. Клубника-скороспелка. Последняя в сезоне. Экспериментирую. Сам вырастил. Посмотрите, какая красавица!

Кутырев поднял корзинку с пола, поставил ее на стол для заседаний и приоткрыл папоротник.

— О! Янтарь! — невольно вырвалось у Сусликова, когда он подошел к столу для заседаний и взглянул на клубнику. — Такой даже у меня на даче нет.

— Все зависит от сорта и от ухода, голубчик. Окапывать надо по два раза на день. И еще опыление.

Чем вы опыляете, если не секрет?

ДДТ.

И мой садовник использует ДДТ.

А вино это, Михаил Борисович, из Грузии. Видите ли, я перевел роман грузинского прозаика, Тенгиза Тавардклидзе. Я, видите ли, знакомлю русского читателя с литературой братских республик. Так вот, он и привез два бочонка.

Сусликов обнюхал Кутырева.

— Понятно. Вы кажется немного того... под хмельком, а?

— Это моя дочь. Это она настояла, чтобы я утром за завтраком, кроме борща, выпил стаканчик красного, смутившись, произнес Андрей. — А когда я выпиваю стаканчик

красного, я начинаю чувствовать себя вороном. Кр-кр-кр-кр...

Это занятно, — рассмеялся Сусликов.

А вы?

Нет, я обхожусь без этого... Кр-кр-кр...

Кстати, это моя дочь, это она надоумила взять с собой бутылочку. Для вас, Михаил Борисович.

— Алкоголь надо отправить в спец. лабораторию для анализа, — не вытерпев, перебил Пожарков.

— Это зачем же, голубчик?

— Товарищ Пожарков, я прошу вас держать язык за зубами, — строго проговорил Сусликов. — И ступайте-ка в приемную. Ваше место там.

Подполковник КГБ, ворча, вышел из кабинета.

— Он кто, если можно узнать? — спросил Кутырев.

— Мой... комиссар...

— Телохранитель, в переводе на русский язык, — спокойно пояснил Фадейкин-Пырьков.

— Не болтай чепухи, Иван! — Сусликов немного повысил голос. — Пожарков мой "комиссар". Телохранители это у всяких там Джонсонов и Деголей, в лагере империализма, — и сев за письменный стол, кашлянув и постучав карандашом о металлическую часть пресс-папье, он солидно добавил: — Ну что ж, товарищи, приступим к делу?

— Минуточку, — остановил его Андрей. — Я предлагаю для затравки выпить по стаканчику вина. От этого мысль станет острее, озорнее, принципиальнее, и всякое такое... как?

Сусликов и Куц переглянулись.

— Дорогой Андрей Алексеевич, — мягко начал секретарь ЦК, — видите ли... не принято это у нас в ЦК, но... но с вами в компании... отчего же? Мы живые советские люди, двуногие, со слабостями конечно... Ха-ха-ха... Ты, я надеюсь, не возражаешь, Дмитрий Степанович? — и в ответ на кивок Куца Сусликов сказал. — Вот и товарищ Куц "за".

— Чудесненько! — проговорил Кутырев.

— Когда это бывало, чтобы флотские отказывались от выпивки? — с издевкой заметил Фадейкин-Пырьков, по-прежнему сидя в кресле и заложив обе руки в карманы брюк.

Но на его реплику никто не реагировал. Сусликов нажал на

кнопку звонка и, когда вошла Катя, велел ей принести из буфета четыре стакана. Андрей намекнул и на тарелочки для клубники. Катя, оттопырив верхнюю губку, презрительно посмотрела на Кутырева и вышла из кабинета, оставив после себя сильный запах духов.

— Могу поручиться — "Красная Москва", — потянув носом, заявил Андрей.

Куц отрицательно замотал головой, а на листке бумаги написал "Коти", и передал листок Кутыреву.

— А... французские? Скажи пожалуйста... — прочитав написанное Куцом, произнес Андрей.

— Товарищи! Как можно! — упрекнул Сусликов. — В стенах ЦК вы обсуждаете заграничную парфюмерию, — и уже официальным тоном он продолжал: — Андрей Алексеевич, я должен проинформировать вас. Дело в том, что главный редактор журнала "Знамя", в который вы послали свой роман "Годы и Люди", товарищ Кожевкин, не может присутствовать на нашем собеседовании, так как у него на днях произошел сердечный приступ. Нет, нет, Андрей Алексеевич, не от чтения вашего романа. Между нами, кажется, от жены. У него... могучая жена. Наседает. Ох, эти жены...

Стало быть, моя совесть чиста, — сказал Кутырев.

Он сейчас в санатории Кремля в Барвихе.

Ах, бедненький.

Ну это вы напрасно. В санаториях Кремля бедненькие не лежат, там лежат только богатенькие, — сострил Сусликов.

— Я о сердечном приступе.

— Вы, разумеется, догадываетесь, что именно он, Кожевкин, и переслал нам для ознакомления ваш роман.

— Разумеется, разумеется.

— Это был его партийный долг. Надеюсь, вы не в претензии за то, что он это сделал без вашего разрешения.

— М-м-м, нет, ничуть.

— Ну и прекрасненько.

Катя внесла на подносе стаканы и тарелочки, молча поставив их на стол заседаний и после этого выйдя из кабинета. Куц проводил ее "бутылочки" пристальным взглядом и энергично почесал свой затылок. Кутырев высыпал клубнику из корзинки

на тарелки и наполнил стаканы вином.

— Готово! Прошу!

— Ну что ж, коли так, то... — Сусликов встал и подошел к столу для заседаний. — Дмитрий Степанович, не бойсь, молоко с вином не подерется.

Ванечка, а ты? — обратился Кутырев к Фадейкину-Пырькову.

Я не пью.

Что-о? Ты не пьешь?

Сегодня. Сегодня я не пью.

Это... почему же?

Пока тухнет мясо, я пить не могу.

Иван расстроен, Андрей Алексеевич, — объяснил Сусликов. — Вы же слышали, наверное, член ССП Латышев повесился, а ген. сек. за всех вас несет ответственность перед ЦК КПСС. За повешенных и за неповешенных.

— Да, да, я слышал об этом. Печальная история. И его почему-то не хоронят. Ты сказал, Ванечка, что мясо тухнет... Говорят, в верхах идет спор. Но с другой стороны, труп ведь долго ждать не может. Ты прав, Ванечка, он тухнет, то есть разлагается, а со льдом сейчас в Москве плохо. Перебой. Кажется, весь брошен на производство "эскимо". На улице жарко... Но у вас тут хорошо, Михаил Борисович. Какой огромный вентилятор!

— Немецкий, — тон у Сусликова сделался непреклонным.

В соответствии с нашей социалистической моралью и партийной этикой самоубийца — враг общества! — подняв стакан с вином, он провозгласил тост: — Я предлагаю выпить за основоположников научного социализма! Вот они все висят на стене!

Сусликов посмотрел на портреты.

— Все, кроме Соськи, — бросил Фадейкин-Пырьков.

— Что ты сказал? — Сусликов сделал вид, что он не слышал слов Ивана.

Счастливые покойнички, — вот, что я сказал.

— Я тебя не понимаю, товарищ Фадейкин-Пырьков.

— Гип-гип ура! — воскликнул Кутырев, выведя из затруднения секретаря ЦК.

Сусликов, Куц и Андрей Алексеевич чокнулись, звякнув стаканами, и выпили вино, поставив после этого стаканы на стол.

Напиток — блеск, — сказал Сусликов.

Это "Оджалеси", — сказал Кутырев.

Товар! — сказал Сусликов.

Кх-х, — неопределенно выдавил Куц.

А теперь прошу отведать мою клубнику-скороспелку.

Ну что ж... А ты как, Дмитрий Степанович?

Куц ничего не ответил, но взял ягоду и положил ее в рот. Секретарь ЦК последовал его примеру. В течение двух-трех минут они, чавкая, прикончили почти всю клубнику.

Ну как? — спросил Кутырев.

Крута-а, черт! — ответил Сусликов.

Именно, что крута, а какая сладость?

Медо-овая, черт!

Именно, что медовая.

Однако в этот момент Сусликов как бы опомнился, посмотрел на часы, кашлянул, напустил на себя привычную цеховскую важность, возвратился к письменному столу, сел в кресло и начал периодически икать.

— Товарищи...

— Михаил Борисович, — перебил Кутырев, — а может быть, пропустим еще по стаканчику. Ведь все глаже пойдет. Не так ли, товарищ Кац? То есть Куц.

— Кх-х, — произнеся этот неопределенный звук, Куц потянулся за стаканом, тем самым выразив согласие.

— А ты, Дмитрий Степанович, вперед батьки в пекло лезешь, говоря на языке народного фольклора, — Сусликов улыбнулся и погрозил заведующему отдела культуры ЦК указательным пальцем.

— Еще по заходу и тронемся, — весело бросил Кутырев, наливая в стаканы вино. — Мы же живые советские люди, Михаил Борисович, мы же не схемы, не тезисы, не герои на котурнах.

— Это верно, Андрей Алексеевич, мы нормальные советские двуногие.

Сусликов, Куц и Кутырев снова чокнулись.

— За наше боевое, ленинское ЦК! — с энтузиазмом

выкрикнул Кутырев.

Аминь, — насмешливо произнес Фадейкин-Пырьков.

— За! — одержимо сверкнув глазами, произнес Сусликов.

— За! — спокойно повторил Куц.

Они выпили.

Сев на свое председательское место, Сусликов опять постукал карандашом о металлическую часть пресс-папье и заикал.

Итак, товарищи...

— Можно мне снять пиджак, Михаил Борисович, все же жарко, хотя у вас и такой гигантский вентилятор. Вы сказали немецкий? — Кутырев добродушно улыбнулся.

— Немецкий.

Сусликов невольно поморщился, как бы давая понять Андрею, что тому не следует переступать общепринятые границы, переходя на "интим". Но все же кивком позволил Кутыреву снять пиджак, что последний и сделал весьма нетерпеливо, вовсе не обнаруживая какого-либо волнения или беспокойства; затем он повесил пиджак на спинку стула, сел за стол заседаний, опять же неторопливо взял с пола портфель, открыл его, достал пачку бумаг и долго раскладывал их перед собой. Куц сел напротив Андрея и уставил на него свои маленькие паучьи глаза, как будто бы хотел впиться в него.

— Во времена она говорили: "Бог в помощь!" — произнес Сусликов. — А мы теперь говорим: "Коллегиальность и научность — залог победы!" Ну-с, товарищи, от имени Политбюро ЦК КПСС и секретариата ЦК КПСС...

Не надо! — подняв руку, остановил Кутырев.

Что не надо?

Я против! — решительно заявил Андрей.

Против чего? — Сусликов, недоумевая, пожал плечами.

Дорогой Михаил Борисович, я знаю, что вы считаете мой новый роман "Годы и Люди" — "Анти". Но я говорю вам: "Это неправда!" Пам-пам-пам... — Кутырев встал и прошелся по кабинету. — Нет, я не спал две ночи и я понял, что мой новый роман "Годы и Люди" не только "Анти", а еще и образец исторической фальсификации, да, да, фальсификации.

Что? — Сусликов поперхнулся.

Фаль-си-фи-ка-ции!

Ряженный, — фыркнул Фадейкин-Пырьков.

— Нет, Ванечка, я не ряженный, — поправил Андрей Алексеевич. — Я мелкобуржуазный пигмей.

— Тыфу, пес! — воскликнул Фадейкин-Пырьков. — Ты меня переплюнул, скотина! — Он достал из кармана коробку папирос "Казбек", но, посмотрев на надпись "Не курить!", ничего больше не сказал, встал и направился к выходу.

— Ты куда, Иван? — остановил его Сусликов.

— Покурить и... отдышаться, — ответил Фадейкин-Пырьков и добавил: — Тошно слушать этого буффона.

Он вышел из кабинета, а Сусликов в явной растерянности обратился к Кутыреву:

— Дорогой Андрей Алексеевич, видите ли, у нас в аппарате ЦК существует известный порядок. Сначала я, как секретарь ЦК по вопросам агитации и пропаганды, должен сделать сообщение, а потом...

Не надо! — опять, подняв руку, остановил его Кутырев.

— Что не надо?

— Не надо попусту терять время. Повторяю: мой роман это историческая фальсификация, — Кутырев пришелкнул языком. — Некоторые утверждают, что в нашу эпоху личность писателя распадается и талант существует вне зависимости от данной индивидуальности. Это, голубчики мои, чистая мура и вражеский выпад, да, да, товарищи специалисты по эстетике, гражданские и флотские, вражеский выпад. Пам-пам-пам... Налицо борьба в самом писателе, между его даром и преданностью социалистической родине.

Андрей Алексеевич, а... а что означает это пам-пам-пам?

— Не перебивайте меня, Михаил Борисович, пам-пам-пам. Я вас спрашиваю, товарищи: кто дал мне право проводить преступную параллель между злодеем Гитлером и Иосифом Виссарионовичем Сталиным, который, несмотря на те ошибки, которые в его деятельности вскрыла партия большевиков, несмотря на то, что вы, товарищ Сусликов, временно сняли его портрет со стены, был, есть и будет великим марксистом всех времен. Пам-пам-пам. И я убежден, товарищ Сусликов, и вы, товарищ Куц, что Сталин у вас в сердцах жив. И я поздравляю вас с этим!

— Кх-х, — в который раз неопределенно произнес Куц.

— Андрей Алексеевич...

— Не перебивайте меня! Я не имел права порочить гениального ученика Ленина! — Андрей все больше и больше увлекался своей страстной тирадой: — Я спрашиваю вас, дорогие товарищи, кто позволил мне восхвалять роль предателя Троцкого в Октябрьской революции и в создании Красной Армии, иудушки-Троцкого? Своего героя, русского металлурга — Мандрыкина, я почему-то пропустил через партийную оппозицию, да, да, правую и левую оппозицию, — и обращаясь уже непосредственно к Куцу, Кутырев продолжал: — А на каком основании я изобразил мерзавцем и циником следователя наших славных органов Гос. безопасности? Ведь я посягнул на честь флотских товарищей. В чем, собственно, идея моего романа? Вот пример из текста, — Андрей взял со стола несколько листков бумаги: — Вот диалог между инженером Полетаевым и секретарем обкома партии Губановым. Страница 365. Губанов говорит: "Человек хочет быть всегда свободным, чтобы творить, а наше идейно нацеленное общество отнимает у него эту свободу в том случае, когда его творчество не служит интересам народа". Полетаев говорит: "Не давая человеку абсолютную свободу, то есть ничем не обусловленную свободу, вы, коммунисты, объявляете его рабом общества и тем самым деградируете само общество". Я вас спрашиваю, товарищи специалисты по эстетике, гражданские и флотские, разве это не апологетика солипсизма, разве это не демагогия низкого пошиба во имя идиотского, буржуазного и империалистического нацизма? И разве отсюда не шаг к прямой контрреволюции и к восхвалению, например, кровавых дел белого генерала Деникина?

— Гм, при чем же тут... Деникин? — Сусликов окончательно растерялся.

— Не перебивайте меня! — речь Кутырева пламенела. — Я спрашиваю вас, дорогие товарищи, можно ли в условиях социалистических преобразований и реконструкции страны и общества полностью доверяться глазу творца, художника, писателя? И я отвечаю: Нет! Нельзя! Ибо если талант писателя зиждется лишь на правде данного факта, то это рискованно, так как, увы, часто правда факта оказывается социальной ложью. Пам-пам-пам!

Кутырев налил себе еще полстакана вина и залпом выпил его, что как бумеранг подействовало и на Куца, который так же взял со стола стакан с вином, налитым для Фадейкина-Пыркова, и так же залпом осушил его. Кутырев пришелкнул языком.

— Словом, — продолжал Кутырев, — надо чистосердечно констатировать, что: а) многие советские писатели замыкаются в рамках мещанских и эгоистических интересов, б) копаются в дебрях партийного прошлого, вывешивая на показ грязное белье великой эпохи, в) жонглируют правдой факта, г) не видят исторической правды настоящего. Ну и в итоге это приводит их к разбитому корыту и идеологическому перерождению.

— Пам-пам-пам, — неожиданно автоматически произнес Сусликов, но сразу же, спохватившись, уже твердо, и явно решив воспрепятствовать дальнейшему извержению слов Андрея, сказал: — Товарищ Кутырев, хватит!

— Не будьте чиновником! Дайте излиться до конца! вспыхнул Кутырев.

— Гм... извините, Андрей Алексеевич, — поняв, что он допустил тактическую ошибку, Сусликов даже улыбнулся.

— Так вот, — продолжал Кутырев, — талант в человеке и, одновременно, между талантом и человеком неизбежные трения. Верьте мне, товарищи специалисты по эстетике, налицо борьба в самом художнике, повторяю, между его дарованием и его патриотическими эмоциями. И тут, да, да, именно тут решает среда. Эрго? Я упрекаю самого себя в том, что и я оторвался от нашей советской жизни, от ее неповторимых социалистических черт и ударился в метафизику и исторический абстракционизм. И вы правы, вы тысячу раз правы, товарищи из ЦК КПСС, обличая нас, членов ССП, в том, что мы "коптим" в рамках узких личных проблем и не умеем воспевать перспективных зорь будущего. Не случайно, говоря откровенно, я чувствую себя каким-то старомодным дядькой. Не случайно за мной установилась кличка "чепчик", — Кутырев при этом поправил свой головной убор. — А моя дочь, Ирина, студентка ВГИК'а даже сравнивает меня с Гретой Гарбо, американской кинозвездой, которая, оказывается, ни при каких случаях жизни не снимает с головы шляпу.

Сусликов забежал карандашиком по бумаге и сказал:

— Правильно.

— А что, собственно, вы записываете, Михаил Борисович? спросил обеспокоенный Кутырев.

— Ваши метафоры, Андрей Алексеевич.

— А... записывайте. Однако, я должен кое-что добавить. Разве это не отрыв от лучезарной действительности: вот уже в течение многих лет я не принимаю активного участия в общественной жизни писательской массы, а я ведь мог бы, ну, скажем, играть на матчах в пинг-понг в Доме Литераторов, или, например, я бы мог принять участие в гимнастических упражнениях столичных прозаиков. А кроме того, и это кардинальное, о-о-о-о, это ужасно, но я не ездил в творческие командировки, не знакомился со строительствами новых индустриальных гигантов, с новыми конструкциями цементомешалок и с возведением новых дворцов культуры. Вот... вот, пожалуй и все. — Кутырев перевел дыхание, но потом заявил. — Нет, это не все. Я решил переписать мой роман "Годы и Люди". Вот план переделок. Я работал над ним два дня и две ночи. Положительные герои здесь укрепляются, и центральная линия приобретает абсолютно оптимистическое звучание.

И он протянул Куцу кипу бумаг.

— Вы решили переписать роман? Сусликов даже присвистнул.

— А что? У нас же в этом смысле есть великолепные традиции, — сказал Андрей Алексеевич. — Вот и товарищ Фадейкин-Пырьков ведь переписал свой послевоенный роман "Гвардия Смелых". И сделал он это по личному указанию товарища Сталина. Так ведь? — Кутырев, покрутив языком за обеими щеками, добавил: — Это все по творческой линии. А теперь, товарищи, я перейду к морально-бытовому вопросу, потому что я явно разложился.

Сусликов хрустнул пальцами, вытер потные ладони, встал из-за стола, поправил пенсне и достаточно строго произнес:

— Всему есть предел! Довольно! Хватит! Здесь я хозяин. Я, так сказать, команду парадом. Так что закройте вашу плеватьницу, Андрей Алексеевич. Мы, коммунисты, владеем методом научного подхода к социальным проблемам, и мы категорически возражаем против хаоса, анархии и спорадиче-

ских покаяний. Нет, Андрей Алексеевич, так дальше не пойдет. Вы торопитесь, это раз, и вы создаете черт знает какой ералаш, это два. Мы, мы, сторонники научного социализма должны критиковать вас, а вы должны не бить челом, а сопротивляться и обороняться. Обороняйтесь, товарищ Кутырев!

— Как же так, голубчик? Ведь Иван предупредил меня еще третьего дня, что я должен сам, да, да, сам во всем покаяться и выступить перед вами с самокритикой.

— Рано. Тут нужны этапы, понимаете, этапы. Чтобы соблюсти правдоподобие. Понимаете? Мы за этапы в преодолении трудностей, Андрей Алексеевич. Нет таких крепостей, которых бы не взяли большевики. Так вот, Андрей Алексеевич, будьте на данный отрезок времени крепостью. Говорите, например, что вы не согласны с теми, кто называет ваш роман — исторической фальсификацией.

— А я с теми согласен, — почти весело сказал Кутырев.

Нет, мне не в чем упрекать Андрея Кутырева. Он не выдержал и сдался. И я сдавался. Мы, как правило, сдаемся. Это наше актерское амплуа.

— Нам, Андрей Алексеевич, надо чтобы ваша история послужила хорошим уроком для других, — сказал секретарь ЦК.

— Отныне я на ленинском пути, — Кутырев осторожно прищелкнул языком.

— А мы хотим, чтобы на ленинском пути были бы все члены ССП. Поэтому не будем торопиться и будем осуществлять наше мероприятие по этапам. Первый этап: вы сопротивляетесь и отрицаете наше партийное обвинение. Мы атакуем. Будет критика в центральной прессе. Второй этап: вы упорно молчите, а мы упорно атакуем. Вы же мастистый писатель. Вы не можете сразу сказать: "Отныне я на ленинском пути". Вы должны прийти к этому постепенно, правдоподобно, эволюционно, как беспартийный товарищ.

— Нет, я не беспартийный товарищ, я сочувствующий товарищ, — возразил Андрей.

— Все равно. Третий этап: вы задумываетесь, у вас начинаются душевные переживания. Вас охватывают идеологические сомнения. Вы спрашиваете себя: "А прав ли я?" Ну и последний, четвертый, этап: ваше публичное покаяние. И это свойственно художникам. В этом есть что-то привлекательное. Исповедь как

бы. Быть может, понадобится ваше письмо в "Правду". Ну, устраивает вас такой сценарий?

— Гениально! Кутырев зачарованно смотрел на Сусликова. — Это же чудесный сюжет для романа.

— Вы думаете?

— Михаил Борисович, я ваш.

В кабинет в это время вернулся Фадейкин-Пырьков. Он сел на стул и закрыл глаза, как бы давая знать, что его тут нет. Однако Сусликов, не скрывая торжества, тотчас же обратился к нему:

— Ну вот, Иван, пока ты накачивался никотином, мы с Андреем Алексеевичем, в принципе, все утрясли. Помог, разумеется, марксистский анализ. Инструктирую вас, товарищ ген. сек. ССП, — Сусликов перешел на официальное "вы": — Проведете на секретариате обсуждение романа Кутырева "Годы и Люди", расчихвостите его в пух и прах. По всем статьям, — повернувшись к Андрею, он галантно произнес: — Надеюсь, вы не будете в обиде?

— О нет, напротив.

— Нет! Не будет этого! — открыв глаза и не глядя на Сусликова, сказал Фадейкин-Пырьков.

— То есть как это... не будет этого?

— А так, не будет на секретариате обсуждения романа "Годы и Люди".

— Я... я тебя не понимаю, товарищ Фадейкин-Пырьков. Неповиновение? Ты что же...

— Роман Кутырева "Годы и Люди" сперва должен быть опубликован, — перебил решительным тоном Фадейкин-Пырьков. — И пусть рядовые советские трудящиеся сами судят. Достаточно, товарищ секретарь ЦК, подменять наш народ и диктовать ему ваши "цековские" вкусы, и довольно зажимать писательские индивидуальности. А что если время покажет, что роман Кутырева — это важный документ эпохи?

Ты его читал? — сухо спросил Сусликов.

— Нет...

— Да как же ты можешь говорить о том, что ты... не читал, возмущился Сусликов.

— А ты его читал? — спросил в свою очередь Фадейкин-Пырьков.

— Нет... я его не читал, но мне достаточно мнения отдела культуры.

— Эй, флотский, зав.отделом культуры, ты-то его читал?

— Кх-х, — кашлянул Куц. — Не-ет, я его не читал, но мой инструктор, Яков Чижиков, читал.

— Ясно. Флотские больше действуют руками, чем головой, — едко произнес Фадейкин-Пырьков. — Так что положимся на мнение Якова Чижикова, — и Иван запел: "Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил..."

— Да ты что? Ты рехнулся что ли? Да ты в своем ли уме, товарищ ген. сек. ССП? — закипятился Сусликов. — Кроме Чижикова читал Кожевкин из "Знамени".

Куц нахохлился как петух, брови на его переносице опять сошлись в сплошную линию. Кутырев же, крутя языком за обеими щеками, притих, испуганно глядя то на Сусликова, то на Куца, то на Ивана.

— Документ эпохи! — выкрикнул Сусликов. — Ничего себе документик! Прекрасный подарок для внутренней реакции!

— Не болтай попусту, Сусликов! — рявкнул Фадейкин-Пырьков и привстал со стула. — О какой-такой внутренней реакции ты говоришь? Укажи мне на нее, укажи пальцем. Где она?

От окрика Ивана секретарь ЦК позеленел и даже вздрогнул.

— А ты сам... сам не видишь? Тебе надо указать пальцем? Ну что ж, изволь. Я укажу пальцем. Кстати, это будет полезно и для Кутырева, — Сусликов пришел в состояние предельного возбуждения, вскочил из-за стола и начал вытирать носовым платком свои ладони. — Сейчас, ген. сек. ССП, ты ее увидишь. Сию минуту!

— Иван, не перечь товарищу Сусликову, — выдавил из себя Андрей.

— Заткнись, юродивый! — огрызнулся Фадейкин-Пырьков.

Сусликов тем временем подбежал к сейфу, открыл его, достал оттуда толстую синюю папку, такую же, по внешнему виду, как и та, которая лежала у него на письменном столе, открыл её и показал Кутыреву.

Узнаете, Андрей Алексеевич?

— Что? Да... это рукопись моего романа "Годы и Люди".

— Позвольте у вас спросить: сколько у вас было копий?

— Три...

И он сразу-же сообразил, что произошло что-то странное.

— Только три?

— Только три. Четвертая вышла из машинки совсем слепая, потому что, увы, качество нашей копирующей бумаги не выдерживает критики. Так что четвертую копию я сам лично уничтожил.

— Хорошо. На моем столе лежит та копия, которую вы послали в журнал "Знамя". Правильно? Кажется, это первая копия.

— Да, первая.

— Откуда же взялась эта копия? — Сусликов показал на ту, которую он держал в руках.

Пам-пам-пам...

— Что?

— Законный вопрос. Откуда же она взялась, в самом деле?

Кутырев растерянно улыбнулся, не зная, что сказать. Да, произошло что-то странное. У Сусликова в руках была явно третья копия его романа, хранившаяся у Клары Ильмас. Это ужаснуло Андрея. "Неужели она переслала ее в ЦК?", промелькнуло у него в мозгу. Но он тотчас же отверг эту мысль, как абсолютно вздорную.

— Та... эта третья копия, товарищ Сусликов, была... она была у меня в шкафу... я не знаю, как она попала к вам... — соврал Кутырев.

— У вас в шкафу? Вы в этом уверены, Андрей Алексеевич? — напирал Сусликов.

Ну да... ну да...

Где бы она ни была, как видите, она сплыла.

Сплыла. Факт, — поддакнул Андрей. — Чудеса в решете.

Теперь, к счастью, она у нас в ЦК.

Вы... вы не факир ли, Михаил Борисович? — с улыбкой отчаяния попытался пошутить Кутырев.

— Нет, я не факир, Андрей Алексеевич. Но я хотел бы спросить вас, а где же вторая, да, да, вторая копия вашего романа, если третья вот у меня в руках?

— Вторая? — сердце Кутырева екнуло.

(Ведь вторую копию он отдал Тенгизу Таварджиладзе для того, чтобы тот переправил ее в горы Сванетии, дедушке Гигия).

— Да, да, вторая.

— А вторая должна быть у меня на даче, в Переделкино, — неуверенно произнес Андрей.

— Словом, товарищ Кутырев, позвольте заявить вам, что я не факир, но что вокруг вас и нас вертится много всяческих вражеских факиров. Вот в чем дело. Только Иван Фадейкин-Пырьков их не видит. Он ослеп. Он политический слепец. К твоему сведению, Иван, — добавил Сусликов, — если бы не наши славные органы разведки, если бы не наши флотские товарищи, то роман Кутырева не сегодня-завтра оказался бы на Западе. Я повторяю: на Западе! Короче, эту копию мне прислали утром из КГБ.

— Господи! — в страхе воскликнул Кутырев и, кажется, он хотел перекреститься, хотя он в Бога не верил.

— Да, да, Андрей Алексеевич, вашу рукопись могла постичь позорная участь рукописи отщепенца Житницына и некоторых других внутренних эмигрантов. И ваше имя тогда начала бы трепать уже внешняя реакция.

— Я не позволю! — энергично запротестовал Кутырев.

— Внутренняя реакция... внешняя реакция... — проворчал Фадейкин-Пырьков.

— Что касается внутренней реакции, Иван, то заверяю тебя в том, что она работает на полную катушку, — Сусликов повысил голос. — Та самая внутренняя реакция, которую ты в данный момент почему-то не хочешь замечать. Нам хорошо известно, например, о существовании в Москве нескольких литературных салонов, в которых, например, под видом поэтических вечеров и выпивонов, например, устраиваются собрания тайных обществ. Да, да, да, да, тайных обществ. Т.О. И на этих собраниях, например, обсуждаются вопросы свержения, например, Советской власти, то есть власти рабочих и крестьян. И нам хорошо известно, кто, я подчеркиваю это, кто посещает собрания Т. О. Нам это очень хорошо известно. Мы же живем в условиях предельного идеологического накала, когда отовсюду раздаются ядовитые голоса...

Эту речь или что-то вроде речи Сусликова оборвал телефон-

ный звонок кремлевской АТС. Секретарь ЦК поспешно приблизился к столу и снял трубку одного из аппаратов.

— Я слушаю, — произнес он и затем после паузы лицо его передернуло гримаса, — Балбес! Замолчи сейчас же! — закрыв ладонью левой руки верхнюю часть телефонной трубки, он обратился к Фадейкину-Пырькову. — Вот тебе, Иван, другой пример... вот мой сынок, школьник, четырнадцати лет от роду, Сашка, комсомолец, пользуясь тем, что у меня на квартире и на даче стоят кремлевские телефоны, звонит, нет, не только мне, он регулярно обзывает всех секретарей ЦК и вот кричит как угорелый, вот, вот, послушайте, что он кричит.

Сусликов открыл верхнюю часть трубки и из нее донесся истошный вопль его сына: "Гады! Ревизионисты! Да здравствует Мао Дзе-дун!"

Секретарь ЦК бросил трубку на рычаг.

— Это объясняется лишь вражеским влиянием. Так что... Нет, Андрей Алексеевич, я не имею права разглашать подробностей, тем более, что вы беспартийный, хотя и сочувствующий, но я повторяю: если бы не наши прославленные чекисты, то "Годы и Люди" оказались бы на Западе... Вы же, Андрей Алексеевич, советский человек, да, да, наш советский человек, который просто ошибся. Ошибся. С кем это не случается? Вы не злоумышленник.

— Михаил Борисович, даю вам честное слово, что я никогда, никогда ни в каком Т. О. не состоял.

— Что вы, Андрей Алексеевич, я и думать об этом не мог. Что вы! И вот, возьмите свой план переделок романа, — он указал Андрею на пачку его бумаг. — Резюмирую: будем считать собеседование оконченным под лозунгом: "Коллегиальность и научность..." Критического разбора вашего романа не было и спора, как такового, не было. Но это ничего. Мы обошлись без штампа и лишней трепатни, если так можно выразиться. И вместе мы установили последовательность развития событий. Четыре этапа. Не забудьте о них, Андрей Алексеевич. А копии вашего романа, обе, пока останутся у меня. От вас, конечно, требуется: не разглашать содержание нашего разговора и... бдительность, как всегда предельная бдительность. Собственно, я вас больше не задерживаю. Вас ведь дома ждет

семья. Дмитрий Степанович проводит вас. За вино и клубнику спасибо. И не падайте духом. На ошибках учимся, товарищ Кутырев. Мы ждем от вас новых произведений, созвучных нашей великой эпохе.

(Продолжение следует)

Юрий Кротков

У БЕРЕГОВ КРИТА

Древний Крит — он, как бритва, напорист,
Дикий камень с рогами быка
И ему виноградное море
Неостывшие лижет бока.
Посейдона прохладная ласка,
Кноса дикого белая кость,
Шелест пены у острова Наксос,
Шорох влаги, прозрачной насквозь.
Все бы струйки зелёные выпил,
Все бы гроты запомнил в горах —
Здесь у нас, как созвездия, мифы
Обступили весёлый корабль.
Этот ветер с гомеровской прытью
Нам подводит волну под уздцы —
Мы снимаем шаланды на Крите,
Венецейского форта зубцы.
В этом лёгком, светящемся шуме
Различаем строфический ритм
До чего же Гомер хитроумен,
Подарив нам и Трои и Крит!

Олег Ильинский, 1980

ИЗ ЭСТОНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ, НАПИСАННЫХ ПО-АНГЛИЙСКИ

I
Серебро седое,
тусклое олово,
надежда брошена,
незримо — вращение
слово возвысилось
над красотой, слово
твоё,
тихой рукою
творимое.

Представленные стихотворения выбраны из цикла, напечатанного в "Нью Дирекшнз Интернэшнл Антолоджи", том 40 (1980 год). Автор считает свои произведения, написанные по-английски — ЭСТОНСКИМИ, так как по своему художественному замыслу и всей системе эстетических средств они следуют поэтике его эстонской лирики.

Стихотворения посвящены:

I. ПАУЛИНЕ ХАНСОН — современному американскому лирику, автору книги "Через всеземные страны", 1971 г.

II. ХИЛДЕ ДУЛИТЛ — американской метафизической поэтессе (1886—1961), публиковавшейся всегда под своими инициалами.

III. МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ — с которой автор встретился в Париже зимой 1937 года.

IV. ЛИЗЕ ГЕРАРДИНИ — что является девичьей фамилией Моны Лизы Джоконды.

(Примечания переводчика)

II

Вашей кованой
строго разрезанной рифме,
вашей дорической музыке,
свету, прошедшему даль лучами,
рифме — жёсткости хрупкой объятья,
что, дыханье к дыханию, дышит.

Рифме — рукам, очертившим
ваши строфы, рифме, вставшей на дыбы
на обрыве скалистом строк,
рифме — болотному устью Леты,
Пиерии кристаллу чёрно-прозрачному,
рифме — архитраву, триглифу, фризу,
и звезде голубого слога.

Рифме
двум коням души Платона,
настороженным.

III

Вы плод ли
необоримого огня, Марина?
Я бессилён изобразить вас. Мой
сурик свинцовый
так тих и пепелен и
робок в однообразьи северном.
Мой пыл прохладен:
то страсти утончённость — иль нет?

Вы плод ли? Понадобился бы
мне серый тот, что мерцает
сквозь розовый и тает в несмелое
зеленое прозреньё, и
понадобился бы
лиловый мне, оранжевый, багровый
и похотливость жёлтого
и лак
расцветшего обильно голубого.

Понадобился мне бы чёрный
вас глубже осветить
среди зимних крыльев
деревьев наших. Но ныне
у линий моих усталые, остро-
угольные лица,
а у моих самых крепких красок
сегодня слишком вялые,
слегка пугливые
руки и беспокойные глаза.

Мне нужно подчинить деталь или пожертвовать рисунком?
Вы плод ли
пойманного огня, печаль моя?

IV

Она возвратилась, горный
обрыв её лица покрыт той
знаменитой дымкой
мастера. Перешагнувшая
себя, она не изменялась
больше, из верности
не надевая
никаких украшений.
Почти два полных дня
я наблюдал её в той
верхней галерее
музея. Возвышенная и немая,
она стояла, словно
земная слава, её божественные
бесплодные руки сцепились
якорями. Да, я видел
её с собственными моими
отчуждёнными руками:

она
там стояла ниже своего
инеем тронутого, блеклого
портрета, стоя под

ним и не зная,
зачем же
она улыбалась.

Когда привелось
мне увидеть её впервые?

Года́ тому назад,
когда она была
ещё ребёнком.
Я помню хорошо
эту хрупкую шею:
она стояла на коленях в нашей
церкви Санта-Мария
Новелла.

Мне некто сказал,
что зовут её
Лиза Герардини.

Алексис Раннит
Переводы Александра Радашкевича

ПОСМЕРТНАЯ СТАТЬЯ Н. Е. АНДРЕЕВА

Мой отец, Николай Ефремович Андреев, всегда высоко ставил творчество Леонида Денисовича Ржевского. Он его считал исконно-русским писателем, и жалел, что сейчас Леонид Денисович лишен широкой читательской аудитории в Советской России, где несомненно оценили бы его талант. Мой отец очень надеялся, что проза Леонида Денисовича будет переведена на английский язык, ибо он был уверен, что она привлекла бы внимание и интерес читателя.

Николай Ефремович работал до последних дней своей жизни. Зимой 1981-82 г. он обдумывал статью о произведениях Леонида Денисовича, и начал ее писать. Статья была прервана его смертью, и черновик остался неоконченным.

Екатерина Андреева, Кэмбридж

ПРОЗА ЛЕОНИДА РЖЕВСКОГО

Мне неизвестно, выступал ли Леонид Денисович Ржевский до войны в качестве прозаика. Предполагаю, что, как филолог, он мог быть не чужд соблазну "художественного творчества". Во всяком случае, его проза в эмиграции, начиная с романа "Между двух Звезд" 1953 г., а до того опубликованного в журнале "Грани", обнаружила понимание автором всего того, что зовется "литературной техникой". Это впечатление о писательском знании "приемов" проходит через все его произведения, достигая "кульминации" в его последнем романе "Бунт подсолнечника" (изд. Эрмитаж, Анн Арбор, 1981 г., стр. 236). Леонид Ржевский также критик и литературовед. Поэтому его осведомленность в "литературном выступлении" естественна, но я имею в виду его *органическое* и совершенно *пронизывающее* плоть его

прозы *логическое* обращение со словом. Часто этот инстинкт художника кажется расчетом литературного техника высокого класса. Я отмечаю такое впечатление без какой-либо тени осуждения, эпоха "писания нутром" уже давно прошла, — поэтому столь печально, если она все еще не чужда многим советским прозаикам, ибо ведет к растянутости текстов, к плохому построению произведений, к провинциальности в неумении "подать материал". (Чтобы не быть голословным, укажу на нашумевшего, расхваленного Валентина Распутина: исключительная тематика, "кондовой" деревенский язык и одновременно досадное отсутствие сдержанности и умения. Все стоило бы сократить на треть и даже наполовину.) Напротив, Ржевский как бы воплощает литературную культуру. У него все продумано, все "спланировано", всякая мелочь в тексте "целестремлена", все интонации "под авторским контролем". И при этом замечательный свой язык: гибкий, выразительный, интеллектуально ответственный перед читателями.

Кое-кому это не нравится: "слишком рассудочно". Но надо понять положение Ржевского как писателя. Название его первого романа: "Между двух Звезд" оказалось символичным для всего дальнейшего творчества. Ржевский в своей прозе описывает то тягостное, иногда трагическое положение русского человека вне родины, в которое он — волею судьбы — попал. В каком-то смысле он — "двух станов не боец, а только гость случайный". Ржевский чрезвычайно осторожен с этой темой, он старается ее не огрубить, не упростить. Но в душах персонажей, созданных им, звучит нередко двойной мотив: во-первых, того трудного русского мира, который забыть невозможно: он жив в сердцах, и память мгновенно его пробуждает, — при первом же поводе и вновь возникает неповторимая молодость и во всех затаенных деталях неременная предвоенная трагедия; а во-вторых, мелодия западного мира, в котором *бытуют* и герои и их автор, мир, который внешне благополучен, полон изобилия, даже пресыщен материальным благоустройством, но в духовном плане, не менее России в кризисе, полон соблазна и греха.

Как мне представляется, Леонид Ржевский единственный русский автор, который в своей столь индивидуально выраженной прозе поднял и развил эту тему, — не дидактически, отвле-

ченно, как публицист, но художественно, показывая сложность проблем, господство сегодняшнего дня и часто невозможность однозначного, категорического решения. Жизнь сложнее подчас велений сердца и ума.

Надо признать, что писатели, как Бунин, Зайцев, Шмелев и более молодые остались, в основном, на чисто русском материале. Сирин-Набоков (особенно в очень человеческом пронизательном "Подвиге") только коснулся этой темы и затем решительно повернул на Запад, видимо, осознав, что современный русский мир ему не известен. Послевоенные прозаики, как несомненно талантливые Геннадий Хомяков, Н. Нароков, Б. Ширяев или Б. Филиппов, все же, остались на "внутри-русских проблемах". Леонид Ржевский оказался, по-моему, единственным автором, пошедшим новой тропой: изображение душевного мира русского героя на Западе. ...

*Николай Андреев,
Кембриджский Университет.*

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД "НОВОГО ЖУРНАЛА"

В 138, 139, 140, 142, 143 и 145 кн. "Н. Ж." опубликованы списки жертвователей в издательский фонд "Нового Журнала". Всего 8.527 долл. Позже поступило еще 337 долл.: В. Грауберг — 76; по 50 долл. — Г. Пахомов, С. Рафальская, К. и А. Шлиппе; Н. Вестфал — 23 долл.; Б. Просс — 16 долл.; Н. Барнатный — 12 долл.; М. Коллан (Австралия) — 11 долл.; по 10 долл. — П. Гаряев и П. Плетнев; по 6 долл. — А. Балашов, В. Ляпунова, Г. Майдачевский и А. Павлов; Е. Минченко — 5 долл. Всего 8.864 долл.

Редакция сердечно благодарит всех жертвователей.

Большое спасибо.

ИЗ ЦИКЛА: Я — МЕЩАНИН

I KLEIN ABER MEIN

Я собственностью малой обладаю.
Рябина, вишня, четверня берез.
Ограда елочная. Хата с краю,
Где книгами до потолка оброс.

Милы мои осенние Сабины.
Опоссумы, бурундуки, дрозды.
Незванный рай: назойливый, осиный.
Несносные стихи на все лады.

II НИЧЕГО НЕ ОТДАМ

Отдай, что любишь: огурцы, малину,
Уединенное, родной язык,
Ярчайшую Маринину рябину,
Охрипый первый петушиный крик.

Любое пригодится: палка, скалка.
Бессмысленное слово: "лишний хлам"!
Грязнуху галку почему-то жалко.
Бери силком, а сам я не отдам.

ДЕРЖАВИН

Вольтеровские кресла. Зла слеза
Из левого ослабнувшего века.
И вдруг из памяти поет, из-за
Сигнальный горн Осмнадцатого века.

Великия жены прошли полки...
Охрипый сребро-розовый Державин.
Срывая голос оду изреки.
Сугробы. Солнце. Медное: Коль славен!

Юрий Иваск

А. Е. ВЕЛИЧКОВСКИЙ

После своего участия в составленном мной сборнике "Содружество; из поэзии Русского Зарубежья", Анатолий Евгеньевич Величковский стал одним из моих дружественных корреспондентов. Теперь, когда его уже нет, а на мой стол легла строго оформленная художником С. Л. Голлербахом книга его последних стихотворений, тщательно собранных другом поэта проф. Р. Ю. Герра, мне хочется добавить к тому, что сказано в его стихах, и то, что сказано им в письмах, в большинстве своем посвященных его возлюбленной теме — осуждению техники и восхвалению природы.

Противопоставление благородного коня бездушному автомобилю явилось основой сатирического романа А. Величковского "Богатый" (Париж, 1972). Прочтя его, я, благодарная автомобилю не только за то, что он облегчает наш быт, но и за то, что с его помощью мы открываем для себя красоты Америки, взяла автомобиль под защиту. Этот наш спор вызвал ряд писем Анатолия Евгеньевича, еще более полно (чем его стихи) раскрывающих мирозерцание этого необычного человека. 23 сентября 1973 г. он писал мне:

"Дорогая Татьяна Павловна!

Спасибо за ответ и добрую критику моей книги. Насчет моей ненависти к автомобилю, я с Вами согласен, что эта машина очень бывает полезна, но с той точки зрения, с которой я написал книгу, иначе быть не могло.

В линии моих чувств и предчувствий автомобиль стоит в ряду главных соблазнов и является одним из тех "лжечудес", которые отнимают у людей веру в Бога. Это один из помощников, главных, человечества отойти в мире сем от мира иного. Вот за что я этой штуки не люблю, хотя долгое время она меня кормила, т. к. я был шофером такси.

С глубокой признательностью, преданный Вам А. Величковский”.

Думается, что нелегкий жизненный путь Анатолия Евгеньевича в значительной степени предопределил его страстную любовь к природе, неустанно воспеваемой им в стихах, и его не менее страстную ненависть к технике, его глубокое убеждение, что всюду “царствует тлетворный дух руками созданного мира”. Выросший в имении на Украине, с шестнадцати лет он уже в строю — сначала в отряде, организованном его отцом, преподавателем юнкерского училища в Елисаветграде, затем — в Белой армии. Во время отступления походным порядком он попадает с армией Бредова в Польшу.

Детство, проведенное на лоне природы и близкое знакомство с условиями деревенской жизни, боевая юность и походы, связанные с привязанностью к своему коню, усилили любовь Величковского к природе. Переезд же во Францию, тяжелый труд чернорабочего на сталелитейном заводе, изнурительная работа ночного шофера на улицах Лиона, видимо, углубили отталкивание от техники и автомобиля, так ярко проявившееся в его книгах. И в последнем сборнике немало блестящих картин природы, которые поэт, заявляющий: “Люблю живую красоту / Букашек, птиц, зверей, растенья”, живописует с наслаждением и гневно восклицает:

Куда ни глянь — автомобиль
Уже торчит. О будь ты проклят!

В своем интересном послесловии к изданному им посмертному сборнику поэта проф. Р. !О. Герра отмечает, что “А. Величковского можно назвать поэтом-экологом, первым поднявшим свой голос в защиту природы”. Проф. Герра имеет в виду поэтов Русского Зарубежья, и эту оценку подтверждает своеобразное объяснение, приведенное в нижеследующем письме, почему для своего сборника поэт выбрал, казалось бы, несколько насмешливое название “С бору по сосенке”.

22.IV.75.

”Дорогая Татьяна Павловна.

Большое спасибо Вам за доброе письмо, за фотографию и вообще за милое отношение ко мне. Очень тронут и призна-

телен Вам. Поздравляю Вас и всю Вашу семью с Пасхой и со всеми вами заочно христосуясь. Христос Воскресе, дорогие друзья!

Жаль, Татьяна Павловна, что Вы не издали своего сборника! Ваши стихи, которые мне попадались, мне всегда очень нравились. Да жаль, но может быть Вы не хотите издавать сборник? Оно, конечно, и хлопотно и в нашем эмигрантском положении, пожалуй, даже не так уж для автора интересно. Без отзвука, без читателей, без малейшей надежды, что книга понравится и разойдется, трудно себя заставить пуститься в эту аферу во всех отношениях мало интересную. Интересно, что даже сами поэты, за редким исключением, совершенно равнодушны к издаваемым их коллегами стихам.

Сам бы я не решился издавать сборника, но, к сожалению, поддался уговорам и советам немногочисленных моих друзей. И деньги мне дали. Так что экономически я не в убытке. Еще интересно, хочется мне Вам сказать по секрету, не понимают, почему я назвал сборн. "С бору по сосенке". Это не к стихам относится заглавие, а к тому несчастью, что *бумага делается из сосен*. И на это (т. к. теперь идет неимоверное количество бумаги) уничтожаются *леса*. В моем сборнике каждая страница может быть из сосенки... Вот и с бору по сосенке.

Крепко жму Вам руку, сердечный привет Вашей матушке и супругу.

Ваш А. Величковский".

Когда я получила книгу этих "сосенок", я отозвалась на нее (Новое Русское Слово, 11 мая 1975), подчеркнув, что Величковский ненавидит всё механическое, загрязняющее землю, воздух, воду, и считает чуть ли не наибольшим злом автомобиль:

Есть штамп фабричного металла,
Есть марка, больше ничего.
А прежде нас сопровождало,
Как мы, живое существо...

На эту мою статью Анатолий Евгеньевич отозвался так:

4/VI.75

"Дорогая Татьяна Павловна.

Спасибо Вам за статью, которая мне очень понравилась. С

нетерпением жду Вашего сборника стихов. У нас тут стало совсем пусто. На вечере поэзии, где я выступал вместе с Одоевцевой, Тамарой Величковской (это жена моего покойного брата) и Таубер, было ровно три старичка. В Америке все ж, я думаю, еще осталось больше русских, интересующихся поэзией.

Привет всем Вашим. Желаю Вам здоровья и успеха.
Ваш А. Величковский”.

Два следующих письма, написанных с силой и горечью, почти полностью посвящены этой же теме:

”Милая и дорогая Татьяна Павловна.

Хорошо иметь таких друзей, как Ваша тройка. Хоть и за морями, за горами, за дремучими лесами Вы находитесь, а чувствуется плечо... У нас тоже тройка: жена, я и Жучка. Никто у нас не бывает и мы нигде не бываем. [С Вами! единственное расхождение — ”автомобиль”, это чепуха. Но хочу уверить Вас, что не будь автомобиля, это далеко не конец всяким передвижениям. Правда, медленнее в сто раз, но зато основательнее были путешествия наших предков. Так что обходились бы отлично и не пели бы моторы на каждом шагу свое обычное ”Велл зе вуул”. А ржали бы кони, ритмично выбивая копытом дорогу, стонали бы и плевались верблюды, а то и волы медленно переваливались [бы] с боку на бок, везли бы телегу и на ней лежал бы я под солнцем украинского неба и пел бы спокойно песню и мог бы сочинять стихи и мог бы любоваться действительно каждым уголком и изучать каждый василек в жите. Что толку в километрах мелькающих? Разве успевает войти в душу то, что мелькает? Поверхность, внешность в глаза бросается, но в глубь природы не войти с автомобилем. Можно конечно пикник сделать, но разве это то?

Конечно, проклятие наше приходится нести и даже думать, что оно очень хорошая и удобная вещь...

Спасибо за поздравление. Мы с женой также поздравляем Вас с праздниками и желаем всех благ земных.

Антонина, Анатолий и Жучка, Париж 8/ХII.75”.

[Без даты. Начало 1976]

”Милая Татьяна Павловна.

Что нам спорить из-за автомобиля! Мне очень хорошо известны все качества машины, я понимаю, что она доставила

Вам много удовольствия и радости, когда вы, воодушевленные каникулами, катили на мягких шинах по зеркально гладкому шоссе. И скорость мелькавших мимо деревьев, полей, рек, лесов давала Вам приятное ощущение и располагала Вас к дружеской любви и благодарности этому замечательному предмету, который Вас так прекрасно везет туда, куда Вам хочется. Но представьте себе, что вместо этой жестяной коробочки у вас в сарайчике стоял бы какой-нибудь Васька или Машка. Что если бы он встречал Вас с радостью и Вы ему протягивали бы на ладони кусочек сахара и он брал бы его бархатными губами, согревая Вашу руку теплым дыханием, запахом сена и хрумкал бы потом, подняв голову и жмурясь от блаженства. Что если бы Вы его, скажем, запрягли в красивый кабриолет, забрали с собой провизию и поехали бы по мягкой дороге с быстротой 10, 12 километров в час. Ваши уши были бы открыты для всего того чудесного шума, который делается на земле певчими птицами, Ваши глаза видели бы, медленно проплывающие мимо чудесные виды природы, Вы дышали бы ароматами земли, вод, озер, рек. Вы видели бы, как ваш Васька вас старательно везет, трудится для вас, потеет. В прекрасном месте Вы выпрягли [бы] его, пустили [бы] пастись, и он питался бы и отдыхал, а вам не нужно было бы думать, дадут ли арабы нефть или не дадут.

Он бы щипал травку, а вы все уселись бы в тени прекрасного старого дерева и составляли бы общую живую семью с вашим живым другом. Вам бы не нужно было распускать ядовитый дым вокруг себя и травить им все живое, пачкаться механикой, менять шины, наливать бензин, масло. Вы бы подвели своего коня к речке, напоили бы его, а в жаркий день выкупались бы вместе с ним и чувствовали бы общую с ним радость. В общем еще много можно наговорить, но Бог с ним.

Добавлю только, что русская интеллигенция всегда была настроена и воспитана в уважении к науке и технике. Для нее поэтому все созданное наукой священно. Но наука, и механика, и техника всякого рода завела весь современный мир в петлю, выбраться из которой помогло бы только возвращение назад. Это однако немислимо благодаря той же самой науке. К нашему счастью петля затягивается довольно медленно, но все же чувствительно.

Тупик, в который попало человечество, заставляет его надеяться на науку, которая, мол, выводила до сей поры и выведет еще. Но это заставляет делать рискованные вещи вроде нуклеарных станций и еще почище. Без риска нельзя теперь обойтись, никак нельзя! Не есть ли это результат гонки за хорошей жизнью, за комфортом? Попробуйте заставить людей жить по средствам возможности. Никто не захочет отказаться от благ, во имя спасения. Всё кончается между тем, запасы уничтожаются. Даже воздух уничтожается в количестве угрожающем. А так в общем все хорошо, потянул кнопку и поехал, не понимая, что это противоестественно и что за эту противоестественность природа отомстит, как она всегда мстит за всякое проявление неуважения к себе и нарушение ее законов.

Почему я все это говорю? Не знаю, знаю только, что меня заставляет нечто. Помните как у Гоголя, когда кузнец Вакула рисовал черта, он рисовал несмотря на то, что черт бросал на картину всякую нечисть и дрянь. На меня тоже сыплется всякий сор и мешает мне писать, когда я пробую выяснить замысел дьявола в том, что творится теперь в мире. Каждый стих мне достается тяжким трудом, потому что вокруг моей работы слышу дьявольский шепот, направляющий меня не в то место, куда хочу прийти. Каждая улика, приоткрывающая занавес, достается мне долгим опытом духовным, в котором я постоянно живу. Не так уж просто идти против течения. Дорого бы я дал, чтобы не видеть, но к несчастью вижу то, чего не следует.

С чувством дружбы А. Величковский”.

Забавно, что на сборнике “О постороннем” (1979), присланном мне с милой надписью “Татьяне Павловне Фесенко с симпатией и дружелюбием”, Анатолий Евгеньевич счел нужным приписать в самом низу титульной страницы: “За автомобиль простите”.

Но далеко не всегда А. Величковский должен был прибегать к длинным письмам, чтоб выразить свои мысли. Войдя в русскую зарубежную поэзию довольно поздно, только после Второй мировой войны, он в своих стихотворениях добивался большой художественной выразительности, что помогло ему быстро занять видное место среди поэтов-эмигрантов. Трудно было сказать более сжато и с большей экспрессивностью о своих това-

ришах по оружию, чем он сделал в "Сверстниках":

В шестнадцать лет румяные,
 Безусые и пьяные —
 От счастья пасть в бою
 За родину свою,
 Они владеть винтовкою
 Учились в конском топоте,
 А боевой сноровкою —
 Кто выживал — на опыте.
 Их кости трактор распахал,
 Перемешал, переломал.

Поэзия Величковского чужда риторике и пафоса. Своими "простыми фразами", вводящими в стихи самые обычные вещи, он добивается глубокого воздействия на читателя:

Забытая в углу конюшни
 Весною пыльная метла,
 Веленью дивному послушна
 Раскрыла почки, расцвела.
 Упорство этого цветенья,
 Цветенья веток без корней,
 Похоже на стихотворенья,
 Лишенных родины своей.

В посмертном сборнике, заботливо изданном проф. Ренэ Герра к годовщине смерти поэта, собраны стихи последних лет Анатолия Величковского, с интересным предисловием проф. Ю. П. Иваска и содержательным послесловием самого издателя.

Многие из этих стихотворений помечены ноябрем 1980 года и созданы совсем незадолго до смерти, последовавшей 2 января 1981 года. В тонкой книжечке собрано немало глубоких по содержанию, иногда приправленных грустной иронией, стихов, но, пожалуй, самым сильным является стихотворение, заключающее сборник, последнее из написанных поэтом, когда Величковский уже сознавал, что "В моих глубинах меркнет тоже / Моей звезды прощальный свет". И в нем поэт, за сорок лет до этого горестно восклицавший:

Россия, как мне жить на свете?
Россия, вечная любовь!

возвращается последним напряжением творческой мысли к родной стране, чтоб с шемящей простотой и трезвостью написать незабываемые строки:

Моей России больше нет.
Россия может только сниться,
Как благотворный тихий свет,
Который перестал струиться.
Советским людям будет жаль
Навек исчезнувшего света,
Россия станет как Грааль...
Иль Атлантида для поэта...
Мы проиграли не войну,
Мы не сраженье проиграли,
А ту чудесную страну,
Что мы Россией называли.

Это стихотворение после смерти поэта уже было напечатано в "Новом Журнале", где в течение многих лет главным образом печатался А. Величковский. (Недаром на фотографии поэта, снятой Р. Ю. Герра и включенной в сборник, перед Анатолием Евгеньевичем лежат на столе его книги и "Новый Журнал".) Величковский участвовал и в других эмигрантских периодических изданиях и антологиях. Ему, как отметил проф. Ю. П. Иваск, "было что сказать и что спеть". Теперь нам остается от души поблагодарить Р. Ю. Герра за тщательно составленный и любовно донесенный до читателя "Нерукотворный свет".

Татьяна Фесенко

ПРЕДСМЕРТНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
А. ВЕЛИЧКОВСКОГО

В. Ф. Перелешину

Бумага терпит всё. В странице
Я сделал прорези для глаз.
И вижу, как в немой столице
Вздывает вихри снежный час...
Бредут вслепую, друг за другом,
В сугробах вязнут их стопы,
Свирепствует ночная вьюга,
А ниже, впереди толпы,
Идет и машет красным флагом,
В венце из белоснежных роз,
Гордясь революционным шагом,
Майора Ковалева нос...

*

Вошла красotka молодая
И беззаботности полна,
Не громко что-то напевая,
Протерла тряпкой пол она.
Лекарства, лекари, лечиться...
Какие скверные слова,
А ночью над моей больницей
Кричит бессонная сова...
Рассвет без радости встречаю,
Как плохо много дней болеть.
Нет, я еще не умираю,
Но должен скоро умереть.
А ей, певиче, непонятна
Жестокой старости беда
И кажется ей необъятной
Дней проходящих череда.

*

Иду во тьме на свет янтарный,
И, приближаясь к алтарю,
Свободно, нежно, благодарно
С отцом о прошлом говорю.
Я прежде был на редкость сдержан,
С отцом среди житейских дел,
Так задушевно, просто, нежно
С ним разговаривать не смел.
Моя любовь не ждет ответа,
Из тайников души моей,
Теперь в пустое место света
Лью утаенных чувств елей.

*

Деревья бодро зашумели,
Как призраки теперь они,
Во тьме внезапно просветлели,
Бледнее стали простыни.
Есть нечто родственное счастью
Во влажном запахе земли,
И я у запаха во власти,
Беру из дождевой пыли
Всю свежесть воздуха и чую
Прикосновение лица —
К истокам жизни. И целую
Одежду моего творца.

Я УНЕС РОССИЮ

Т. II. "РОССИЯ ВО ФРАНЦИИ"

Русский Париж

Собственно, в Париж я приехал к шапочному разбору. Через шесть лет началась "странная войнишка" ("drôle de guerre"). А вскоре ее "странность" перешла в страшность. Под военные марши немцы "вмаршировали" в Париж. Въехало, разумеется, и Гестапо. А за ним и сам Гитлер. Русский Париж приказал долго жить. Его расцвет (даже блеск!) приходился на конец 1920-х годов. Чего тогда и кого тогда тут не было! Но все ж в 1933-м году я еще захватил "отблеск" этого потрясающего русского Парижа, этой замечательной "унесенной России".

Читателю, конечно, придется (как и при описании русского Берлина) на нескольких страницах зевнуть, ибо говоря о культурной, общественной, политической, литературной жизни русского Парижа я должен дать много "сухих перечней": русских знатных лиц, русских культурных организаций, русских православных церквей, русских газет, журналов, русских театров (оперы, драмы, балета). Этим "декораций" требует моя главная тема — "я унес Россию". Кстати, когда первый том моей трилогии давно уже печатался, я наткнулся в "Вестнике РХД" на опубликование неизвестных стихотворных черновиков Влад. Ходасевича. Среди них: "А я с собой мою Россию / В дорожном уношу мешке". Прочтя, я ощутил совпадение чувств. Стало-быть у Ходасевича тоже было ощущение "уноса" подлинной России, навсегда и необратимо канувшей в Лету, как былая Эллада. Ведь в СССР* у населения навеки разрушена память о прошлой Рос-

---

*Я развертываю эти инициалы, как "СО'●З СУКИНЫХ СЫНОВ РЕВО-
ЛЮЦИИ", но это не "ругань", а "суть дела".

сии, отняты ее традиции, отнята мысль, слово и духовно советское население омертвело: "мертвые молчат и живые молчат, как мертвые". Все вышло по "Бесам" Достоевского: "...всё к одному знаменателю... полное послушание, полная безличность!", говорит Верховенский. И Бердяев в "Новом Средневековье" правильно подтверждает: — "Советское строительство ужаснее и кошмарнее советского разрушения. Это система Шигалева, система скотоводства, примененная к людям". Умно сказал о советских людях один видный советский ученый, побывавший в командировке на Западе, своему старому другу-эмигранту: "Мы как собаки, всё видим, всё понимаем, а сказать ничего не можем".

Итак! Русский Париж!

Православные церкви

В царствование императора Александра II-го, как раз в год освобождения крестьян, в Париже на рю Дарю был построен прекрасный, русско-византийского зодчества собор Св. Александра Невского. Так он и стоял единственный русский православный храм в Париже до лет всероссийского потопа и революционного развала России. После гражданской войны Франция и (особенно) Париж наводнились русскими эмигрантами "всех прав и состояний", от крестьян до князей. Сколько их приехало во Францию не знаю. Думаю две-три сотни тысяч. Ведь всего в мире российских эмигрантов оказалось тогда больше двух миллионов.

И когда я въехал в Париж православных храмов в нем было уже больше тридцати. Укажу только те, что знаю: — церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (15-й аррондисман), Свято-Серафимо-Покровский храм (15-й), храм Знамени Божьей Матери (16-й), храм Всех Святых в Земле Российской Просиявших (16-й), храм Сергиевского Подворья (19-й), Галлиполийская церковь (16-й), церковь Покрова Пресвятой Богородицы (15-й), церковь Скорбящей Богородицы (5-й), церковь Трех Святителей (15-й). Всех в районе "большого Парижа" перечислить не могу. Знаю, что в двадцатых годах в епархии митрополита Евлогия (Георгиевского), возглавлявшего русскую православную цер-

ковь в Зап. Европе, было больше 100 приходов. Так что эмиграция, унесшая Россию, унесла с собой и свою православную церковь.

Высшие учебные заведения*

В Париже было семь русских высших учебных заведений. При Парижском Университете на трех факультетах были открыты русские отделения. Привлечено — больше сорока русских ученых. Отмечу лишь некоторых. На юридическом — международное право — Б. Э. Нольде, А. А. Пиленко; политическая экономия — А. Н. Анцыферов, М. А. Бунатян; государственное право — А. Л. Байков, В. Н. Сперанский, П. П. Гронский; финансовое право — М. В. Бернацкий, А. М. Михельсон; гражданское право — В. Б. Эльяшевич; история государственных учреждений — Д. М. Одинец; уголовное право — В. Д. Кузьмин-Караваев. На физико-математическом — Д. П. Рябушинский, С. И. Метальников, Э. Г. Когбетлианц, С. Н. Виноградский и др. На историческо-филологическом: — Н. К. Кульман (русская литература), А. В. Карташев (история русской церкви), М. Л. Гофман (пушкинист), А. Левинсон, Г. Лозинский, К. Мочульский и др.

Франко-русский Институт (высшая школа социальных, политических и юридических наук, дипломы которой были равны дипломам французских факультетов). Этот Институт имел целью "подготовку молодых кадров для общественной деятельности на родине". Увы, сие "не состоялось" и "молодые кадры" осели во Франции, став французами. Председателем Франко-Русского Института был известный социолог Гастон Жез, председателем совета профессоров П. Н. Милюков.

На Сергиевском Подворье — на частные эмигрантские пожертвования со всего света — созданся Православный Богословский Институт. Преподаватели — видные философы и

---

*Мои перечни учреждений, лиц и указания на книги далеко не полны. Я уже говорил, что не пишу ни историю эмиграции, ни библиографию эмигрантских изданий. Я делаю только некий *лабросок* русской культурной жизни в Париже, который дал бы примерное о ней представление. Р. Г.

богословы, авторы многих трудов: А. В. Карташев ("Очерки по истории русской церкви", "Воссоздание Святой Руси", "Вселенские соборы" и др.), о. С. Булгаков ("Православие", "Карл Маркс, как религиозный тип", "Икона и иконопочитание" и др.), В. В. Зеньковский ("Русские мыслители и Европа", "История русской философии" 2 тома, "Основы христианской философии" и др.), Г. В. Флоровский ("Пути русского богословия"), С. Л. Франк ("Духовные основы общества", "Непостижимое", "Свет во тьме", "С нами Бог" и др.), арх. Киприан (Керн — "Евхаристия", "Патрология IV века", "Антропология св. Григория Паламы" и др.), С. С. Безобразов (еп. Кассиан), ("Христос и первое христианское поколение", "Царство Кесаря перел сулом Нового Завета"), В. Н. Ильин ("Мистицизм и мистерия", "Шесть дней творения" и др.), Г. П. Федотов ("Святые Древней Руси", "Св. Филипп, митрополит Московский" и др.), Н. С. Арсеньев ("Безбрежное сияние" и др.). О работе Богословского Института есть английская книга, большого друга русской эмиграции, Дональда (Ивановича) Лаури "Св. Сергей в Париже", Лондон, 1954.

Земско-городской Союз открыл Русский Коммерческий Институт. Профессора — А. П. Марков, Л. Г. Барац, М. В. Бернацкий, К. О. Зайцев, Я. М. Шефтель, А. А. Титов, П. Н. Апостол, В. Ф. Сологуб, А. М. Михельсон и др. Земгору же вместе с Русской Академической Группой принадлежит создание Русского Народного Университета с многими разнообразными отделениями. Существовал и Русский Политехнический Институт, имевший заочные курсы, которые помогли многим эмигрантам приобрести нужную техническую квалификацию.

ИМКА помогла созданию Русского Высшего Технического Института. Председатель — П. Ф. Андерсон, помощник — проф. П. Паскаль. Совет профессоров проф. П. Ф. Козловский, проф. Н. Т. Беляев, проф. Д. П. Рябушинский и др.

И наконец существующая донныне (можно сказать "знаменитая") — Русская Консерватория имени С. В. Рахманинова, помещающаяся в приятном особняке на авеню де Нью Йорк (в мои времена — авеню де Токио). Ее создало Русское Музыкальное Общество. Классы — рояля, скрипки, виолончели, пения.

духовых инструментов, теории музыки, вокального ансамбля, дикции, декламации, балетная студия. Директор — Н. Н. Черепнин. Преподаватели — Вл. И. Поль, О. Н. Конюс, С. Мелик-Беглярова, Б. Зак, А. Ян-Рубан, В. А. Бернарди, Н. Н. Кедров, В. И. Страхов, В. Вальтер, Ю. Конюс, Г. В. О कोरोков, Ф. Гартман, Е. Гунст, П. Видаль, Н. Н. Черепнин, кн. С. М. Волконский, А. И. Лабинский, Н. А. Шамье, С. М. Лифарь и др.

Упомяну еще (хоть и не дававшие никаких дипломов) — Высшие Военные Курсы генерала генерального штаба Н. Н. Головина, автора ценного многотомного труда "Российская контр-революция в 1917-18 гг."

Ученые, философы, писатели

Говоря о русских культурных силах за рубежом нельзя обойти выдающихся русских ученых, работавших во французских научных учреждениях. Так, в Пастеровском Институте — всемирно-известный академик Сергей Николаевич Виноградский стоял во главе отдела по исследованию микробиологии почв. Для него было куплено специальное владение, где были построены лаборатории. С. Н. проработал там 30 лет, после его смерти заместителя не нашлось и лаборатории закрылись. В Пастеровском же Институте работали проф. С. И. Метальников, д-р И. И. Манухин, проф. А. Безредка (бывший еще сотрудником Пастера). Работали доктора — В. Н. Крылов, П. Н. Грабарь, Л. И. Кепинов, А. М. Гелен (рожд. Щедрина), К. Туманов, В. Шорин, В. М. Зернов, М. А. Волконский и др. Во французском Аэродинамическом Институте — всемирно известный в научных кругах проф. Дмитрий Павлович Рябушинский. В лабораториях Колледж де Франс — знаменитый химик Алексей Евгеньевич Чичибабин, одна из лабораторий там так и называлась "Лаборатория Чичибабина". Большую работу во Франции проделал известный зоолог К. Н. Давыдов, член Французской Академии, автор свыше 50 научных работ.

Перейду к вольным философам. В Кламаре (пригород Парижа) в двухэтажном особнячке жил, высланный из большевицкой России, Н. А. Бердяев. "Кламарский мудрец". Этот особняк подарила Бердяеву какая-то состоятельная иностранка,

поклонница его "персонализма". За годы изгнания Бердяев написал множество (подчас противоречивых) книг: "Миросозерцание Достоевского", "Смысл истории", "Философия неравенства", "Новое средневековье", "Философия свободного духа", "Христианство и классовая борьба", "О назначении человека", "Судьба человека в современном мире", "Самопознание", "О рабстве и свободе" и др. Бердяев был, конечно, глубокий, интересный писатель. Здесь не место о нем говорить по существу. Но меня у Бердяева всегда как-то коробили его страстные "филиппики" против, так называемой, "формальной демократии": — "Этому умиранию демократии нужно только радоваться, так как демократия ведет к "небытию" и основана не на истине, а на формальном праве избирать какую угодно истину или ложь" ("Новое средневековье"). То же было и у о. Сергия Булгакова: "Религиозно-революционное, апокалипсическое ощущение "прерывности" роднит меня неразрывно с революцией, даже — *horribile dictu* с русским большевизмом. Отрицая всеми силами души революционность, как мировоззрение и программу, я остаюсь и, вероятно, навсегда останусь "революционером" в смысле мироощущения" ("Автобиографические заметки"). А я, грешный, пройдя сквозь ту же революцию, на старости лет думаю, что экзистенциально оправданней и мудрее бытие самого что ни на есть распоследнего "обывателя" чем какого-то там "революционера", указующего "путь человечеству". "Смирись, гордый человек!"

Мне был странен самый простой *жизненный факт*: заушаемая Бердяевым "формальная демократия" (пусть со всеми ее недостатками, зависимостью от обывателя, политическими плутнями, демагогией!) дала Бердяеву (и Булгакову) возможность в течение десятилетий полностью проявить себя, свои творческие силы, свою недюжинную личность ("персональность"). Живя в "формальной демократии" Бердяев спокойно мыслил, свободно написал множество книг (с поношениями "формальной демократии"!) и незадолго до смерти получил высокое признание: — доктор *honoris causa* знаменитого Кембриджского Университета (как известно, Великобритания — колыбель и цитадель "формальной демократии"), чего за всю семисотлетнюю историю Кембриджа из русских удостоились лишь Чайковский и

Милюков. И умер Бердяев в своем "кламарском уединении" (подаренном ему "недорезанной буржуйкой") спокойно, окруженный заботами близких. Ну, а если бы он не был "выслан", а как отец Павел Флоренский остался бы жить там, в отечественной сатанократии, которой под конец жизни Бердяев неожиданно стал слать "воздушные поцелуи". Об этом Бердяеве хорошо написал Г. П. Федотов: "ослепший орел, облепленный советскими патриотами". Нет никакого сомнения, что в СССР Бердяев был бы уничтожен на Архипелаге ГУЛАГ, как и автор "Столпа и утверждения истины" о. П. Флоренский, которого В. В. Розанов считал "умнейшим человеком России". Погиб о. П. Флоренский где-то на каторге в районе Соловков. Вероятно, Бердяев был бы уничтожен даже много раньше, ибо отец Павел был не только христианский мыслитель, но и выдающийся математик и физик, и большевицкая мафия долго эксплуатировала этот его гений. Бердяев же ничего подобного дать мафии не мог и уничтожение его (как множества других представителей русской культуры) наверняка произошло бы "ускоренным темпом". Поэтому, читая книги Бердяева с всяческими (разумеется, "сверхмудро", "духовно" обоснованными) выпадами против "формальной демократии", я всегда думал: — слава Богу — как хорошо — что Бердяев живет-таки в "формальной демократии".

Вровень Бердяеву в смысле философского международного влияния, стоял Лев Шестов ("Добро в учении Толстого и Ницше", "Достоевский и Ницше", "Власть ключей", "На весах Иова", "Афины и Иерусалим", "Киркегард и экзистенциальная философия", "Умозрение и откровение" и др.). Другие русские философы, связанные с Парижем: — Ф. А. Степун ("Жизнь и творчество", "Лик России и лицо революции", "Достоевский и Толстой", "Мистическое мировоззрение" и др.); Б. П. Вышеславцев ("Русская стихия у Достоевского", "Этика преображенного зрота", "Трагизм возвышенного и спекуляция на понижение", "Вечное в русской философии" и др.); попавший после войны в лапы советов и трагически погибший в концлагере Л. П. Карсавин ("Философия истории", "О сомнениях в науке и в вере", "Церковь, личность и государство", "Джордано Бруно" и др.).

Блестяще была представлена русская художественная проза и поэзия. После большевицкого переворота (не ошибусь,

если скажу) большинство русских известных прозаиков ушло в эмиграцию. Остались второстепенные — Телешов, Новиков, Серафимович и др. Среди эмигрантов были и "старики", как П. Д. Боборыкин ("Китай-город", "Дельцы", "Жертва Вечерняя" и др.); Вас. Ив. Немирович-Данченко ("Страна холода", "Плевна и Шипка", "Соловки", "Цари биржи" и др.). В отрочестве от родителей я слышал его фамилию "измененной" на "Не в меру Вранченко". Так, оказывается, его прозвали давным давно за корреспонденции с театра военных действий (1877-78). Но оба старейшины русской прозы не попали в Париж. Боборыкин поселился в Швейцарии, где и умер. Немирович-Данченко — в Праге. Не в Париже умерли и Леонид Андреев (Финляндия), Александр Амфитеатров (Италия), Евг. Н. Чириков (Прага), А. Аверченко (Прага).

В Париже жили И. А. Бунин ("Жизнь Арсеньева", "Митина любовь", "Лица", "Окаянные дни", полн. собр. сочинений), А. И. Куприн ("Юнкера", "Елань", "Храбрые беглецы" и др.), Б. К. Зайцев ("Анна", "Дом в Пасси", "Путешествие Глеба", "Золотой узор", "Древо жизни" и др.), И. С. Шмелев ("Солнце мертвых", "Пути небесные", "Неупиваемая чаша", "Лето Господне" и др.), А. М. Ремизов ("В розовом блеске", "Взвихренная Русь", "Огненная Земля", "Посолонь", "Звезда Надзвездная" и др.), Д. С. Мережковский ("Рождение Богов", "Наполеон", "Тайна Запада", "Иисус Неизвестный", "Франциск Ассизский", "Данте" и др.), М. А. Осоргин (Ильин) ("Сивцев вражек", "Вольный каменщик", "Свидетель истории", "Книга о концах" и др.), Н. Н. Евреинов ("Театр вечной войны", "Шаги Немезиды", "Чему нет имени", "История русского театра" и др.), П. П. Муратов ("Образы Италии", "Эгерия", "Магические рассказы" и др.), В. В. Вейдле ("Умирание искусства", "Вечерний день", "Задача России" и др.), М. А. Алданов (Ландау) ("Св. Елена", "Девятое Термидора", "Чертов мост", "Заговор", "Ключ", "Бегство", "Истоки" и др.), Тэффи ("Восток", "Черный ирис", "Стамбул и солнце", "Тихая заводь", "Городок", "Воспоминания" и др.), Б. Темирязов (Ю. Анненков) ("Сны", "Тяжести", "Рваная эпопея" и др.), С. С. Юшкевич ("Вышла из круга", "Дудка", "Голубиное царство", "Автомобиль" и др., умер до моего въезда, в 1927 г.). Пропустил В. П. Крымова,

С. Р. Минцлова, Ив. Наживина, Илью Сургучева. Но это все — “боги второй величины”.

Русская поэзия была представлена хорошо: К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус, И. А. Бунин, В. Ф. Ходасевич, С. К. Маковский (быв. редактор “Аполлона”), М. И. Цветаева, Г. В. Иванов, Г. В. Адамович, С. А. Соколов-Кречетов, Н. А. Оцуп. Из больших поэтов — Вяч. Иванов жил в Риме и редко наезжал в Париж.

К моему въезду в Париж уже создалась и чисто-эмигрантская, молодая, интересная проза и поэзия: Я. Горбов, Г. Газданов, В. Набоков, И. Лукаш, Л. Зуров, Г. Кузнецова, Г. Евангулов, А. Седых, В. Варшавский, В. Яновский, Ю. Фельзен, А. Ладинский, В. Корвин-Пиотровский, Б. Поплавский, В. Смоленский, Г. Раевский, Мих. Струве, А. Штейгер, Е. Таубер, Ю. Терапиано, А. Гингер, Д. Шаховской, З. Шаховская, Б. Божнев, Д. Кнут, А. Присманова, А. Головина, П. Ставров и мн. др. Тоже, вероятно, кого-нибудь пропустил.

Были в эмигрантской литературе сатирики, юмористы. Но главным образом “старорежимные”: П. Потемкин, Саша Черный, Тэффи, Дон Аминадо, Вл. Азов, Валентин Горянский. Одно время петербургские “сатириконцы”, со старым своим издателем Н. Корнфельдом, начали даже издавать “Сатирикон”. Но дело не пошло. А участвовали талантливые писатели и художники (Ю. Анненков, В. Шухаев, А. Бенуа, А. Яковлев, К. Терешкович, З. Серебрякова и др.). Приведу кое-что из парижского “Сатирикона”:

Рисунок: “Похоронная процессия, за гробом идут две равнодушные фигуры и одна другую спрашивает: — Как вы думаете, попадет он в Царствие Небесное? — Не думаю... для этого он слишком застенчив...”

Или: — “*Современная Клеопатра.* Голая, жирная, розовая, глаза прищурены, в ателье пусто и неудобно. Под рисунком подпись: — ‘Какая тоска... Ни Цезаря, ни Антония — одни художники’...”

Прекрасную сатирическую прозу писала Н. А. Тэффи (ур. Лохвицкая, сестра поэтессы Мирры Лохвицкой, дочь петербургского профессора). Ее знаменитый рассказ “Городок” начинался так: — “Городок был русский и протекала через него

речка, которая называлась Сеной. Поэтому жители городка так и говорили: живем худо, как собаки на Сене...". Еще лучше был прославивший Тэффи рассказ "Кэ-Фер". Приехал в Париж русский эмигрант, отставной генерал. Друзья повезли его — показать "красоты Парижа". Привезли на Площадь Согласия с знаменитым египетским Луксорским обелиском и изумительной перспективой Елисейских Полей, уходящей до самой Этуали. Конечно, друзья спрашивают: — Ну, как, хорошо?... Нравится? — "Хорошо-то хорошо... очень даже хорошо... но Que faire? Фер-то кэ?". Это "Фер-то кэ" так и врезалось в жизнь парижских эмигрантов.

Запоминающиеся сатиры в стихах писал Дон Аминадо (А. П. Шполянский). Люблю его "Писаную торбу" — о неисправимых демократах-доктринерах.

“Могу ли ждать от тучных генералов,
Чтоб каждый раз в пороховом дыму
Они своих гражданских идеалов
Являли блеск и в Омске и в Крыму.
Когда в поход уходит полк казачий,
Могу ль желать, чтоб каждый на коне
Припоминал, что думал Златовратский
О пользе грамоты в безграмотной стране.
Ах, милые! Вам надо дозарезу,
Я говорю об этом не смеясь,
Чтоб даже лошадь ржала Марсельезу
В кавалерийскую атаку уносясь”.

Говорят, за это стихотворение автору “влетело по первое число” от редактора “Последних Новостей” П. Н. Милюкова, где Дон Аминадо постоянно сотрудничал. Но у русско-парижского широкого читателя Аминад Петрович был в чести, очень популярен.

Гораздо более лиричен и “тих” был другой старый “сатириконец”, талантливый Петр Петрович Потемкин, до революции привлекавший к себе внимание сборником “Герань”. В Париже Потемкин был настроен весьма ностальгически.

“В утреннем рождающемся блеске
Солнечная трепыхалась рань...”

На кисейном фоне занавески
Расцветала алая герань.
Сердце жило, кто его осудит:
Заплатило злу и благу дань...
Сердцу мило то, чего не будет,
То, что было — русская герань”.

Потемкин умер рано. До моего “въезда” в Париж. В 1926 году его похоронили на кладбище Пер-Ланез. К этой же группе поэтов надо отнести (известного тоже еще по России) Лоло (Л. Г. Мунштейна). Две его “ностальгические” строки так навсегда и запомнились: “Пыль Москвы на ленте старой шляпы / Я как символ свято берегу”. (Умер Л. Г. в Париже в 1947 году).

Общественные организации

Русских организаций было много. “Президентом” русской эмиграции во Франции надо, конечно, считать быв. посла Временного Правительства во Франции, Василия Алексеевича Маклакова. Он был представителем, так называемого, “Центрального офиса по делам русских беженцев”, учреждения, с помощью которого начиналась жизнь всякого русского эмигранта в Париже. На этом посту В. А. бесценно пробыл с 1925 года до немецкой оккупации, когда его арестовало Гестапо и он из “офиса” переехал в тюрьму Шерш Миди (и довольно надолго).

Наиболее многочисленной из русских организаций в Париже был, конечно, “РОВС” (Русский Общевоинский Союз), основанный в двадцатых годах ген. П. Н. Врангелем. Многочисленность была естественна, ибо русская эмиграция во Франции (в противоположность таковой в Германии) была преимущественно военной. Здесь нашли оседлость остатки Белой Армии. Увы, в истории эмиграции РОВС заслужил недобрую славу, во-первых, созданием внутри союза пресловутой “Внутренней линии”, насквозь пронизанной советскими агентами, и, во-вторых, похищением чекистами двух его возглавителей — ген. П. Кутепова (1930) и ген. Н. Миллера (1937). Провокатором-наводчиком похищений и возглавителем “Внутренней линии” был ген. Н. Скоблин. Об этих грустных и гнусных делах подробно-

документально рассказывает Б. В. Прянишников в замечательной книге "Незримая паутина". Надо уточнить, РОВС, в сущности, не был "общественной" организацией, это была воинская организация, по военной структуре и построенная.

Крупной общественной организацией попервоначально был "Земско-Городской Союз" во главе с его основателем, быв. председателем "Временного Правительства" (первого состава) кн. Г. Е. Львовым (вскоре умер), быв. министром Вр. Прав. А. И. Коноваловым, быв. министром Вр. Прав. Н. Д. Авксентьевым, быв. городским головой Москвы В. В. Рудневым, ростовским адвокатом В. Ф. Зеелером, Др. Н. С. Долгополовым и др. В годы расцвета Земгор вел очень большую работу, поддерживая 65 различных русских культурных и благотворительных учреждений, выдавая стипендии русским студентам, поступавшим в высшие учебные заведения Франции. Когда я въехал в Париж, по главе Земгора стоял Николай Саввич Долгополов, у которого я даже одно время работал (после второй мировой войны).

Были в Париже: "Русская Академическая группа" — проф. Е. В. Аничков, проф. П. П. Гронский, проф. С. И. Метальников, акад. М. И. Ростовцев, акад. Н. И. Андрусов, проф. Кузьмин-Караваев и мн. др.; "Русское Христианское Студенческое Движение", опиравшееся на Сергиевское Подворье; "Союз Русских Адвокатов" во главе с известными петербургскими, московскими, киевскими присяжными поверенными — О. С. Трахте-рев, И. А. Кистяковский, Вяч. Н. Новиков, М. Г. Казаринов, Н. В. Тесленко, М. С. Маргулиес, Д. Н. Григорович-Барский и мн. др.; "Союз быв. деятелей русского судебного ведомства" — сен. Н. Н. Таганцев, Е. М. Киселевский, П. А. Старицкий и др.; "Российский Торгово-Промышленный и финансовый союз" — Н. Х. Денисов, С. Г. Лианозов, Г. Л. Нобель и др.; "Федерация русских инженеров за границей" — П. Н. Финисов, А. П. Аршау-мов, Э. В. Войновский-Кригер, В. А. Кравцов и мн. др.; "Объединение русских врачей за границей" — И. П. Алексин-ский, В. Л. Яковцов, А. О. Маршак, В. Г. Барац, В. Д. Аитов, К. С. Агаджанян; эти врачи создали "Русский госпиталь", где работали большие русские специалисты во главе с известным московским профессором В. Н. Сиротининым; госпиталь обслу-

П р и ж ъ 13 Іюня

Дорогой Романъ Борисовичъ,

Спорить съ Вами не стану, тѣмъ болѣе, что не о чемъ. Разногласіе наше словесное. Я согласенъ, что самое существованіе эмиграціи какъ таковой есть уже форма борьбы. Тѣмъ болѣе печатное слово. Никакого сомнѣнія въ этомъ у меня не было. Но когда говорятъ не о печатномъ органѣ, а о "Лигѣ борьбы", то вѣдешь чего то большаго, чѣмъ существованіе новаго печатнаго органа. Я нисколько не виню ни Лигу, ни Васъ, но этого большаго вы не дѣлаете, а если и "дѣлаете", то не оглашаете. Но пока эта часть дѣятельности Лиги скрыта, — пока можно предполагать все, начиная съ террора и кончая попыткой представлять Россію передъ иностранными правительствами, какъ это дѣлають "правительства" Испаніи, Чехіи и т. д. остается недоумѣніе, которое можетъ превратиться въ осужденіе.

Помните какъ у Некрасова:

Я не слухалъ. Сожаленія

Въ недовольства перешли

Оказались упущенія . . . . .

Но все это пришлось къ слову только.

Ваши слова, что я вообще не "сторонникъ борьбы" можетъ быть гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Но объ этомъ можно говорить только очень подробно,

Вашъ другъ М. Макаковъ

А когда случитъ что-нибудь, то пусть, не такъ, какъ вы пишете, а такъ, какъ вы говорите.

Письмо В. А. Макакова к Р. Б. Гулю (1946 г.)

В. А. Маклаков в Париже (1869-1957)

живал ежегодно больше 500 человек больных; "Красный крест" — гр. П. Н. Игнатъев, Б. Е. Иваницкий, бар. Б. Э. Нольде, д-р. И. П. Алексинский и др.; при "Красном Кресте" — бесплатная амбулатория; "Общество русских химиков" во главе с А. А. Титовым; "Русская гимназия" — директор, быв. директор московской Медведниковской гимназии, В. П. Недачин, его сменил Б. А. Дуров. За годы существования гимназия выдала больше 900 аттестатов зрелости, признававшихся во Франции; "Национальная Организация русских скаутов" во главе с известным "старшим русским скаутом", основателем русского скаутизма еще в России О. И. Пантюховым; "Национальная организация русских витязей"; "Союз русских инвалидов", "Казачий Союз", "Русские соколы", "Общество ревнителей русской старины", "Общество охранения русских культурных ценностей", "Православное дело", основанное матерью Марией (Е. !О. Скобцовой, мученически погибшей в гитлеровском концлагере), "Союз русских сестер милосердия", "Союз русских шоферов" (1200 членов) — кто только в Париже не сидел тогда за рулем: генералы, адвокаты, инженеры, но масса — белое офицерство. Были землячества (московское, петербургское, киевское, харьковское и др.); существовали объединения лицестов, правоведов, кадетов, полковые объединения, казачьи станицы (донцов, кубанцев, терцев), всех тех, кого "как казаков", как *таковых*, уже в 1919 году глава советского государства и глава партаппарата Яков Свердлов предписал "уничтожить" и их уничтожили на 80-90% (Постановление Бюро ЦК РКП(б) об уничтожении казачества). Как видим, "массовое уничтожение" людей, как метод властвования, началось задолго до Адольфа Гитлера.

Вот некий перечень русских организаций. Для "наброска" общей картины русской парижской общественной жизни, думаю, он достаточен. Да, забыл — "Союз русских дворян", вызывавший кой у кого улыбку сострадания своей "археологичностью". Но, по-моему, а почему бы и нет? Люди вправе создавать любые "союзы", по любым признакам, хотя бы по цвету волос или глаз: "союз блондинов", "союз брюнетов", "общество голубоглазых", "объединение зеленоглазых". У человека мало утешений в мире. И если что-нибудь утешает — и слава Богу! "Союз дворян" занимался, кажется, установлением генеалогий и,

говорят, "не всегда достоверных". И в этом ничего страшного нет, если это кого-нибудь утешало. Сам претендент на французский престол, граф Парижский в интервью с журналом "Матч" сказал: "В мире есть две вещи, которые всегда можно легко подделать — родословную и баланс".

Пресса и издательства

О русских газетах и журналах в Париже надо сказать, что именно здесь — в Париже — десятилетиями было главное сосредоточие изданий свободного слова русской эмиграции. С начала 1920-х годов и до второй мировой войны (1940 год) в Париже выходили две большие ежедневные газеты — "Последние Новости" и "Возрождение", ничем не уступавшие французской столичной печати (даже тиражом: "П. Н." доходили до 40.000 экземпляров).

"Последние Новости" — республиканско-демократическая газета под ред. П. Н. Милюкова. В своих статьях Милюков защищал положение, созданного им "Республиканско-демократического объединения": — "сохранение пафоса неприятия советской власти и борьба с ней, а следовательно и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества". В "П. Н." писали многие известные политические, общественные деятели и журналисты: П. Н. Милюков (передовицы), Е. Д. Кускова, ген. А. И. Деникин, кн. В. А. Оболенский, М. Осоргин, С. А. Поляков-Литовцев, С. Н. Прокопович, фельетоны (в стихах и в прозе) — Дон Аминадо, литературную критику — Г. В. Адамович, политический репортаж — Андрей Седых (будущий редактор ежедневной газеты в Нью Йорке "Новое Русское Слово"), о театре — быв. директор Императорских театров кн. С. М. Волконский, о балете — известный балетный критик Андрей Левинсон, о музыке — Б. Шлецер, о живописи — Александр Бенуа, всех сотрудников перечислить не могу.

"Возрождение" была "органом русской национальной мысли", издавал ее богатый человек А. О. Гукасов, редактировал первоначально П. Б. Струве, затем — Ю. Ф. Семенов. Сотрудничали: Н. С. Тимашев (передовицы), социолог с международным именем, позднее, в Америке, член редколлегии

“Нового Журнала”, Ив. А. Ильин, высланный большевиками, мой бывший профессор юридического факультета Московского Университета, в эмиграции автор многих ценных книг. После прихода Гитлера к власти И. А., как и некоторые другие русские националисты, увидел в гитлеризме “спасение России от большевизма” и писал в “Возрождении”: — “мы не должны смотреть на национал-социализм глазами евреев”. Но довольно скоро гитлеровцы показали Ивану Александровичу, что его “русский национализм” им не только не нужен, но и неподходящ. Ранним берлинским утром гестаповцы арестовали И. А., на полицейском грузовике доставив на допрос в Гестапо. После этого “камуфлета” разочарованный И. А. оставил пределы Третьего Рейха, уехав в Швейцарию, откуда глядел на гитлеризм по всей вероятности все-таки уже некими “глазами евреев”. Писал в “Возрождении” Георгий Мейер, автор глубоких, своеобразных статей о Достоевском. Литературным критиком был Владислав Ходасевич. Острым и лютым фельетонистом был А. Ренников (Андрей Митрофанович Селитренников), старый сотрудник петербургского “Нового Времени”. Помню, полемизируя с эсэрами М. В. Вишняком и С. М. Соловейчиком, Ренников писал: — “Вишняк в цвету, Соловейчик заливается”. Писал в “Возрождении” талантливый былой “сатириконец” Валентин Горянский (Валентин Иванович Иванов), писал Илья Сургучев (“Осенние скрипки” в МХТ’е), Иван Наживин, всех не перечислить, обрываю.

Надо сказать, что художественная литература (проза и поэзия) в обеих газетах была представлена превосходно: И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, Д. С. Мережковский, А. И. Куприн, И. С. Шмелев, М. А. Алданов, А. В. Амфитеатов, Н. А. Тэффи, З. Н. Гиппиус, К. Бальмонт, И. В. Одоевцева, М. И. Цветаева и многие из молодых (уже эмигрантских) писателей.

До моего въезда в Париже выходила еще третья ежедневная (эсэровская) газета “Дни” под ред. А. А. Керенского, а до нее четвертая — “Общее дело” под ред. Вл. Л. Бурцева. Позже выходили многие еженедельные и ежемесячные издания: — “Россия и Славянство” (П. Б. Струве), “Евразия” (С. Эфрон, Артур Лурье, друг Маяковского, кого Маяковский рекламировал так: “тот дурье, кто не знает Лурье”, Д. Святополк-Мирский, П. Сувчин-

ский, П. Малевич-Малевский), "Звено" (М. Кантор), "Бодрость" (младороссы), "Борьба за Россию" (В. Бурцев, С. Мельгунов, А. Карташев, М. Федоров, П. Рысс, этот журнал предназначался для переброски в СССР), "Младоросская искра", "Новая Россия" (А. Ф. Керенский), "Версты" (Д. Святополк-Мирский, М. Цветаева и др.), "Социалистический Вестник" (Ф. И. Дан), "Иллюстрированная Россия" (М. П. Миронов), дававшая подписчикам прекрасные приложения, например, известную книгу ген. Н. Н. Головина "Русская контрреволюция, 1917-18 гг.". Выходили: — "Военная быль" под ред. А. Геринга, "Морские записки", казачий журнал "Родимый Край", интересный литературный журнал "Числа" под ред. Н. Оцуа, вокруг которого группировалась эмигрантская писательская молодежь, так называемая "парижская нота", "Завтра" ("утвержденцы", Ширинский-Шихматов), "За Россию" (солидаристы), "Еврейская трибуна", "Вестник Русского Студенческого Христианского Движения", "Православное дело" (мать Мария, К. Мочульский и др.), "Часовой", орган связи русского воинства, под ред. В. В. Орехова; монархический вестник "Двуглавый орел".

Перейду к "толстым" журналам. Традиционно-русским "толстым" журналом были "Современные Записки", ведомые эсэрами Н. Д. Авксентьевым, И. И. Бунаковым (Фондаминским), В. В. Рудневым, М. В. Вишняком и А. И. Гуковским. И в создании и в длительности существования этого исключительно-ценного журнала большую роль сыграл А. Ф. Керенский. В 1920-м году А. Ф. Керенский заключил соглашение с министром иностранных дел Чехословакии Эдуардом Бенешем. Это соглашение дало возможность эсэрам начать несколько изданий и, в частности, "литературный и общественно-политический" журнал "Современные Записки". Отдадим должное редакторам: ничего "эсеровского", "направленческого" в журнале не было. Были, конечно, статьи редакторов, но журнала не портили. У журнала был очень широкий и весьма разнообразный круг сотрудников. Многие — с мировыми именами.

В отделе прозы и поэзии были напечатаны лучшие зарубежные вещи Ив. Бунина, Бор. Зайцева, Ив. Шмелева, М. Алданова, были вещи Андрея Белого (когда он был еще за границей), Максимилиана Волошина, З. Гиппиус, Евг. Замятина, Вяч. Ива-

нова, А. Куприна, Д. Мережковского, Георгия Иванова, П. Муратова, М. Осоргина, А. Ремизова, В. Набокова, Б. Тимирязева (!О. Анненкова), А. Толстого ("Хождение по мукам", первый, неизгаженный текст, автор был еще эмигрантом), Тэффи, В. Ходасевича, М. Цветаевой, неопубликованные рукописи Льва Толстого, воспоминания Ф. Шаляпина. Статьи: — Н. А. Бердяева, А. Бема, В. Вейдле, Е. Брешковской, К. Бальмонта, Б. П. Вышеславцева, М. О. Гершензона, пушкиниста М. Гофмана, известного адвоката О. Грузенберга, кн. Петра Долгорукова, проф. С. Завадского, проф. С. Загорского, В. Зеньковского, А. Карташева, проф. А. Кизеветтера, неопубликованные письма Вл. Короленко к Луначарскому, Е. Кусковой, А. Левинсона, Н. Лосского, В. Маклакова, П. Милюкова, С. Мельгунова, В. Мякотина, проф. М. Новикова, проф. Б. Э. Нольде, А. В. Пешехонова, Ф. И. Родичева, акад. М. И. Ростовцева, Л. Сабанеева, И. Солоневича, Ф. А. Степуна, А. Л. Толстой, Н. С. Тимашева, Г. П. Федотова, Г. В. Флоровского, проф. Д. И. Чижевского, Е. Н. Чирикова, проф. А. А. Чупрова, Льва Шестова, Б. Ф. Шлецера, Е. !Орьевого и мн. др. Когда "Современные Записки" праздновали выход 50-й книги журнала, на юбилей сочувственно отозвался такой совершенно уж далекий от "эс-эрства" (когда-то назвавший "народничество" революционным "сифилисом") П. Б. Струве. Он правильно предлагал заменить в подзаголовке журнала "общественно-политический" на "журнал русской культуры и литературы". Так, в сущности, это и было. "Современные Записки" внесли в русскую культуру разнообразный и ценный вклад. С 1920 года по 1940-й вышло 70 толстых книг. Но уже в 30-х годах (приход Гитлера к власти) издавать "Современные Записки" стало трудно. Думаю, чехословацкая поддержка оборвалась, не до того было. В 1939 году в журнале остался один редактор — Вадим Викторович Руднев (безвозмездный, никак не могший бросить свое детище). В 1940 (из-за войны) журнал приказал долго жить, а Руднев с женой Верой Ивановной с трудом пробрались в "свободную зону" Франции и провели некоторое время у нас на ферме в Гаскони, под Нераком. Вскоре в городе По Вадим Викторович умер (об этом я расскажу особо).

В 1937 году начал выходить второй "толстый" журнал "Рус-

ские Записки” под ред. П. Н. Мильюкова (секретарь М. В. Вишняк, издатель, в прошлом эс-эр, богатый человек М. Н. Павловский). В заявлении от редакции П. Н. Мильюков писал, что “Р. З.” “предполагают перейти от традиционного типа “толстого” журнала к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues, с подбором статей преимущественно актуального и информационного характера”. Но ни к каким Revues “Р. З.” не перешли, так и оставшись вторым “толстым” журналом, но гораздо более бледным и односторонним. Особенностью “Р. З.” была их подчеркнутая “секулярность”. Поэтому этот журнал и не мог захватить такой широкий спектр сотрудников, как “С. З.”. Такие писатели, как Бердяев, Федотов, Флоровский, Карташев и мн. др. для атеиста и позитивиста Павла Николаевича были табу. Не зря же А. А. Кизеветтер как-то назвал Мильюкова — “семидесятилетним комсомольцем”. В 1939 году из-за военных событий “Р. З.” оборвались на 21 книге.

В противоположность “секулярным” “Р. З.” в Париже выходили два серьезных журнала, посвященных религиозно-философским вопросам: “Путь”, орган русской религиозной мысли, под ред. Н. А. Бердяева при участии Б. П. Вышеславцева, издававшийся русской Религиозно-Философской Академией и “Новый Град” под ред. И. И. Бунакова (Фондаминского), Ф. А. Степуна и Г. П. Федотова, посвященный, если так можно сказать, христианизации общественной жизни. Участники его были новым явлением в русском мире — русскими христианами-демократами. В № 1 Г. П. Федотов писал: “против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа”. Но эти журналы, как и всю свободную печать русского Зарубежья, безвозвратно и начисто смела вторая мировая война.

Но насколько в Париже русская печать была широко и разнообразно представлена, настолько русский Париж — в полную противоположность русскому Берлину — почему-то — был беден русскими издательствами. Может быть это вопрос курса франка — не знаю. Но больших издательств, как берлинские “Петрополис”, “Слово”, изд-во З. Гржебина, “Медный Всадник”, изд-во О. Дьяковой и др. — в Париже не было. Возникали и почему-то быстро умирали: “Франко-русская печать”, “Русская

земля”, “Родник”, кое-что издал книжный магазин Я. Поволоцкого, издавало “Возрождение” (преимущественно своих сотрудников) — Шмелева, Чирикова, Сургучева, Лукаша, Ренникова и др. “Современные Записки” издали, вероятно, книг полтора-два (тоже своих сотрудников) — Бунина, Зайцева, Осоргина, Степуна, Ходасевича, Милюкова, Ростовцева, Нольде, Вишняка, Маклакова, Тэффи, Сирина и др. ИМКА-пресс издала, но только книги по религиозно-философским вопросам — Бердяева, Булгакова, Шестова и др. Так что в 20-х годах русские писатели-парижане часто издавались в Берлине, Праге, Белграде, Софии. А когда пришли “гитлеровские времена” везде в Европе русское зарубежное книжное дело резко упало. Въехав в Париж я застал одно очень скромное, но все-таки действующее издательство — книжный магазин “Дом книги”. Там я и издал две свои книги — “Дзержинский” и “Ораниенбург”. Эта парижская бедность издательствами даже запечатлена И. А. Буниным в шуточной пародии:

Автор к автору летит,
 Автор автору кричит:
 Как бы нам с тобой дознаться,
 Где бы нам с тобой издаться?
 Отвечает им Зелюк —
 Всем, писаки, вам каюк!
 Отвечает им Гукасов:
 Не терплю вас, лоботрясов!
 Отвечает ИМКА: — мы
 Издаем одни псалмы!

(Продолжение следует)

Роман Гуть

Жалею, что в кн. 147-ю не вошел весь “Русский Париж”. В кн. 148-й будут: “Русские драма, опера, балет”, “Русские художники” и “Русская музыка в Париже”. Р. Г.

Осенних дней и дождика мы ждали
В деревне с нетерпением. Покой
Они несли и творческой печали
Томительный и сладостный настой.

Как книжка сказок, что давно забыли,
Открыли — оторваться не смогли, —
Так детских лет опять проходят были
И чудеса покинутой земли.

Быль не вернется. Ничего не будет
И чудеса не ждут нас впереди.
Но разве память не приют и чудо
И не готовы к странствиям лады!

Екатерина Таубер

Ты вынес все. И принял как расплату
За гордость предков, роскошь и разлад.
Последний в роде, нищий и крылатый,
Ни перед кем не опустивший взгляд.
Ты зов земли услышал на чужбине,
Изведал лютый жребий крепостных.
И вот года глухой борьбы в пустыне
Без друга, женщины, родных...
Лишь небо здесь тебя усыновило,
Вершины гор признали своего.
И ты ушел. И это было, было!
И вычеркнуть нельзя уж ничего.

Екатерина Таубер

Новорожденные младенцы
Усердно машут кулачками.
Участвовать хотят пришельцы
В житейской драке — или драме?

Наверно, их предупредили,
Что в жизни драться им придется.
В краю усилий и насилий
Дерутся пухлые уродцы.

Вот если бы не кулачками,
А крылышками вы махали!
В краю, где правит хмурый Каин
С его угрюмыми грехами,

Вы жить не стали бы. Скорее
Повисли бы у колыбелей
(Нет, не летая, нет, не рея)
И холодели бы, твердели —

И улыбались, недвижимы,
Как равнодушные скульптуры,
Как мраморные херувимы,
Как золоченые амурсы.

Игорь Чиннов

ПРАГА (1921-1945)

Мы печатаем отрывок из зарубежных воспоминаний Сергея Германовича Пушкарева.

Выдающийся русский историк Сергей Германович Пушкарев родился в Старом Осколе Курской губернии в 1888 году. В 1907 г. С. Г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. В 1911-14 гг. слушал лекции на философском факультете в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах. В 1916 г. вернулся в Харьковский университет, который и окончил в 1918 году, будучи оставлен при университете по кафедре русской истории.

В 1919 г. С. Г. вступил добровольцем в Белую армию, был тяжело ранен и в 1920 г. эвакуирован в Турцию. В 1921 г. С. Г. переехал в Прагу. В 1924 г. выдержал в Пражской Академической группе магистерские экзамены по русской истории и стал доцентом Русского Свободного университета. В 1929 г. был избран членом Славянского Института при Чешской Академии Наук.

В Праге С. Г. написал несколько ценных трудов по различным вопросам русской истории. Из его тогдашних работ отметим "Очерк внутреннего и внешнего положения Псковского государства" (почешки, 1925), а также статьи о целовальниках в суде и государственном хозяйстве Московской Руси (1934 и 1936) и "Происхождение крестьянской поземельной общины в России" (в двух частях, 1939-1941).

После войны, в 1949 г., С. Г. переехал в США. С 1950 по 1955 г. С. Г. преподавал в Иельском университете, читал лекции в Фордамском университете и в Русском Институте Колумбийского университета. В 1956 г. С. Г. работал, как составитель и один из редакторов обширного собрания источников по русской истории (по-английски).

Работая в Америке, С. Г. выпустил несколько ценных трудов. В 1953 году в изд-ве имени Чехова вышел его "Обзор русской истории". В

1956 г. (в том же изд-ве) С. Г. выпустил вторую книгу "Россия в 19 веке", которая переведена на английский язык профессором Робертом Мак Нилом.

Отдельные статьи С. Г. печатались по-английски и по-русски — в Славик Ревью, Рашен Ревью, в Британской Энциклопедии, в "Новом Журнале", в "Записках Русской Академической Группы в США", в "Новом Русском Слове" и др.

Редакция

БЕГСТВО ИЗ ПРАГИ

В апреле 1945 года стало очевидно, что советская армия неудержимо движется на Запад и не остановится перед воротами Праги. Что было делать? Ученым, специалистам наук естественных, технических и медицинских можно было бы оставаться, но представителям наук гуманитарных лучше было бежать, но куда? Путь один — в Германию, но как "пробежать" линию фронта с вещами, а без вещей (да хоть и с вещами) чем и как жить в Германии?

Кроме неизвестного и жуткого будущего существовало еще административное препятствие в настоящем: выезд из Праги в Германию был запрещен. Выехать было возможно только по особой надобности и с особого разрешения немецких властей. Но я все-таки решил: бежать куда бы то ни было и во что бы то ни стало!

Первое административное препятствие удалось преодолеть легко. Грузинский общественный деятель С. Д. Гегелашвили, имевший хорошие связи с немецкими властями, получил для меня разрешение ехать в Германию (с женой и сыном) в качестве лектора на курсах для власовских офицеров в школе летчиков в Нейерен.

Теперь меня и многих православных пражан волновала мысль: а что станет с нашим духовенством, когда красные явятся и начнут хозяйничать в Праге? Не лучше ли им было уехать на Запад? Мы пригласили Владыку Сергия, нашего пражского епископа, для разговора по этому вопросу. Я хорошо помню это "траурное" заседание. В небольшой комнате стоял стол с шестью

стульями, по три с каждой стороны. С одной — сели Владыка Сергей, о. архимандрит Исаакий и о. Михаил Васнецов. Против них сели трое мирян: Н. А. Цуриков (известный антикоммунистический журналист), С. Д. Гегелашвили и я. По предложению Владыки, мы начали говорить. Первым говорил Гегелашвили. Он сделал короткое фактическое сообщение: если духовенство решит эмигрировать, то немецкие власти готовы выдать соответственные разрешения на отъезд из Праги. Затем Цуриков сказал большую и горячую речь, убеждая Владыку спасти себя и двух своих помощников от гибели в лапах красного зверя. Последним говорил я. В своей небольшой, но искренней и задушевнoй речи, я убеждал наших духовных отцов пощадить себя ради служения той зарубежной России, которую они найдут на Западе. По окончании моей речи Владыка Сергей встал, сказал — "Спаси нас, Господи!" — и благословил нас, давая понять, что аудиенция окончена. Двое других хранили полное молчание. Они, очевидно, заранее уговорились принять решение, которое примет Владыка. Дальнейшая судьба этих трех духовных лиц была совершенно различна. Епископа Сергия и архимандрита Исаакия увезли в СССР, но там их судьба была тоже различна. Епископа Сергия назначили архиепископом Казанским, и через несколько лет он умер в этом сане. Архимандрита Исаакия сослали в Среднюю Азию, в город Алма-Ата. Кем и как он жил там, я не знаю, слышал, что один эмигрант получил от него письмо, которое оканчивалось словами: "жизнь кончена, начинается житие". Общий смысл этой жуткой фразы ясен, но никаких подробностей я не знаю. Он скончался 12 января 1981 года. Отец Михаил Васнецов остался в Праге и совершал богослужения в "зборовне" профессорского дома.

Итак, было решено бежать на Запад, точнее, в Германию. Однако жена заявила: "Без вещей я не поеду, ибо не желаю схать на голодную смерть". И мы стали собирать вещи. Набралось штук 6 или 7 тяжелого багажа и штук 5 ручного — на трех человек. Складывалось белье и одежда всех сортов, включая куски материи и теплые пальто; немного необходимой посуды, немного консервированной пищи "на первое время". И я согрешил, захватив некоторые свои печатные произведения и рукописи, как доказательство того, что я емь действительно русский

ученый, а не спекулянт или контрабандист.

19 апреля мы двинулись. Брат Николай (а по-Бориному, "дядя Ко"), который решил остаться в Праге, погрузил эти вещи на возик и прикатил его через весь город на вокзал. На вокзале мы прежде всего предъявили наше удостоверение о разрешении на выезд и сдали тяжелые вещи в багаж. Никогда потом мы этих вещей не видели.

Поздно вечером мы кое-как вместились в вагон и поехали, но тут случилась неудача, которая спасла нам жизнь. Оказалось, что союзная авиация только что разбомбила одну железнодорожную станцию на нашем пути и разрушила большой участок железной дороги. Наш поезд остановился в чистом поле, вблизи была только одна небольшая железнодорожная будка. Что делать? Железнодорожники сообщили, что поезд будет возвращен в Прагу, и большинство пассажиров решило возвращаться, но меньшинство решило остаться. Где оставаться? В чистом поле, в холодную ветреную ночь? Детей тесно поместили в будку, а взрослые кое-как скоротали ночь до утра, сидя на своих вещах, надев на себя всё, что можно было надеть.

У меня был с собой хороший запас чешских и немецких денег. Мы добрались до небольшого города Клатовы, поселились там в отеле и стали ожидать развития событий. В конце апреля надвигающееся военное поражение Германии стало совершенно очевидным и вопрос — жизненный для нас — был только в том, чьи войска — советские или американские — оккупируют западную Чехию. Надо было "прижухнуть" в каком-нибудь тихом уголке и ожидать развития событий. Мы нашли себе такой укромный уголок в деревне Любы, недалеко от Клатовых и от большого промышленного города Пильзен. 30 апреля перебрались туда на жительство.

3-го мая советские войска взяли Берлин, а 5-го мая сопротивление германских армий прекратилось, военные действия окончились, и западную Чехию американцы могли занять без боя. Но мы, конечно, имели весьма смутное понятие об общем ходе военных операций и об общем политическом положении. Мы не знали, кто придет к нам в Любы — американцы или красные?

И вот однажды мы услышали грохот проходящих по

улице танков. Сердце тревожно забилося: чьи это танки? Советские или американские? С красной или белой звездой? Мы послали сына посмотреть и через две минуты Боря прибежал с радостным криком: "Белая звезда!" Слава тебе, Господи! Значит мы попали в американскую зону оккупации и находимся под защитой американского орла. Иногда в наш двор заходили американские солдаты и играли в футбол. Приглашали меня принять участие, но я оказался неспособным игроком.

Германия пала 5-го мая. Война окончилась, но что же будет с нами дальше? Стали ходить слухи, что американцы заняли район Пильзена лишь на короткое время, скоро они уйдут и советские войска оккупируют всю Чехию. Я поехал в Пильзен "на разведку". Город был в каком-то волнении. На окне одного магазина я увидел огромный плакат русскими буквами:

"ЗДРАВСТВУЙТЕ, РАЗВОЛНИТЕЛИ СЛАВЯНСТВА!"

Очевидно, владелец магазина, с радостью, искренней или имитированной, ожидал скорого прихода "разволнителей".

Что нам было делать? Бежать дальше? Но куда и как? Свободного сообщения между оккупированной Чехией и Германией не было. Через границу туда и сюда ходили только грузовые автомобили, имевшие особое разрешение и перевозившие из Баварии в Чехию чешских и польских репатриантов, которых военные бури занесли в Германию.

В соседней деревне жила группа российских эмигрантов из Праги, застрявших в пути, как и мы. Среди них были две наших знакомых караимских семьи: Гавриил Ильич Кальфе с женой и дочкой Наташей, красивой девочкой-подростком, и супруги Кефели с двумя детьми. Кальфе вывез из Праги огромный багаж, включавший и меховой товар, и книги, и мебель. Теперь они, как и мы, "сидели у моря и ждали погоды". Они узнали, что несколько русских эмигрантов перебрались из Чехии в Германию, давши хорошую взятку шоферу грузовика, совершавшего рейсы через границу, и решили предпринять такое же путешествие со всем своим багажом.

По знакомству, они пригласили нас ехать вместе с ними. Мы, не видя иных путей (и не имея понятия о размерах их багажа), согласились. Кальфе заключил соответственный

договор с шофером большого грузовика, а шофер, как оказалось, накануне заключил соответственное соглашение с чешскими коммунистами и жандармами. И вот 11 июня вечером дочь Кальфе Наташа примчалась к нам на велосипеде и сообщила, что завтра рано утром состоится погрузка багажа и отъезд.

На рассвете 12-го июня мы явились, чтобы грузиться и ужаснулись, увидев гору их багажа, но не отказались от участия в этом странном путешествии. Изменник-шофер тоже, видимо, изумлялся, но не препятствовал торопливой и нервной работе погрузки. С великим трудом мы погрузили наш багаж, кое-как вместились сами и поехали.

На полпути дороге нам пересек полицейский автомобиль, из него вышли два жандарма и сообщили, что мы совершаем незаконное путешествие и везем контрабандные товары. Поэтому наши вещи должны быть конфискованы, а мы — арестованы. Спротивляться или спорить не приходилось. Нас и наши вещи отвезли в советскую зону оккупации, в город Пржестиче. Там нас обыскали, допросили (с грубой бранью и угрозами), продержали полдня под арестом, а затем отправили в город Пильзен, в главное полицейское управление. Все наши вещи исчезли бесследно.

В полицейском управлении для допроса вызвали Кальфе, Кефели и меня. После допроса полицейский позвонил по телефону какому-то высшему начальнику и сказал, что наше "шекотливое" дело надо как-то ликвидировать. Наступил вечер и нас отправили для ночлега в тюрьму "На Борах", славившуюся своим строгим режимом. Рассадили по камерам, мужчин по одиночке, Наташу и детей Кефели вместе с матерями. В мою камеру для обыска явился тюремщик с острым лицом и острыми манерами. Приказал раздеться, но в то время чешские тюремщики еще не дошли до зверского и омерзительного "совершенства" советских. Он раздел меня не донага, а только до белья; у меня под рубашкой сохранился мешочек с бумажными деньгами и даже с тремя золотыми монетами.

Утром 13 июня нас собрали, усадили в полицейский автобус и снова отправили в Пржестиче. Способ "ликвидации" нашего "шекотливого" дела был найден: нас — три русских эмигрант-

ских семьи и одну чешскую супружескую пару — сдали в советскую комендатуру.

Советский офицер, выслушав краткий доклад чешского жандарма, немедленно отпустил чешскую пару на все четыре стороны, а, обращаясь к нашей группе, строго сказал: — "Ну, а с вами, господа, у нас будет разговор совсем другой". Потом он исчез, а мы остались во дворе, ожидая решения своей участи.

Комендантом в Пржестицах и, очевидно, командиром стоявшей здесь советской части был майор Павлов. К счастью для нас, стоявшая здесь часть (вероятно, батальон) была обыкновенной боевой пехотной частью. Ни палачей СМЕРШа, ни отряда "особого назначения" здесь не было, а у простых пехотных офицеров не имелось большого желания возиться с десятком эмигрантов, в том числе с четырьмя детьми. Тем более, что батальон в тот же вечер должен был покинуть Пржестице и уходить куда-то в другое место.

Итак, мы с час или больше стояли, сидели и бродили во дворе комендатуры, ожидая вызова на допрос и наблюдая советских солдат. Перед уходом из Пржестиц они готовили себе на дорогу вкусную пищу: ловили хозяйских кур и на пне отрубали им головы топорами. Одна курица, без головы, упавши с пня, вдруг распластав крылья и размахивая ими, быстро пробежала через весь двор, а убивший ее солдат иронически заметил: "Вот дура! Ей голову отрубили, а она все-таки бегаёт!"

Наконец нас, трех мужчин, позвали на допрос. Каждого допрашивал один офицер, в отдельной комнате. Мне попался очень симпатичный "следователь": молодой лейтенант, интеллигентного вида и манер. Он разговаривал со мной очень вежливо, почти дружелюбно. В разговоре я часто "титировал" его "господин лейтенант", и это, как мне казалось, было ему приятно. Вначале у нас был как бы настоящий допрос. Перед ним на столе лежали бумага и карандаш, он задавал мне вопросы и записывал мои ответы, но скоро он отложил карандаш в сторону и мой "допрос" принял характер дружеской беседы. Видно было, что ему интересно побеседовать с такой невиданной им птицей, как старый эмигрант, да еще ученый историк. О себе он сообщил, что он — сын кадрового офицера царской армии, спросил, почему я не хочу ехать в Сов. Союз? Я сказал, что был солда-

том Белой армии и опасаясь, что был бы подвергнут репрессиям, как бывший "белогвардеец". Лейтенант меня "успокоил": — "О, нет, нет, гражданская война это далекая забытая старина! А в СССР вы могли бы работать по своей специальности — быть преподавателем истории" — "Нет, господин лейтенант, в Советском Союзе история преподается с точки зрения материалистического и атеистического марксизма, а я — верующий православный". — "О, да, ну, конечно, в таком случае вы не могли бы быть преподавателем истории, но могли бы преподавать латинский язык". Милый лейтенант старался найти мне подходящее занятие! Я ответил, что мне после 25-ти лет жизни в Европе было бы слишком трудно приспособливаться к новым условиям жизни.

Мы расстались "дружески". После допроса офицеры ушли обедать. По-видимому, они вкусно пообедали и хорошо выпили, ибо вышли в очень хорошем настроении. Майор Павлов объявил нам их решение: так как мы — старые эмигранты и никогда не были советскими гражданами, то мы не подлежим принудительной репатриации в Сов. Союз.

Мы возрадовались и возблагодарили майора, но просили, чтоб нам выдали какую-нибудь официальную бумагу, по которой нас пропустили бы в американскую зону оккупации. Он позвал чешского жандарма и приказал: "Пойдите в Народный Комитет с этими господами и попросите, чтобы там написали им нужную бумагу". И, указывая на Кальфе, добавил: "Этот господин скажет, что надо писать". — "Но, господин майор, ведь я этих господ совсем не знаю", — ответил жандарм. На что майор веско сказал: — "Если вам русский офицер говорит, то этого для вас должно быть достаточно!" Услышав такие слова, сердца наши "преисполнились национальной гордостью". Жандарм отвел нас в канцелярию Народного Комитета и передал приказание майора.

Секретарь, под диктовку Кальфе, написал, что нижеперечисленные лица были допрошены в советской комендатуре, ничего предосудительного в их поведении не найдено, и они отпушены на свободу. Для своего оправдания, секретарь в начале бумаги вставил слова, что бумага выдается "по приказанию майора Павлова". (Эта бумага до сих пор у нас хранится).

С ней мы беспрепятственно добрались до Пильзена, где был огромный смешанный лагерь "перемещенных лиц", и на четыре года влились в широкую массу Ди-Пи.

С. Пушкарев, 10.IX.80.

ХРОНИКА РАСПАДА

ГЛАВА IX

Кончина Плеве. День 9-го января в Петербурге. В сумерках диктатуры сердца. Совещания у Великого князя Александра Михайловича. Великий князь Петр Александрович Ольденбургский. В. А. Шателен. М. П. Домерицков. Клопов и Белов. С. В. Рухлов. Споры о конституции. Два проекта манифеста по поводу события 9-го января. Опала и выезд за границу Великого князя Александра Михайловича. Вести о нем издалика. Софизмы о непротивлении. Путь на Голгофу.

Про Плеве рассказывают, — он надеялся, победа над Японией, польстив народному самолюбию, укрепит власть и, таким образом, доставит ему возможность справиться с революцией.

Но Господь Бог не рассудил благословить наше оружие: вместо победы последовало поражение. Тогда в правящих кругах возобладала другая теория: правительство должно искать сближения с обществом. Спасение не в твёрдости, а в уступчивости.

Кончина Плеве устраняла препятствие к желанному примирению правительства с обществом. Стоя на бреши, Плеве не отдавал себе отчета — против него не одни революционеры, но и высокопоставленные лица. В глазах их он был маниак реакции, судьба которого была решена и гибель неминуема. Встретив его в Царском Селе на вокзале, Великий князь Александр

Мы печатаем еще одну главу из ценных воспоминаний Ю. Карцова "Хроника распада", за что приносим благодарность его дочери Елене Юрьевне Концевич. См. Кн. 137, 138, 144. РЕД.

Михайлович поспешно от него удалился. — Неровен час, попадешь с ним в беду, — объяснял он причину поспешности.

В исторический день 9-го января 1905 года, когда, под предводительством Гапона, толпа рабочих, с простодушным, якобы, намерением поговорить с Государем, двинулась к Зимнему дворцу, находился я в Петербурге. С братом моим Андреем и его женою нанимали мы небольшую меблированную квартиру в нижнем этаже на Французской набережной, в доме № 24. Из Борисова приехала сестра Ольга и поселилась у нас. В тесноте, да не в обиде.

От нас через дом проживал Сергей Спиридонович Татишев. Страдая склерозом, в сильной степени развитым, насчет положения своего, явно безнадежного, не питал он иллюзий. Часто посещал нас борисовский наш знакомый, бывший телохранитель Плеве, А. С. Скандраков. Хотя и в отставке, с Департаментом Полиции и чиновным миром сохранил он отношения. Вести он приносил всегда интересные и свежие.

С раннего утра из окна мы наблюдали, как, перейдя Неву по льду, направлялись рабочие к месту сборища на Дворцовую площадь. Сами мы просидели дома, но от заходивших лиц почталыонов, дворников и т. п. — узнавали происшествия: народ отказался разойтись, войска стреляли, много раненых и убитых и т. д.

Петербургцы до тех пор революцию знали по наслышке. Теперь предстала она перед ними во всей отталкивающей наготе. Кровь была пролита и раздались проклятия. Неизвестно откуда взявшиеся тёмные субъекты сновали по городу, останавливали прохожих и распространяли тревожные слухи: водопровод испорчен, воды не будет, электричество потухнет, город погрузится во мрак, и т. п. Настроение господствовало нервное и напряженное.

Под вечер вышел я, кликнул извозчика и велел ехать на Васильевский Остров, к Беклемишеву. На улицах никого. Петербург словно обезлюдел. По ту сторону Николаевского моста, вдоль набережной, воинственное зрелище: в полной амуниции гвардейцы бивакировали на снегу и вокруг костров грелись.

Беклемишева я застал читающим Тацита и почерпающим оттуда уроки государственного маккиавелизма. В назидание мне

прочел он, с каким коварством и беспощадностью расправлялись римские цезари с мятежными легионами.

— Да, римляне понимали значение власти и держали её на подобающей высоте. А наши правители? — воскликнул он с негодованием. — Они приказали стрелять в народ, а потом спохватились: что это мы наделали.

Собрания Гапона и его единомышленников происходили в одном из соседних домов совершенно открыто. Швейцар Беклемишева на них присутствовал. Всё, что там говорилось и делалось, доносил он Беклемишеву, а тот по телефону передавал Великому князю. Но, если о готовившемся выступлении знал Беклемишев, а следовательно и весь город, тем более должен был знать Градоначальник. Почему же допустил он образоваться скопищу, не арестовал Гапона и прочих главарей? Вопрос, который естественно задавал себе каждый.

С того времени, как ночью в вагоне ехал я с Ватаци и доказывал ему — из либеральной авантюры князя Святополк-Мирского ничего не выйдет и потерпит она крушение, — не прошло ещё и полугода. Тогда был рассвет и метовый месяц "диктатуры сердца", теперь наступили её сумерки.

Ватаци и его семья жили по Театральной улице и занимали роскошную квартиру директора департамента Общих дел. По вечерам за чайным столом собиралось у них многочисленное общество, по составу и стремлениям совершенно различное. Постоянными посетителями были: братья Марии Петровны, рожденной Мертваго: Дмитрий Петрович, заведующий казенным конским заводом, бесхитростный дворянин и военный; Александр Петрович, дворянин неудачник, ренегат сословия, человек маленький — самолюбие огромное, издатель агрономического журнала с социалистическим направлением. Дешевою ирониею и видом превосходства старался он прикрыть скудность умственного и духовного содержания. Чиновники министерства Внутренних дел, сбитые с толку и не знавшие, какому Богу молиться. Катехизис Плеве успели они позабыть, но, в виду провала "диктатуры сердца", опасались, как бы не пришлось им выучивать его снова. Общественные деятели, писатели либерального лагеря и корифеи Вольно-экономического Общества. Каждого из них поочередно Ватаци уводил в свой кабинет и

наставлял в духе правительства.

С перепугу Мария Петровна досаждала мужу: куда бы ей уехать с детьми? — Куда уехать? К ?Орию Сергеевичу, на прусскую границу, — сердито отвечал Ватаци. — Ты видишь: вся Россия в огне.

Ватаци жаловался на Штюмерера, — он подает записки царю и только напрасно его смущает. — Полно-те, Эмануил Александрович, — возразил я. — При чем тут Штюмерер? "Диктатура сердца" провалилась, нечего себя обманывать. Приходится очистить место и начинать сызнова.

Курьер принес мне повестку — явиться в тот же день в 9 часов вечера во дворец к Великому князю. Меня уже предупредил Беклемишев: Великий князь предполагает созвать совещание. Его, Беклемишева, на совещании не будет, но меня, вероятно, позовут. По какому поводу совещание? — спросил я. — Полагать надо, о реформах.

В приёмной, когда я вошел, уже ожидали пришедшие за несколько минут до меня участники совещания, г.г. Домершиков, Клопов и Белов, с которыми я и познакомился. Нас позвали и повели сквозь амфиладу, уставленных золоченою мебелью, тускло освещенных апартаментов. В глубине её за столом в креслах сидели Великие князья Александр Михайлович и Петр Александрович Ольденбургский, женатый на второй дочери императора Александра III, Ольге Александровне. Здесь же, с карандашом в руке, перед листом белой бумаги находился и вел протокол заседания адъютант Великого князя, В. А. Шателен.

Петр Александрович Ольденбургский казался человеком симпатичным и добрым, но, как в физическом, так и в умственном отношении, совершенно недоразвитым. Самых простых вещей он не понимал и спрашивал объяснения. Великий князь Александр Михайлович относился к нему любовно и называл его Петею.

В морском мундире прямо с иголки, гладенький, обходительный, Владимир Андреевич Шателен был типом вышколенного военного и царедворца. Задачей его было не иметь своего "я", а приспособляться к меняющимся настроениям августейшего патрона. — Взявшись за эту роль, надо её выдерживать до конца, — говорил он в свое оправдание.

Беклемишев не прошал Шателену близости его к Великому князю. — Шателен — это дурная привычка Великого князя, вот и всё, — отзывался он о нем пренебрежительно. Более всего возбуждали желчь Беклемишева и служили темою его сарказмов нежные чувства Шателена к фрейлине Евреиновой, которым, будто бы, покровительствовала Великая княгиня Ксения Александровна. Амуры любимой горничной и вестового, язвил Беклемишев. Со своей стороны Евреинова и Шателен не выносили Беклемишева и вредили ему, где могли.

Михаил Павлович Домерщиков, бывший прокурор Окружного суда в Петербурге, выйдя в отставку, занимался частными делами, если не ошибаюсь, и делами Великого князя. Высокого роста, с впалою грудью, вид имел он болезненный. Бороды он не носил, а только усы. Говорил осторожно, обдуманно и основательно.

Среднего роста, со светлою бородою, Клопов Анатолий Анатольевич был тот самый Клопов, имя которого одну минуту находилось у всех на устах в Петербурге. Государь император отправил его путешествовать по России с оригинальною миссиею — добывать для него правду.

Когда Великого князя Александра Михайловича, который представил Клопова Государю, спрашивали, — что нашел он в нем особенного? Он отвечал: — Это человек необыкновенной чистоты душевной. — Клопов изображал собою энтузиаста беззаветно преданного царю и родине. Главною его мыслию было — раскрыть царю правду, сблизить его с обществом и сделать популярным.

На меня произвел Клопов впечатление иное. Для решения государственных вопросов необходимы ум и знания. Не обладая ими, Клопов выезжал на чувствах. Он юродствовал, потому что юродство нравилось и вело к цели. От министра или члена Государственного Совета не вынес бы Государь и десятой доли вздору, который, якобы, в простоте душевной, обильно расточал перед ним Клопов.

Белов, — имени и отчества его не помню, — был старичком совсем дряхлым. В высших кругах слыл он большим умником. В трудных okazиях к нему, как мудрецу, — знаю это от князя Андроникова, — обращались за советом. В чем заключался его

ум — осталось для меня загадкой. Говорил он языком либеральных газет и общими местами.

Заседание началось с рассуждений академического характера. Учреждения наши устарели и не соответствуют требованиям времени, — все были одного мнения. Каждый плательщик податей имеет право знать, на какие предметы расходуются взимаемые с него деньги. Обсуждение народных нужд, поэтому, должно быть гласное, с чем тоже никто не спорил. Из этих двух положений следовал вывод: пришла пора привлечь общество к делам государственного управления.

Но, по мере того, как яснее выступали перед нами контуры будущего государственного строя, обнаруживалось — идеалы у нас совершенно различные. Клопов и Белов были убеждены — стоит лишь царю поделиться властью с обществом, между ними установятся отношения любви и доверия, и всё пойдет как по маслу. Сближение и взаимодействие царя и общества не так понимали мы с Домершиковым. Не стремиться ограничить царскую власть надлежало обществу, а наоборот, просветить её, поднять и укрепить всем авторитетом общественного мнения.

Как же этого достичь? Путем организации классовых и профессиональных интересов. Представители этих интересов лучше, нежели бюрократия, выяснят действительные народные надобности и найдут способы их удовлетворения.

— Отчего не пригласили вы на совещание Рухлова? — спросил Беклемишев Великого князя. — Рухлов был товарищем Главноуправляющего Отделом Торгового мореплавания, правая рука Великого князя. — Потому, — отвечал Великий князь, что всех он раздавит своим красноречием. — На следующее заседание, однако, приглашен был и Рухлов.

Монументальных размеров, с широкими, рыжеватыми бакенбардами, Сергей Васильевич Рухлов походил на фельдфебеля времен императора Николая I. Служба его протекала в Государственном Совете. В бюрократических кругах слыл он гением и выдвигался кандидатом на любой министерский пост. От массивной его фигуры веяло канцелярским шаблоном и неодолимою скукою.

В помощники взял его Великий князь именно с тем, чтобы, искусный лоцман, среди скал и подводных камней бюрократиче-

ского моря проводил он его проекты. Проваливать проекты Великого князя петербургским сановникам доставляло, по-видимому, особое удовольствие. Рухлов по этой причине сплошь и рядом терпел поражение. Его называли адвокатом проектов заведомо безнадежных. Когда он говорил, ни оригинальной мысли, ни проблеска чувства, ни художественного образа речь его не заключала. Торжественно и ровно лилась она, как чтение министерского доклада. Остановить его и вставить замечание было невозможно.

Великий князь предоставил Рухлову слово. — Пора и нам начать жить по-европейски, — прямо и категорически поставил вопрос Рухлов. — Идеи народного представительства бояться не следует, а надо с нею освоиться. — Он долго распространялся на эту тему. Клопов и Белов сочувственно кивали головою.

Я слушал и ушам не верил. На прошлом заседании довольствовались мы Собранием делегатов классовых и профессиональных интересов и, притом, характера исключительно законосовещательного. Теперь речь шла уже о созыве народных представителей или упразднении самодержавия. Я взглянул на Великих князей: к дерзновенным словам Рухлова отнеслись они совершенно спокойно. Почва для конституции, очевидно, была готова.

Когда наступила моя очередь высказываться, — наш мужик-избиратель, — пробовал я возражать, — темен и безграмотен. Состав представителей будет случайный. Треть населения России инородцы. Полнота прав царской власти есть залог целостности и единства империи. Поколеблется царская власть, — распадется Россия и т. д. — Из всех поддержал меня один Домершиков, хотя и несколько вяло.

Как и предвидел Великий князь, Рухлов раздавил меня своим красноречием. — Аргументы мои сущие пустяки. Пришло время совершить исторический шаг. Прямой смысл сделать это по доброй воле заблаговременно, нежели по принуждению слишком поздно. — Точку зрения его Клопов и Белов разделяли безусловно. Инородческому вопросу значения они не придавали. Главная опасность, по их мнению, в розни между правительством и обществом. Получит общество доступ к власти, рознь эта исчезнет, и тогда водворятся в России мир и благополучие.

К сожалению, спор наш не поставил Великий князь в строго определенные рамки. Прения, вследствие этого, постоянно расплывались и отклонялись в сторону. Зато в следующее заседание предложил он задачу совершенно конкретную: составить проект Высочайшего манифеста по поводу событий 9-го января. В заседании этом Рухлов не принимал участия.

С первых слов, как относительно революционного выступления 9-го января, так и вообще, понимания положения, выяснилось коренное между нами различие во взглядах.

— День 9-го января, — доказывал я, и Домершиков со мною соглашался, несомненно успех правительства и посрамление революции. Священник, который вел толпу, оказался переодетым студентом. Воочию мог убедиться народ, как нагло и бессовестно его обманывали. Интеллигенты, наводнившие Публичную библиотеку в надежде примазаться к революции и пожать, где не сеяли, сидят по углам в страхе наказания, как провинившиеся школьники. Но, что самое важное, войска не поколебались ни минуты, исполнили свой долг и стреляли. В сознании одержанной победы, правительство имеет право говорить уверенно и смело.

В освещении, которое придавали ему Клопов и Белов, событие 9-го января носило совершенно другой характер.

— Никакой революции не было, — утверждали они, — а была мирная манифестация. Против царя ничего дурного народ не затевал, а хотел его видеть, поговорить с ним и объясниться. Выйди царь к толпе и повели ей разойтись, она повинувалась бы беспрекословно.

— По-вашему выходит, — кольнул я моих оппонентов, — в кровопролитии виноват Государь император. Не показался народу. — Недобросовестность, с какою извращали они факты, меня возмушала.

— Народ царя любит, народ царю верит. Вид его и голос произвели бы на толпу магическое действие.

— Войскам, исполнившим свой долг и стрелявшим, необходимо выразить одобрение. В следующий раз, неровен час, стрелять они не станут.

— Царю не нужно народной крови, — и Клопов пустился восхвалять великодушие Государя по отношению к виновникам

происшествия на водосвятии, когда орудие, салютовавшее с Петропавловской крепости, оказалось заряженным.

— Милосердие высокое качество, — не выдержал Домерщиков, — в нем сказался прокурор, — но когда имеется основание. Иначе переходит оно в попустительство. Не думаю, чтобы городовой, в которого попало картечью, восторгался им в данном случае.

Видя, что мы спорим, а манифест не подвигается, — Господа, — вмешался Великий князь, — сегодня, все равно, вы не кончите. Соберитесь завтра у Владимира Андреевича и составьте два проекта на выбор, — один Клопова и Белова, а другой Домерщикова и Карцова.

— Милости просим. Приходите в два часа. Мы позавтракаем, а потом вы приметесь за работу, — любезно пригласил нас Шателен.

Ночь провел я тревожно, ворочался в постели и не засыпал. Выражения и обороты манифеста вертелись и роились у меня в голове. Проснувшись довольно поздно, поспешно набросал черновик и поехал к Шателену. С Домерщиковым вместе пересмотрели мы его и переделали, обдумывая и взвешивая каждое слово.

Манифеста этого я не сохранил и текста его в точности не помню. Начинался он с указания на кошунственный обман Гапона и его единомышленников, переодевших студента священником* и, таким образом, демонстрации чисто революционной придавших вид религиозной процессии. Ввиду отказа толпы разойтись, войска исполнили свой долг и стреляли. Была пролита кровь. Ответственность за неё падает не на правительство, а на супостатов, обманувших народ. В заключение обращался царь с призывом к народу — вознести Всевышнему Богу искупительную молитву, а затем вернуться к мирным занятиям и не мешать ему приступить к преобразованиям, которых Россия ждет и в которых она так нуждается.

---

*Здесь Ю. С. Карцов ошибается. Георгий Гапон был настоящим священником. Он был и руководителем легального "Общества взаимопомощи фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга". Это общество было создано при содействии администрации. РЕД.

Осуждения революционного акта 9-го января манифест Клопова и Белова не выражал, и вопроса, на кого возлагать ответственность за пролитую кровь — правительство или революцию, — он не касался. Состоял он преимущественно в обещаниях преобразований, а под ними разумелось, — нетрудно было понять, — дарование конституции.

В гостиной Шателена лежали на столах сочинения, и всё, — меня поразило, — по истории французской эмиграции. — Собираетесь эмигрировать? — спросил я его. — Предки мои были эмигранты, — разъяснил он. — Вполне естественно, что я интересуюсь их историею. — А находите вы, Владимир Андреевич, — донимал я его нескромными вопросами, — есть сходство между нашими Великими князьями и братьями короля Людовика XVI? — Шателен улыбнулся, но ничего не ответил. — Видно дело *их* плохо, — вдруг разошелся Клопов, — когда собирают они народ с бору да с сосенки и спрашивают совета. — Замечание Клопова, для нас и для него самого хотя и нелестное, по существу было справедливо.

Труды наши были напрасны. Одобрения проекты наши не удостоились. Вместо манифеста обнародовано было воззвание Святейшего Правительствующего Синода. Между тем, в демонстрации принимали участие не одни православно верующие, а также иноверцы и свободомыслящие интеллигенты, не признающие авторитета церкви. Какое же действие могли возыметь на них увещания Синода?

В результате, по отношению к разыгравшейся на Дворцовой площади кровавой драме, занять определенное положение и выразить свое мнение, правительство уклонилось.

Пребывание в Петербурге сознавая бесполезным, уехал я в деревню, а в октябре месяце произошли события, вынудившие Великого князя покинуть свой пост. Отношения мои с ним прервались и ограничивались тем, что я посылал ему свои сочинения на прочтение, а он благодарил меня милостивыми телеграммами. Сведения получал я о нем редкие и отрывочные, главным образом, через Беклемишева.

Любимый зять императрицы Марии Федоровны, Великий князь Александр Михайлович, оставался им до конца. Положение его вполне зависело от того, какое из борющихся влияний

брало верх — императрицы Марии Федоровны или Александры Федоровны. Как ни старался он войти к царю в доверие, Николай II из его рук ускользал, словно угорь. — Ника хитрый, — сетовал Великий князь на Государя.

Его назначили командиром эскадры, крейсировавшей у берегов Финляндии с целью препятствовать водворению в пределы России контрабанды, — ввозу оружия, революционных изданий и прокламаций. — Но, как только явилась необходимость открыть огонь по взбунтовавшейся Свеаборгской крепости, он бросил эскадру и, — преднамеренность или случайность, — очутился в Петербурге у постели больного сына. Враждебная ему партия при Дворе поступок этот истолковала нежеланием его пролитием народной крови испортить себе будущность и вызвать возмездие.

Расставшись с Петербургом, поселился он в Биаррице, в вилле "Vague", расположенной на утесе, омываемом бушующим морем — *Votre grand duc*, — из Биаррица писала мне одна знакомая, — *joue au golf et fait les délices des américains*. — Распространился слух — он разводится с женою и женится на американке. Быть может, он сам пустил этот слух с целью угрозою семейного скандала заставить себя вернуться ко Двору. Опалу с него сняли и сделали его Генерал-Адъютантом.

Николая II оплели софизмами: если бы в пользу монархии произошла реакция, он должен держать себя в стороне и решение вопроса о форме правления предоставить самому обществу. Главное — не раздражать общественного мнения, а для этого избегать монархистов, слишком усердствующих и могущих его скомпрометировать.

Власть, которая усомнилась, власть, которая себя не исповедует, власть, которая, не полагаясь на свои силы, смотрит, на кого бы ей опереться, духовно парализована и носит в себе семена гибели.

Падение династии Романовых принято вообще считать последствием отказа Николая II признать начало ответственности министров и удалить Распутина. Но в описываемый период в 1905 году фатальная фигура Распутина еще не показывалась на горизонте. Разложение власти, тем не менее, было в полном ходу. Она утратила сознание достоинства, унижаясь

перед противниками, задабривала их, крошилась, таяла и убывала, пока не вспыхнула война с Германиею, которая опять-таки была объявлена не по личному убеждению Государя императора, а в угоду общественному мнению.

И вдруг совершилась перемена декораций: в царские хоромы мутною волною хлынула улица, царь и его близкие обратились в узников и страстотерпцев. И, в перспективе, в мерцании горестного утра, открылся перед ними путь на Голгофу.

Ю. Карцов

ЧЕЛОВЕК, ОТРЕКШИЙСЯ ОТ ТРОНА

Эту запись рассказов графини Людмилы Николаевны Воронцовой-Дашковой о вел. кн. Михаиле Александровиче я сделал в конце 1936 года в Париже. Я приходил к Л. Н. в отель "Наполеон" (Авеню Фридланд), где она жила. Подавался чай и начинались рассказы, которые я записывал скорописью. Дважды для уточнений рассказанного Л. Н. приглашала на эти "чаи" генерала кн. Бекович-Черкасского, быв. командира Татарского полка Дикой дивизии и быв. командира Дагестанского полка генерала кн. Амилахвари той же дивизии, которой во время войны командовал вел. кн. Михаил Александрович. Оба князя оставили у меня самое приятное впечатление. Не помню, чем занимался эмигрант Бекович-Черкасский, но Амилахвари зарабатывал на жизнь, как парижский таксист. В своей записи я старался точно передать не только факты, но и тон рассказов Л. Н. Текст моей записи был напечатан в июне 1937 года в газете "Сегодня" (Рига), но с редакционными сокращениями. Так как эта газета теперь вряд ли кому-нибудь доступна, считаю правильным опубликовать мою запись в "Новом Журнале", как ценный документ. Л. Н. Воронцова-Дашкова скончалась в Лондоне во время второй мировой войны. Роман Гуль.

Роман великого князя

В 1912 году брак великого князя Михаила Александровича, брата Николая II и бывшего наследника престола, наделал в России не меньше шума, чем брак герцога Виндзорского в наши дни в Англии.

Браку великого князя предшествовал длительный роман. Младший сын Александра III великий князь Михаил Александрович в 1908 году командовал эскадром кирасирского её величества полка, шефом которого состояла мать великого князя, вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Полк стоял в Гатчине, под Петербургом. Там на одном из

полковых праздников великому князю в числе других жен офицеров была представлена Наталья Сергеевна Вульферт.

Это, казалось бы, мимолетное знакомство перешло быстро в длительный роман, закончившийся браком и отречением великого князя от всех присущих ему по положению прав.

Наталья Сергеевна Вульферт была женщиной красивой и образованной; происходила она из очень интеллигентной семьи. Её отец, С. Шереметевский, был известным адвокатом. Первым браком Наталья Сергеевна вышла за музыканта С. Мамонтова, вторым за кирасирского офицера Вульфerta. В третьем браке с великим князем Наталья Сергеевна получила фамилию Брасовой.

Брака великого князя и Н. С. Вульферт не желали ни император Николай II, ни мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Когда император узнал о намерении великого князя все-таки жениться на Н. С. Вульферт, он вызвал великого князя во дворец и отдал краткий приказ:

— Черниговские гусары!

Великий князь назначался командиром Черниговского гусарского полка, стоявшего в Орле, куда он должен был немедленно отправиться.

Гатчина, кирасиры, Н. С. Вульферт, все было покинуто. Но мягкий по своему характеру великий князь в данном случае проявил непреклонную волю, решив жениться на любимой женщине, даже несмотря на противодействие императора.

Великий князь уехал в Орел. Но роман продолжался. По настоянию великого князя ротмистр Вульферт согласился на развод с женой. И в 1912 году великий князь и Наталья Сергеевна покинули Россию, уехав за границу, в Вену, где великий князь в строгой тайне предполагал совершить обряд венчания.

Но даже в Вене при заключении брака великий князь вынужден был действовать с крайней осторожностью. Он нашел в Вене не русского, а сербского православного священника, дабы заключенный им брак не подлежал расторжению со стороны святейшего синода.

Так, в 1912 году в Вене в православной церкви великий князь Михаил Александрович обвенчался с Натальей Сергеевной Вульферт.

В опале в Лондоне

Как только император узнал о заключении брака, в ответ последовал указ, в котором, как мера репрессии, над всем имуществом великого князя устанавливалась опека, в составе трех назначенных государем лиц, а великому князю запрещался въезд в Россию.

Великий князь, как частное лицо, остался жить за границей. Из Австрии в 1913 году он вместе с женой и родившимся сыном Георгием, переехал в Англию в замок Небворт, недалеко от Лондона.

Здесь под Лондоном и проводил свои дни опальный великий князь, лишенный возможности вернуться в Россию. Для великого князя такая вынужденная разлука с родиной была нелегка. И в особенности она стала тяготить его, когда в 1914 году вспыхнула война и когда долг военного звал его вступить в ряды армии. Но великому князю, не подчинившемуся воле императора, возвратиться в Россию было нелегко.

1914 год я проводила во Франции, в Нише. Но незадолго до объявления войны я выехала в Россию, и здесь в нашем крымском имении "Форос" получила от моего мужа (тогда еще жениха) графа И. И. Воронцова-Дашкова телеграмму, вызывавшую меня в Петербург.

Я быстро собралась и двинулась в путь.

Мой муж граф И. И. Воронцов-Дашков был ближайшим к великому князю Михаилу Александровичу человеком. Семья графов Воронцовых по древности своего рода и по положению при дворе была одной из самых близких к династии. Великий князь и граф Воронцов вместе росли, их связывала дружба детских лет. И в Петербурге из разговоров с мужем я узнала, что великий князь в замке Небворт в эти дни чрезвычайно тяжело переживает свою оторванность от родины.

Об этих чувствах граф Воронцов был осведомлен из писем и, как истинный друг, мой муж взялся хлопотать о разрешении великому князю вернуться на родину.

Просьба к императору, а также к вдовствующей императрице была обращена от имени отца моего мужа, заместника Кавказа, генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, с чьим мнением считались государь и двор.

С письмом старого графа Воронцова мой муж был принят императором и вдовствующей императрицей. И в это же время государь получил от великого князя телеграмму, в которой тот просил о разрешении вернуться на родину. Великому князю было дано разрешение вернуться.

Возвращение в Петербург

В конце августа 1914 года великий князь приехал в Петербург, где временно остановился в "Европейской гостинице". Но от мужа я узнала, что всё-таки "лёд" между великим князем и государем (а главное, между ним и государыней) еще не разбит.

На приёме у государя великий князь, раньше командовавший Кавалергардским полком, просил дать ему в командование какой-нибудь полк в действующей армии, но государь приказал оставаться в Петербурге, то есть быть фактически в бездействии.

Великого князя, никогда не любившего придворной жизни и её этикета и мечтавшего поскорее вырваться на фронт, такое положение чрезвычайно тяготило.

Муж рассказывал, что когда ему приходилось провожать великого князя во дворец на официальные приёмы, тот часто говорил своему шоферу: — "Тише... езжай тише..." — Великий князь всегда старался приехать во дворец уже к моменту приёма, дабы сделать своё пребывание там возможно более коротким.

Чтобы спасти его от вынужденного бездействия придворной жизни на помощь ему во второй раз пришел старый граф И. И. Воронцов-Дашков, очень любивший великого князя.

Незадолго до этого у наместника Кавказа генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова возникла идея сформировать из всех кавказских народностей кавалерийскую дивизию. И теперь граф телеграфно обратился к государю с просьбой о назначении великого князя начальником этой дивизии.

На такую телеграмму отказа быть не могло. И великий князь стал начальником "Дикой дивизии".

Моё знакомство с великим князем

В сентябре 1914 года формирование Дикой дивизии закан-

живалось в маленьком городке Винница на Украине. Здесь я и познакомилась с великим князем Михаилом Александровичем.

Я приехала в Винницу провожать своего мужа перед выступлением на фронт. Никогда не бывав в этом городке, я ехала, окруженная целым штатом прислуги, не подозревая, что в этом местечке, занятом сплошь войсками, мне негде будет не то что разместить мою прислугу, но даже разложить привезенные вещи.

На вокзале меня встретил муж, сказавший, что великий князь уже несколько раз спрашивал, приехала ли я, и очень хочет со мной познакомиться.

Разумеется, и мне хотелось познакомиться с Михаилом Александровичем, о котором я так много слышала, но меня, очень молодую женщину, смущало одно обстоятельство. Я была еще тогда не разведена с моим первым мужем, развод бесконечно тянулся, и это положение при знакомстве с великим князем меня, естественно, смущало, хоть граф и успокаивал меня тем, что жена великого князя была дважды разведена, что "на такие пустяки великий князь не обращает ни малейшего внимания".

В Виннице я остановилась в единственном существовавшем там небольшом отеле с громким названием "Савой". От крошечных размеров номера и от всей обстановки я была в отчаянии. И вот, когда только что приехав, я с помощью горничной кончала свой туалет, в мой номер раздался стук, а затем на пороге появился великий князь.

Никогда не забуду первого впечатления: высокий, стройный, как все офицеры Дикой дивизии затянутый в черкеску, с ласковым открытым лицом английского типа (в лице великого князя было много черт, близких английской королевской семье), с большими серыми глазами.

— Здравствуйте, Людмила Николаевна, — проговорил он, — простите, пожалуйста, что я так стремительно ворвался к вам, но я так хотел поскорее познакомиться с невестой моего лучшего друга, что, надеюсь, заслуживаю снисхождения.

Прощаясь, великий князь пригласил нас с мужем приехать к нему обедать. И в шесть вечера мы подъехали к небольшому скромному домику, где он жил со своей женой.

За простым обедом, кроме нас, были секретарь великого

князя Н. Н. Джонсон и его адъютант хан Эриванский и Н. Н. Абаканович. Михаил Александрович много рассказывал о своей жизни в Англии, которую он очень любил и в которой, по его словам, "чувствовал себя как дома". Я знала еще от мужа, что великий князь был большим англоманом и не только поклонником английского характера и быта, но и сторонником политических форм Британской империи. Эта любовь к Англии была привита ему еще в детстве англичанином — воспитателем мистером Хет.

Я не преувеличу, если скажу, что мое первое знакомство с Михаилом Александровичем положило начало большой и долгой дружбе. В течение месяца, что я пробыла в Виннице, мы виделись с великим князем ежедневно. Мы вместе обедали, вместе выезжали на прогулку, а иногда по вечерам он играл у нас с мужем, князем Вяземским и Н. Н. Джонсоном по маленькой в карты, в "тетку".

Великий князь был самым богатым из великих князей и одним из богатейших людей России. Кроме личного состояния к нему перешло и состояние покойного брата Георгия Александровича, но Михаил Александрович был человеком, не замечавшим своего богатства. Я никогда не могла удержать улыбку, видя, как в Виннице он за карточным столом по-детски радовался, если выигрывал 15 копеек и становился расстроенным, если проигрывал такую же "сумму".

Подальше от придворной жизни

В характере великого князя было много прирожденного умения очаровывать людей. Но в отличие от некоторых других членов династии, в Михаиле Александровиче прежде всего резко бросались в глаза его простота и какая-то особая скромность, переходившая даже в застенчивость.

Всего, что было связано с пышностью, парадностью, этикетом великий князь избегал. Всему, что было связано с проявлением каких-нибудь бурных чувств, он был чужд, был ровен, спокоен, уравновешен. И в полной гармонии с такой уравновешенностью были вкусы великого князя. Михаил Александрович любил искусство, музыку, спорт, животных, цветы.

Великий князь Михаил Александрович был блестящим наездником. В понимании коня великому князю мало было равных. В Гатчине великий князь не раз скакал на скачках. Но самым большим удовольствием его высочества было оседлать своего кабардинца и совершенно одному скакать по полям и лесам.

Кроме конского спорта великий князь любил автомобиль, которым прекрасно правил; любил гимнастику на приборах; и очень любил физический труд, в особенности пилить дрова, чем и занимался часто вместе со своим адъютантом князем В. А. Вяземским.

Любя музыку, великий князь сам немного сочинял. Особенно любил он народную восточную музыку. И в Виннице при нём был знаменитый зурнач Зубиев, который подолгу играл ему кавказские заунывные напевы.

Однажды на фронте в Австрии, в Тулстуместе, когда Дикая дивизия стояла в резерве в лесу, всадники-кабардинцы пели свои национальные песни. Присутствовавший тут же, сам кабардинец, помощник командира Татарского полка князь Бекович-Черкасский, приказал пение прекратить. Но великий князь удивленно обратился к нему:

— Почему вы прекратили пение, князь?

— Мне кажется, что для европейского уха оно просто ужасно.

— Нет, нет, — запротестовал Михаил Александрович, — напротив, это прекрасные напевы, я в них чувствую что-то древнее, похожее на индусское, пусть поют...

И он не только продолжал слушать, но даже попросил князя Бековича перевести ему слова песен, чтобы записать их.

— Я могу перевести, — ответил князь, — но это песни про национального кабардинского героя князя Кучук-Аджигирева, сражавшегося в 1830 году против русских.

Михаил Александрович засмеялся и настоял на переводе песен.

Почему великого князя не хотели награждать орденом св. Георгия

В октябре 1914 года, повенчавшись с графом Воронцовым, я

поселилась в Петербурге на Английской набережной. Но из Петербурга я часто ездила в прифронтовую полосу к мужу, командующему Кабардинским полком Дикой дивизии, и я всегда, конечно, в эти приезды встречалась с Михаилом Александровичем. От мужа, от князя Бековича-Черкасского, князя В. А. Вяземского, Н. Н. Джонсона и командира Дагестанского полка князя Амилахвари я узнала многое из жизни на фронте.

Всему ближайшему окружению, начальнику штаба генералу Я. Д. Озезовичу и командирам полков было много хлопот с вел. князем, желавшим быть возможно ближе к линии огня. Удерживать его было нелегко. Таков был характер Михаила Александровича. Вместе со скромностью он был чрезвычайно самолюбив и одна мысль, что, пользуясь своим положением, он может держаться в тылу, заставляла его делать всё обратное.

В начале 1915 года, когда корпус генерала Баяровича двигался к Перемышлю, на долю отряда великого князя выпала серьезная задача: задержать наступавшую немецкую кирасирскую дивизию. Задача была выполнена образцово и Михаил Александрович лично был под огнём.

По статуту ордена св. Георгия член императорской фамилии, бывший под огнем, получал Георгиевский крест, и командир корпуса хан Нахичеванский представил его к этой награде. Но представление показало, что при дворе осталось чувство нерасположения к великому князю, доставившему много хлопот своим морганатическим браком. Николай II-й оставил без движения представление к ордену. Говорят, это было сделано под влиянием императрицы.

Но война шла. За дела на Сане великий князь был вторично представлен к той же награде. Но и это представление не получило движения.

Тогда, после нового дела, по которому Михаил Александрович заслуживал награждения Георгиевским крестом, генерал Брусилов, командующий 8-й армией, взял на себя провести награждение через Георгиевскую думу своей армии. Дума признала великого князя достойным и постановление её пошло на высочайшее утверждение. В этом случае отказа быть не могло и Михаил Александрович получил, наконец, Георгиевский крест.

привезенный флигель-адъютантом полковником Дерфельденом.

Священник возглашает многолетие императору Францу-Иосифу

Желание "быть в тени" было характерно для Михаила Александровича. Мне запомнились многие случаи, иллюстрирующие это.

Самым большим удовольствием для Михаила Александровича было снять с себя погоны и, накинув простой полушубок, идти со своим адъютантом князем В. А. Вяземским в солдатский кинематограф. Как рассказывал князь, там в толпе никем не узнанный, он чувствовал себя великолепно.

— "Вот в таком состоянии, князь, я совершенно счастлив", говорил Михаил Александрович.

А когда во время войны великому князю в местечке Язловец надо было посетить женский монастырь, в замке князей Понятовских, где воспитывались аристократические молодые девушки, он, зная, что на него будет обращено большое внимание, попросил своего начальника штаба сообщить, что вместо великого князя приедет начальник штаба. Сам же он в этом посещении взял на себя роль адъютанта. И на приёме великий князь радовался, когда все обращались к генералу Я. Д. Озефовичу и никто не обращал внимания на адъютанта, под видом которого скрылся Михаил Александрович.

Это желание "быть незаметным" соединялось в нём с конфузливостью. Князь Вяземский рассказывал смешной случай, происшедший с Михаилом Александровичем и моим мужем.

Из Петербурга я посылала мужу посылки на фронт, но из-за переходов дивизии они задерживались и однажды в местечке Копыченцы в Галиции муж получил сразу множество посылок. Над таким изобилием плодов земных смеялись окружившие мужа друзья. Муж же мой, большой шутник, тут же на воздухе, словно торговец, разложил все продукты и стоя за импровизированным прилавком в одном бецимете, был сильно похож на "духанщика".

Михаил Александрович и приближенные стояли здесь же,

все без черкесок, без погон, в одних бешикетах. Как раз в этот момент мимо проходила воинская часть, от неё отделился военный врач и, приняв "прилавок" моего мужа за полковую лавочку, а Михаила Александровича за приказчика, начал, обращаясь к великому князю на "ты", необычайно хвалить его за расторопность, за организацию такого прекрасного прилавка.

— Вот это ты молодец! — кричал доктор, хлопая по плечу Михаила Александровича. — Две недели мечтаю выпить чаю с лимоном! Нигде нет, а у тебя, братец, все есть!

Порывистостью военного врача Михаил Александрович был так смущен, что ничего не мог выговорить... Улыбаясь, указывая на мужа, он только говорил: — "Да нет, это он не продает... это он для себя..."

Но доктор не унимался, пока князь Вяземский не щепнул ему, кто перед ним. Доктор оторопел, но Михаил Александрович уверил доктора, что ровно ничего не произошло и в виде подарка завернул ему с "лотка" моего мужа пакет с фруктами.

Вспоминаю еще эпизод, рассказанный мне князем Бековичем-Черкасским.

В декабре 1914 года Дикая дивизия шла по Галиции и подходила уже к Карпатам. Из штаба дивизии по телефону передали во все полки, что 6-го декабря приказано устроить парад и отслужить молебен по случаю именин Николая II. Во всех полках шли приготовления к службе и параду. В расположении Татарского полка нашелся русинский священник, взявшийся отслужить службу.

Во время службы мусульмане Дикой дивизии собрались во дворе церкви, куда съехались муллы, а в церкви собрались христиане, организовав из офицеров и солдат импровизированный хор. Всё шло гладко, но когда хор пропел многолетие, управлявшему хором офицеру Вырубову показалось что-то странное в возгласах русинского священника. Офицер вслушался — и подумайте! — О, ужас! Русинский священник возглашает многолетие не императору Николаю II, а императору австрийскому Францу-Иосифу!

Произошло замешательство. Священника арестовали. Он оправдывался, что как подданный австрийского императора, сделал это по-привычке. Через командира полка дело дошло до Ми-

хаила Александровича, но тот только рассмеялся, приказав забыть этот инцидент и отпустить испуганного священника.

**Полковник Якимиди,
по прозвищу "душка"**

В кругу близких Михаил Александрович часто любил подшутить.

Однажды в комнате одного своего нервного адъютанта Михаил Александрович привязал все вещи веревками и привел ночью в испуг адъютанта, когда в его комнате вещи задвигались "сами собой".

Помню, как подшутил он еще над приближенным к нему офицером бароном Врангелем. За столом великого князя подавалось вино и водка, но сам он ничего не пил. И как-то шутя предложил со всех пьющих брать штраф в пользу раненых и завел для этого кружку.

Барон Врангель любил выпить, но был скуп и, дабы не платить штрафа, под разными предлогами стал во время обеда выходить из-за стола в свою комнату и там, выпив изрядно, возвращаться к столу. Однажды Михаил Александрович застал Врангеля на "месте преступления" и... барон должен был опустить в кружку великого князя целых 50 рублей!

Но вскоре эти шуточные "штрафы" были упразднены. Чтобы никого не стеснять, великий князь приказал подавать всем вино, а для себя вместо красного вина клюквенный морс и вместо белого — жиденький чай.

Однажды пехотный офицер, приехавший в дивизию и приглашенный к завтраку, сказал оказавшемуся его соседом моему мужу: — "Смотрите, говорят, великий князь не пьет! Да он уже два стакана хлопнул!" — "А не хотите ли попробовать вина из великокняжеской бутылки?" — спросил муж. — "Отчего же, с удовольствием, если это удобно", — проговорил офицер, и муж обратился к Михаилу Александровичу за разрешением. Тот, улыбаясь, разрешил. Смутившемуся гостю пришлось выпить большой бокал кислого клюквенного морса.

Раз к завтраку был приглашен офицер Дикой дивизии полковник Якимиди, известный под прозвищем "душка", ибо

всех встречных и поперечных Якимиди называл "душка", и при том был большой любитель Бахуса.

При поездке товарищи предупреждали Якимиди, чтобы он не забывал и не вздумал назвать "душкой" Михаила Александровича. Якимиди уверял, что всё будет хорошо. Но Якимиди вскоре совершенно позабыл, с кем имеет дело, и после завтрака великий князь, смеясь, рассказывал, что Якимиди назвал его "душкой" три раза.

Перед революцией

В 1915 году я встречала Михаила Александровича в Петербурге, когда тот приезжал с фронта в Гатчину. В эти приезды он часто заезжал за нами в своём открытом паккаре и мы вместе уезжали на охоту под Гатчину. Там мы останавливались в охотничьих царских домиках: муж мой, большой специалист в кулинаруии, готовил сам замысловатые блюда, и время чередовалось между охотой и беззабтным весельем.

Возвращаясь с охоты в Гатчину, Михаил Александрович любил показывать нам мрачный Гатчинский дворец, где протекли его детские годы.

Однажды, показывая гимнастические комнаты дворца, он сбросил с себя черкеску и, оставшись в одном бешмете, стал на турнике и параллельных брусьях делать самые отчаянные упражнения, взвиваясь, как птица.

В начале 1916 года Михаил Александрович покинул Дикую дивизию, будучи назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса, а незадолго перед революцией переехал в Гатчину, получив назначение генерал-инспектора кавалерии.

В связи с этим назначением предполагалось, что Михаил Александрович встанет во главе особого крупного конного отряда, предназначенного для самостоятельных действий на фронте. Но этому не суждено было осуществиться. Разразилась революция.

Заговор против Александры Федоровны

К концу 1916 года, когда Михаил Александрович жил уже в

Гатчине, атмосфера при "большом" дворе, в связи с неудачами на фронте, начинавшимися волнениями в Петербурге, а главное в связи с делом Распутина, становилась всё нервнее.

Я не ошибусь, если скажу, что подавляющее большинство придворных считало императрицу виновницей всех несчастий. Мне пришлось близко знать многое, чего не знали широкие круги, и я должна сказать, что императрица под влиянием постоянного страха за жизнь наследника Алексея в это время была тяжело больным, впавшим в мистицизм, человеком. Но обладая от природы сильной волей, императрица все-же подчиняла своему влиянию государя. И многими великими князьями и людьми, близкими ко двору, это влияние считалось пагубным.

Попытки отдельных лиц (Балашов, Орлов) повлиять на государя, дабы парализовать влияние императрицы, успеха не имели. И в придворных кругах против императрицы началась закулисная борьба, подчас переходившая в заговоры. К этим конспирациям имели отношение многие из великих князей. И только Михаил Александрович оставался вне этой борьбы.

Это не значит, что он был индифферентен к тому, что волновало тогда людей, близких к престолу. Но в Михаиле Александровиче отсутствовало желание борьбы. Он по-прежнему хотел оставаться "в тени" и не принимал активного участия в политической жизни страны.

Вспоминаю характерный разговор с Михаилом Александровичем на тему об одном придворном заговоре, о котором мне пришлось узнать совершенно случайно.

Это было в конце ноября 1916 года. Меня вызвал по телефону мой близкий родственник, прося приехать к нему по важному делу. Я приехала и в его кабинете застала эффектную даму г-жу Т., носившую громкую фамилию мужа, но не принятую в петербургском свете из-за своего образа жизни и из-за своего происхождения. Тем не менее (я это знала), г-жа Т. имела знакомства среди великих князей и с некоторыми из них была хороша. Мой родственник рассказал, что зная мою дружбу с Михаилом Александровичем, он вызвал меня, дабы я сама услышала из уст г-жи Т. рассказ о предполагаемом заговоре, связанном как-будто косвенно и с именем Михаила Александровича, и из этого рассказа, как друг великого князя, сделала бы любое

употребление.

Г-жа Т. рассказала следующее. Недавно она виделась с князем Игорем Константиновичем, который рассказал г-же Т., что он узнал, что в особняке на Мытнинской набережной происходят по четвергам весьма конспиративные собрания и что слухи об этих собраниях уже дошли до Николая II и тот поручил Игорю Константиновичу достать список всех участвующих там лиц.

Не находя иного пути, Игорь Константинович предложил г-же Т., с которой был хорош, не узнает ли она, кто собирается на Мытнинской. При этом Игорь Константинович сказал, что государь этого еще не знает, но он-то, Игорь Константинович, знает, что там ведется заговор против императрицы, в котором участвуют многие великие князья, и собирающиеся там хотят обратиться к царю с петицией об устранении императрицы от влияния на государственные дела и даже о заточении её в монастырь, а в случае отказа государя на собраниях дебатировался вопрос о попытке переворота с отстранением государя, причем некоторые высказываются за Михаила Александровича.

Я ответила, что ничего подобного от великого князя ни я, ни мой муж не слышали и, зная характер великого князя, я уверена, что он никогда на это не пойдет.

На этом мы расстались.

Тем не менее от своего родственника я узнала, что на следующий день ранним утром г-жа Т. поехала прямо к великому князю Сергею Михайловичу, прося его о приёме. Великий князь в приёме отказал. Но г-жа Т. так настаивала, что ей нужно видеть великого князя по делу чрезвычайной важности, что тот, наконец, принял её.

Г-жа Т., сделав условный знак заговорщиков и тем войдя в доверие великого князя, сказала, что получены сведения, что все собирающиеся на Мытнинской будут на ближайшем собрании переписаны и единственное средство избежать этого, это сейчас же предупредить всех по телефону, но чтобы великий князь не делал этого из своей квартиры, ибо за его аппаратом следят. Поверивший г-же Т., великий князь дал телефонные номера, по которым нужно было позвонить, написав их собственноручно. И с этим списком г-жа Т. прямо из квартиры Сергея Михайловича

поехала к Игорю Константиновичу, а последний со списком выехал в ставку к государю.

Вскоре после этого мне пришлось читать письмо Игоря Константиновича к одному из своих друзей, в котором тот писал, как он в ставке встретился с вызванным туда Сергеем Михайловичем, который "белый от злости" подошел к Игорю Константиновичу, сказав: — "Как ты смел передать государю какой-то список?" — "А зачем же вы, дядя, его писали?" — спросил Игорь Константинович.

На одном из обедов у нас я рассказала Михаилу Александровичу о всей этой истории с г-жой Т., спросив его, не знал ли он об этом?

— Не только не знал, но и совершенно всему этому не сочувствовал бы, — ответил князь.

— То есть, чему бы вы не сочувствовали? — желая уточнить ответ, переспросила я.

И, улыбнувшись, он прибавил: — Переходу короны ко мне, графиня. Вы ведь знаете, до чего меня никогда не соблазнял трон...

Через некоторое время я узнала, что результатом сборищ на Мытнинской набережной явилось то, что многим из великих князей и высокопоставленных лиц было велено покинуть Петербург.

Убийство Распутина

Как-то после моей встречи с г-жой Т. у нас обедал великий князь Дмитрий Павлович. Будучи еще под впечатлением рассказа о заговорщиках с Мытнинской и думая, что уж если многие великие князья бывали там, то Дмитрий-то Павлович там должен был быть, я, шутя, предложила великому князю погладить по руке.

Взяв руку Дмитрия Павловича, я начала "гадать", но вскоре, сделав испуганное лицо, сказала: "Ваше высочество, я вижу у вас на руке — кровь..."

Каково же было моё изумление, когда Дмитрий Павлович изменился в лице и отдернул руку, а вскоре, внезапно вызванный своим адъютантом Шагубатовым, извинившись, куда-то

ухал. Моё "гадание" оказалось пророческим: в тот же вечер произошло убийство Распутина.

Это убийство можно было предвидеть и, тем не менее, оно потрясло многих, как удар грома. В свете говорили только о нем. В момент убийства Михаил Александрович находился в Гатчине.

Мы с мужем тут же приехали туда.

Когда мы вошли в домик на Николаевской улице № 24, большинство гостей были в столовой, мы же с мужем, великим князем и Н. Н. Джонсоном прошли в гостиную.

Помню, как сейчас, наш короткий разговор и всю обстановку, в которой он произошел. Н. Н. Джонсон сидел у рояля, что-то наигрывая. Великий князь показался мне крайне взволнованным. Здраваясь со мной, он проговорил:

Ах, графинюшка, как жаль, что не я убил эту гадину...

Ваше высочество, но разве всё зло в нём? — сказала я.

А в ком же? — проговорил великий князь.

Вы не знаете? Распутинщина слишком глубоко пустила корни...

— Не будем об этом говорить, графиня, — изменившись в лице, проговорил Михаил Александрович.

Через несколько недель вспыхнула революция.

Мы узнаём о революции на охоте

Мой муж был страстным охотником, за свою жизнь убившим больше 50 медведей, на которых иногда ходил и с рогатиной. О революции мы узнали 27-го февраля 1917 года во время охоты в нашем имении "Шапки" под Петербургом.

По иронии судьбы, наша последняя охота в "Шапках" была на редкость удачной. К нам съехались князь Лопухин-Демидов, кн. Эриванский, лейб-гусар Смицкой, граф Павел Шувалов, князь Гагарин и мн. др. Все были в самом хорошем расположении духа, в особенности муж, убивший трёх рысей.

Был прекрасный зимний день. По окончании охоты вдруг к моему мужу подскакал один из наших слуг и сказал, что в Петербурге стрельба, министры арестованы и солдаты переходят на сторону восставших.

Несмотря на то, что все мы, близкие ко двору, весь 1916 г. жили в напряженной атмосфере всевозможных слухов о заговорах и конспирациях, однако, никому из нас в голову не приходила мысль, что революция так близка к нам!

От нашего имени "Шапки" в Петербург на протяжении 20 верст шла наша собственная железнодорожная ветка. Через полчаса мы были уже в поезде. Когда мы остались с мужем в купе вдвоём, меня охватило предчувствие чего-то непоправимого. Когда поезд подошел к Николаевскому вокзалу, всё было полно солдатами в красных бантах.

Нашего шофера у вокзала мы не нашли. Кое-как на извозчике добрались мы до нашего особняка на Английской набережной. Везде слышалась стрельба. Неслись переполненные людьми грузовики.

**Я пытаюсь узнать,
где Михаил Александрович**

Два дня, 28 февраля и 1 марта, прошли в лихорадке.

С первого же момента беспорядков беспокоились за судьбу Михаила Александровича. А когда узнали об отречении государя в его пользу, наше беспокойство перешло все границы. Ведь мы даже не знали, где он сейчас находится.

Телефоны бездействовали. В город было выйти нельзя. Но мне во что бы то ни стало хотелось узнать хоть что-нибудь о великом князе, который в этот момент становился как будто императором.

У меня был преданный шофер. Я просила его во что бы то ни стало поехать к знакомым, дабы узнать: где Михаил Александрович?

2-го марта 1917 года рано утром запыхавшийся шофер вбежал ко мне, рассказав, что Михаил Александрович здесь, в Петербурге, и находится сейчас у князя Путятина на Миллионной. Я и муж решили сейчас же ехать туда. Я хотела, чтобы ближайший к Михаилу Александровичу человек, мой муж, в этот ответственный момент был подле него. Я знала хорошо характер великого князя, знала его скромность, но в этом характере я знала и большое самолюбие.

Через двадцать минут во дворе нашего особняка стояла машина. Я второпях кончала свой туалет, как вдруг в перелней послышалась возня, звон разбитых стекол и прямо к моему будуару раздался шум шагов.

Дверь в будуар распахнулась. В этот момент я стояла перед зеркалом с распущенными волосами, одна из горничных заплетала мне волосы, другая застегивала платье. Я только успела повернуться — на пороге были два матроса.

Машина уже ждала, чтобы ехать к князю Путятину. Понимая, что тут нельзя показать испуг, я закричала:

— Что вам здесь надо?! Вы врываетесь в дом! В спальню! Что это такое?!

Увидев перед собой совсем молоденькую безоружную женщину, матросы смутились.

— У вас в доме скрылся городской, — проговорил первый из них.

— Что?! Городской?! — перебила я его. — До сегодняшнего дня я не принимала у себя в доме городских! И никогда бы не впустила вас, если бы вы не ворвались силой!

Свой монолог я закончила тем, что предложила искать где угодно. Но это так подействовало на матросов, что они ушли, а после их ухода наш швейцар слёзно благодарил меня за спасение своего брата, скрывшегося у нас в доме городского.

В квартире князя Путятин перед отречением великого князя от престола

Через пять минут мы уже мчались с мужем к Миллионной № 12, к князю Путятину. Мы приехали туда часов в 9 утра. Но даже в этот ранний час ехать по Петербургу было опасно. Стреляли, летали шальные пули. Нашу машину обстреляли дважды, пули пробили шины задних колес, и мы доехали уже на ободах. В этот день при таком же обстреле автомобиля был убит, ехавший с военным министром временного правительства А. И. Гучковым, племянник моего мужа князь Д. Л. Вяземский.

Мы поднялись по знакомой лестнице в квартиру князя Путятин. В парадных комнатах, выходивших на улицу, никто не сидел, ибо на улице стреляли и сидеть здесь было небезопасно.

Нас провели в столовую. В столовой стоял бледный, одетый в китель Михаил Александрович. Вид его был чрезвычайно болезнен, я уже знала, что великий князь давно страдает приступом болей язвы желудка. В этот момент у него был такой вид, словно он еле держится на ногах.

Михаил Александрович рассказал нам с мужем, что, узнав о чрезвычайно напряженном положении в Петербурге, он еще 26 февраля приехал сюда из Гатчины, ибо многие политические деятели просили великого князя предупредить государя о серьезности надвигающихся событий и переговорить об этом с ним по прямому проводу.

26-го февраля из главного штаба Михаил Александрович вызвал ставку и через начальника штаба ставки генерала Алексева просил государя подойти к проводу, дабы переговорить с государем о делах чрезвычайной важности. Но государь к проводу не подошел, несмотря на то, что великий князь дважды настаивал на этом. Оба раза государь ответил, через генерала Алексева, что не видит никакой надобности в каком-либо спешном разговоре и предложил великому князю соединиться со ставкой завтра. Но на "завтра" Петербург был уже во власти революции. А через два дня государь отрекся от престола. Для Михаила Александровича было полной неожиданностью, что Николай II отрекся от престола не в пользу своего сына Алексея, а в пользу Михаила Александровича.

27-го февраля в главном штабе великий князь оставаться уже не мог из-за стихийно развивавшихся событий. Со своим секретарем Н. Н. Джонсоном он проехал в Зимний Дворец. Будучи чрезвычайно голодным, Михаил Александрович просил коменданта дворца Ратиева дать ему что-нибудь поесть. Но в то время, как великий князь начал есть, комендант вбежал, сказав, что он должен сейчас же покинуть дворец, ибо с минуты на минуту в него могут ворваться сюда. И Михаила Александровича с Н. Н. Джонсоном через Эрмитаж дворцовая прислуга вывела на Миллионную, где Михаил Александрович и Н. Н. Джонсон нашли приют в квартире князя Путятина.

В то время, как Михаил Александрович рассказывал нам об этом, в столовую вошли Н. Н. Джонсон, управляющий делами великого князя А. С. Матвеев и украшенный красным бантом

великий князь Николай Михайлович. Мне казалось, что все окружавшие великого князя охвачены нерешительностью. В нерешительности был и сам князь, часто морщившийся, превозмогая боли в желудке.

В мыслях всех был один вопрос: — что делать Михаилу Александровичу? Отказаться от престола и тогда вся власть перейдет к государственной думе, или взять на себя бремя власти?

— Ко мне приходили члены думы, но и у них нет единодушия, — обращаясь к нам, сказал великий князь тоном человека, чувствующего всю тяжесть ответственности.

Муж спросил великого князя, когда он должен дать ответ.

— Не позже завтрашнего дня. События идут страшным темпом. Я должен решать немедленно.

Надо сказать правду, никто, даже мой муж, ближайший человек к великому князю, не нашел в себе в этот момент мужества поддержать колеблющегося Михаила Александровича. Напротив, большинство говорило о том, что события зашли слишком далеко, что "великий князь не доедет до думы", что толпа "поднимет его на штыки".

Я была очень молода и, может быть, несдержанна. Но по своему чувствуя всю трагичность момента, вразрез с общим настроением, я стала умолять Михаила Александровича, говоря, что он не имеет права в такой момент отказаться от трона.

— Ваше высочество, я женщина и не мне давать вам советы в такую минуту, но если пойдете сейчас же в думу, вы спасете положение!

Михаил Александрович проговорил:

— Нет, я думаю, графиня, если я так поступлю, польется кровь и я ничего не удержу. Все говорят, если я не откажусь от трона, начнется резня и тогда всё погибнет в анархии...

Я до сих пор уверена, что нерешительность Михаила Александровича выявилась только потому, что ни в ком из окружавших его он не видел железной решимости идти до конца. Одни молчалием подтверждали правильность его отрицательного решения, другие открыто это поддерживали. Думаю, что момент физического страдания играл тоже роль в принятии отрицательного решения. Боли по временам были настолько

сильны, что Михаилу Александровичу было трудно говорить.

Отречение

С тяжелым чувством уезжала я в этот день от князя Путятин, решив во что бы то ни стало приехать завтра утром, а за это время попытаться убедить мужа переменить своё решение и повлиять на Михаила Александровича в обратном смысле.

Я была абсолютно уверена в том, что муж, ближайший друг Михаила Александровича, мог повлиять на него в смысле положительного решения. Но мужем, как другом великого князя, владело, прежде всего, чувство беспокойства за его жизнь. Возражая мне, он говорил, что принятие престола Михаилом Александровичем означает необходимость тут же пытаться силой усмирить революцию. Но в преданность войск веры не было.

Конечно, в этом была своя правда.

К сожалению, на другой день, 3-го марта, мы только к 5-ти часам дня могли приехать к князю Путятину. Меня поразила картина внутри особняка. Из передней я видела, что в гостиной, сидя в креслах, спали штатские люди; кажется, председатель кабинета министров князь Львов и другие общественные деятели, прошедшие ночь в переговорах с Михаилом Александровичем.

Его не было. Я прошла в столовую, где возле стола стояли Н. Н. Джонсон и А. С. Матвеев.

— Всё решилось, графиня, великий князь отрекся, — сказал мне Н. Н. Джонсон, один из самых преданных ему людей, через полтора года разделивший его трагическую участь — расстрел в лесу под Пермью.

Н. Н. Джонсон рассказал, что в последние минуты перед отречением Михаил Александрович, всё ещё колебавшийся, спросил с глазу на глаз председателя государственной думы М. В. Родзянко: может ли он надеяться на петербургский гарнизон, поддержит ли он вступающего на престол императора? Родзянко ответил отрицательно и добавил, что если великий князь не отречется от престола, то, по его мнению, начнется немедленная резня офицеров петербургского гарнизона и всех членов

императорской фамилии.

После совещания с министрами временного правительства великий князь удалился в соседнюю комнату и там, оставаясь один в течение 15 минут, принял решение отречься от престола.

Принять положительное решение Михаила Александровича уговаривали только два министра временного правительства — П. Н. Милюков и А. И. Гучков, но голоса их были одиноки.

Для меня, казалось бы, уже вчера было ясно, что Михаил Александрович отречется от престола, и все-таки, когда я услышала от Н. Н. Джонсона о совершившемся факте отречения, я была во власти страшных предчувствий.

В этот момент вошел Михаил Александрович. Бессонная ночь не прошла для него даром. Он казался восковым, только на губах играла прежняя улыбка.

Стало быть, такая судьба, графиня, — тихо проговорил он.

Но я уверена, что учредительное собрание призовет вас, ваше высочество, — проговорила я, чтобы подбодрить присутствующих.

— Не думаю, — ответил Михаил Александрович, и, улыбувшись, добавил: — После отречения А. Ф. Керенский назвал меня благородным человеком и протянул мне руку не как великому князю, а как гражданину...

В этот же день Михаил Александрович, разбитый всем пережитым за эти три дня, уехал к себе в Гатчину, где его ждала жена Н. С. Брасова.

Помню наше последнее свидание с великим князем Михаилом Александровичем. Это было в Гатчине 4-го апреля 1917 года. Мы приехали туда с мужем и оставались у великого князя весь день. В это последнее свидание Михаил Александрович рассказал мне, что, оказывается, Николай II после своего отречения послал Михаилу Александровичу телеграмму, адресованную "Императору Михаилу I" и подписанную "твой верноподданный брат Николай", в которой убеждал Михаила Александровича принять корону. Но этой телеграммы Михаил Александрович так и не получил. Она не дошла до великого князя. О ней великий князь узнал от Николая II на свидании в Царском Селе, которое имело место с разрешения А. Ф. Керен-

ского, в момент, когда отрекшийся царь находился под арестом.

Я спросила Михаила Александровича, могла ли телеграмма, если бы она была получена вовремя, изменить принятое великим князем решение?

— Могла бы, — ответил он.

Говорить дальше о своем отречении от престола он не хотел.

Мы разговаривали в биллиардной комнате. На биллиарде лежало несколько фотографий Михаила Александровича. Я попросила у него одну из них. Это был большой портрет в генеральской шинели. Он написал на портрете "Михаил, 4.IV.1917. Гатчина" и передал мне. Этот портрет я храню до сих пор.

Смерть

Революционные события развивались стремительно. Уже в мае 1917 года я была вынуждена уехать из Петербурга в Крым и оттуда на Кавказ.

Вспыхнувшая гражданская война разорвала Россию на два лагеря, и на Кавказе мы с мужем оказались отрезанными от Михаила Александровича. Но мы, конечно, не думали, что отрезаны навсегда. Сведения о Михаиле Александровиче до нас доходили редко.

До нас доходили слухи, что после боёв под Гатчиной, когда красные разбили войска временного правительства, Михаил Александрович будто бы обратился с письмом к Ленину, прося оставить его в покое, дав возможность жить в стране, как обыкновенному гражданину. Ленин будто бы оставил это письмо без ответа. И, живя в Гатчине, Михаил Александрович продолжал быть под угрозой ареста, а может быть и смерти.

От своего брата я узнала о попытке офицерской организации вывезти великого князя из Гатчины. Мой брат, артиллерийский офицер, был командирован к нему с этой миссией.

Михаил Александрович принял брата, но от побега категорически отказался, сказав, что бежать никуда не хочет, а если бы бежать все-таки пришлось, то комиссар Рошаль с глазу на глаз гарантировал в нужную минуту побег.

Было ли это искреннее желание Рошалья спасти ему жизнь,

или это была ловушка — я не знаю.

Судьбе было угодно, чтобы Рошаль вскоре погиб на румынском фронте, где он, как комиссар, был расстрелян по приказу генерала Шербачева, а великий князь арестован в Гатчине и увезен в Петербург, в Смольный.

До последней минуты Н. Н. Джонсон был неразлучен с великим князем. Это была давняя дружба. Вместе с Михаилом Александровичем Н. Н. Джонсон окончил Михайловское артиллерийское училище и выйдя в офицеры всегда оставался его личным секретарем.

Когда в Гатчине арестовали Михаила Александровича, Н. Н. Джонсону заявили, что он свободен и может ехать куда угодно. Джонсон отказался от свободы, сказав, что поедет с великим князем.

— Я хочу разделить всё, что ждет Михаила Александровича и прошу меня считать арестованным.

Великого князя и Н. Н. Джонсона повезли сначала в Петербург в Смольный, где они долго оставались заключенными, а потом из Смольного повезли далеко на Урал, в Пермь, где первое время их поместили в гостиницу.

“Номера Королева”

Там, в небольшом провинциальном городе, Михаил Александрович и Н. Н. Джонсон сначала жили довольно свободно. Ежедневно от неизвестных лиц они получали передачи.

В 1920 году, когда я вместе с мужем уже покидала Россию, по пути за границу, я узнала об ужасном конце Михаила Александровича и Н. Н. Джонсона.

Мне рассказали, что отправка в Пермь произошла, будто бы, по личному приказу Ленина, и что Ленин, якобы, выслал охрану во главе с чекистом, лично перед Лениным ответственным.

Но в это время по всей России действовала “власть на местах” и в Перми осуществлял эту “власть на местах” кровавый коммунист Мясников. Этот коммунист стал добиваться расстрела Михаила Александровича во что бы то ни стало. Мясников ночью явился к Михаилу Александровичу, объявив

ему и Н. Н. Джонсону, что их сейчас увезут, потому что на город наступают белые.

Михаила Александровича и Н. Н. Джонсона под сильным конвоем повезли из Перми по направлению к близлежащему фабричному поселку Мотовилиха. Но по дороге, в лесу Мясников внезапно выстрелил, ранив Михаила Александровича. Тот уже раненый бросился на него, но силы были чересчур неравны и Михаил Александрович и Н. Н. Джонсон были расстреляны. Тела Михаила Александровича и Н. Н. Джонсона были брошены в плавильную печь на заводе в Мотовилихе.

По жестокой иронии революции теперь в Париже живут, как эмигранты, жена великого князя Михаила Александровича графиня Н. С. Брасова, в 1931 г. потерявшая разбившегося на автомобиле единственного сына Михаила Александровича Георгия; и там же в Париже живет убийца великого князя Михаила Александровича коммунист Мясников, превратившийся в "контрреволюционера".

Вспоминая трагическую судьбу Михаила Александровича, я всегда задаю себе один и тот же вопрос: почему он не воспользовался еще в Гатчине услугами людей, предлагавших ему бегство?

В Гатчине предлагали три серьезных плана бегства. Один план предлагал приближенный к нему генерал Врангель. Второй план от имени офицерской организации предлагал мой брат. В третий раз летчики предлагали бегство на аэроплане. Но все три раза Михаил Александрович отклонял бегство, говоря — "Мне не нужно и я не хочу бежать из своей страны".

Записал Роман Гуль

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ

Мы начинаем печатание воспоминаний о Вячеславе Иванове его дочери Лидии Вячеславовны. Эти воспоминания были написаны Лидией Вячеславовной по просьбе проф. Роберта Л. Джексона, председателя первого международного симпозиума, посвященного творчеству Вячеслава Иванова, в Иельском Университете, 1-4 апреля 1981 года. За предоставление этой ценной рукописи приносим благодарность Лидии Вячеславовне и проф. Р. Л. Джексону. РЕДАКЦИЯ

1. ЖЕНЕВА

“Какая ты шикарная”, — говорю я с восхищением маме*, с которой иду куда-то в Петербурге. А она: “Вот опять! Что я ни надень, всем кажется, что я нарядная!” Так оно и было, так как мама выглядела всегда пышной, роскошной и одновременно утонченной. Но главным было то, что и она, и Вячеслав казались мне не простыми людьми, а вроде богов с Олимпа — во всяком случае, не такими, как другие. У мамы было трое детей от её первого мужа; я одна была дочерью Вячеслава. Была еще сестричка Еленушка, умершая в Лондоне шести месяцев. Горюющие родители хотели усыновить сироту мальчика, родившегося в день ее смерти, но английские законы не позволили отдать его иностранцам — “вырастет и будет служить у нас во флоте”.

Сереза, Вера и Костя, старше меня на 9, 7 и 4 года, звали отчима Вячеславом, и чтобы от них не отделяться, мне сказали

---

*Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866-1907), вторая жена В. Иванова, автор драмы “Кольна”, изд. “Скорпион”, М., 1904; рассказов “Грагический зверинец”, изд. “Оры”, С. П. 1907, “Тридцать Три Урода” (там же, 1907).

тоже так делать; но у меня это как-то не выходило. Да он мне вообще казался очень страшным и недостижимым. Мы с ним сблизились гораздо позже и крепко тогда уже подружились.

Родители очень много путешествовали, и у меня в воспоминании остались урывками многие сцены из раннего младенчества (2-3-х лет): скала в море в Аренцано, море Неаполя, тесная каюта с круглым обло во время мучительного, бесконечного морского переезда в Англию. А вот мы в Корнуоле (где Сережа был отдан в английский колледж), пасхальное утро. Анята нас выстроила всех четверых вдоль стены, и мы поём маме и Вячеславу "Христос Воскресе". Домик маленький, вокруг — степь до самого обрыва над морем, и дует свиреный и крепко пропитанный океанскими запахами ветер.

Мама возила с собою нескольких девушек, которых держала как членов семьи. Она их находила в России, где спасала их от разных тяжелых, иногда трагических обстоятельств. Помню Дуню из рыбацкой деревни, Анюту, Олю — дочь пьяницы, прикладного художника, вышедшую потом замуж за моего профессора фортепьяно; вспоминаются еще имена Васюни и Кристины.

За воспитанием детей родители очень внимательно следили, но часто и надолго уезжали, то ли в Россию, то ли в Палестину или в Грецию, и практическими подробностями не занимались. До женевого периода они предоставляли всё девушкам, а затем этому делу себя всецело посвятила Марья Михайловна Замятина, мамина подруга, преданная ей на жизнь и на смерть. Мария Михайловна, мы её звали Марусей, познакомилась с мамой на высших женских курсах, передовом учреждении, допустившем женщин к высшему образованию. Маруся вся была поглощена общественной деятельностью и организацией курсов, а для мамы, молоденькой девушки из аристократической монархической семьи, даже одно посещение курсов было бунтом и вызовом всему обществу, в котором она выросла. Встреча с мамой была для Маруси переворотом в её жизни и ко времени нашего пребывания в Женеве она окончательно переселилась к нам и сделалась членом семьи. Меня, как самую маленькую, она взяла сразу под своё покровительство, и до конца своих дней, в особенности после смерти мамы, она была для меня как бы второй

матерью.

С 1900 года началась оседлая жизнь, и был нанят дом в Женеве. Там родители поселили семью, вдали от смутного времени на родине. А также это освобождало их для литературной деятельности. В Петербурге они наняли квартиру, получившую название Бацци, а к семье приезжали только на более или менее краткие побывки. Каждый приезд ощущался как большой праздник, и всё преобразовывалось и оживлялось. Вот мама только что приехала и кинула мне из окна мансарды золотой апельсин; я подбежала, а он вдруг начал прыгать. Это был мячик, но мне показалось, что это божественная игрушка небожителей. Наша маленькая вилла в Женеве, "вилла Жава", была милая, в 2 этажа, а сверху еще третий, где были чердак и мансарды. Вокруг — очень большой сад. Я представляла себе рай по образу нашего сада весной, когда цвели все фруктовые деревья: яблони, черешни и другие. Красота этого сада захватывала мое дыхание. Посередине сада, сбоку находился маленький сарайчик. Половина его была занята садовыми инструментами — лопатами, граблями, лестницей и т. д., а половина представляла собой крошечную комнату, которую мама приспособила себе под студию. Я помню смутно (меня в неё обыкновенно не пускали) чем-то пестрым и красивым украшенные стены, на полу, может быть, ковер или циновка, и, кажется, шезлонг, на котором, полулежа, писала мама. Вячеслав работал дома, в своей мансарде. Из сада в окне виднелась его голова. Над чем он тогда работал, для меня было еще неясно, а мама писала повесть, называющуюся "Тридцать три урода". Ко дню рождения мамы я вырезала из бумаги 33 фигурки, сшила их в виде маленькой тетрадки и преподнесла маме с надписью, где выражала вопрос: не смогли ли бы 33 урода образовать одного красавца? Я помню, что эта мысль позабавила взрослых и, к моей гордости, возбудила у них целую дискуссию. Мама обожала красивые ткани. Большею частью гладкие, но всевозможных окрасок. Когда ей случалось проходить мимо распродаж материй, она обязательно покупала отрезы без всякого намерения шить из них что-либо, просто за красоту их цвета. Со временем образовалась целая корзина таких тканей. Быть может, уже в женевский период они украшали в саду стены "уютного домика".

как мы его звали. Позже мама в Петербурге свою так называемую оранжевую комнату отделала по-восточному. Никакой мебели, у стен на полу матрасы, покрытые тканями, коврами, подушками. Всё веселое, радостное и пестрое. А сама мама из своих тканей делала и носила хитоны, как она их называла. Хитон состоял из двух кусков материи, длинных, до полу, скрепленных на плечах брошками. Сверху она накидывала ткань в виде длинного и широкого шарфа, спускающегося с плечей вдоль рук. Когда много лет спустя, уже после смерти мамы, мы по инициативе Веры, давали спектакли так называемого Башенного театра, все декорации и костюмы были созданы из тканей, взятых из маминой корзины.

Меня начали учить музыке с моего 4-летнего возраста. Это получилось после того, как в виллу Жава въехал только что купленный, скромный, но золотистый и милый пианино фабрики Эрар. В тот же приблизительно период я в играх своего воображения выдумала идеальный город — весь один общий дом с садами, настоящих улиц нет, все обитатели как одна семья, и я с другими девочками города весело живу в общежитии по имени "Пипаста". За роялем я сочинила сигналы Пипасты, они как бы исполняли роль трубы кавалерийского полка. Когда мама это узнала, она пришла в восторг. Теперь я понимаю, почему — ведь это я сочинила социалистическую утопию. По всей вероятности, под влиянием маминого социализма (а может быть, социалистическая утопия есть сама по себе детская игра?). Мама была яркой социалисткой; она выросла в аристократической богатой семье. Когда она была молоденькой девушкой, ей пригласили одного блестящего преподавателя, пользующегося большой популярностью, чтобы он ей дал несколько уроков по высшей культуре; его звали Константин Шварсалон. Он посвятил свою ученицу во все общественные движения эпохи. Она страшно ими увлеклась, поверила в беззаветный идеализм своего наставника, решила с ним вместе посвятить себя служению народу и, несмотря на отчаянное сопротивление семьи, вышла за него замуж. Брак оказался несчастным. Мама наняла нарочито бедную, неотопленную квартиру (принципиальный вызов буржуазии), присоединилась к партии эсеров (она жалела и любила крестьян) и стала в своем доме устраивать тайные политические

сходки. Муж был от этого в ужасе, он опасался за свою карьеру. Постепенно выяснилось, что его проповеди были только приманками невесты с деньгами и высокими связями. Прошло несколько лет, пока мама, наконец, не убедилась в том, что он её во всем обманывал; как только это произошло, она взяла своих трех детей и уехала с ними за границу. Брак кончился разводом.

Встреча с моим отцом отвела маму от замыслов прямого участия в политической жизни. По его примеру она занялась литературой и стала писательницей. Но в душе она всё время оставалась яркой социалисткой.

В ту эпоху (1905 год) в Женеву стало попадать много эмигрантов из России. Я не очень понимала, в чем дело, но мне казалось, что это что-то героическое и очень увлекательное. Появился какой-то родственник Степа. Мама его посылала в сад рубить дрова. Были трогательные брат и сестра Митрофан и Катерина Елшины. Был бородатый Кузьма, который любил ходить в театр на нумерованные места галерки, предварительно наевшись чеснока. "Я всегда нахожу себе сидячее место". Нина Гейман, приходившая следить за моими фортепьянными занятиями, была исключена из Петербургской консерватории за участие в революционных сходках и продолжала своё учение в Женеве. В городе бывали политические собрания и кто-то, вернувшись с одного из них, подарил мне какой-то значок с красной ленточкой; я его бережно и любовно запрятала в потайное место.

Один раз мамин социализм и мое живое воображение в играх создали мне очень неприятное приключение. Пришла к маме поденно работать домашняя портниха. Не имея сверстников, я сразу к ней побежала дружить, и вскоре начала её просить поиграть со мной в школу: "Я буду учительница, вы — ученица". Она выразила согласие. Увлечшись, я видела в ней только школьницу, что-то ей пустилась объяснять, и не получая желаемой реакции, обругала её такими словами, какими нас ругали наши школьные учительницы. Портниха обиделась и ничего не сказала, а когда была наедине с мамой, пожаловалась на меня. Что дело шло об игре, мама не поняла. Гром и молния упали мне на голову, был вызван даже Вячеслав. Меня побили и посадили в "одиночное заключение", т. е. держали под ключом в

отдельной комнате три дня. Почему этот эпизод вызвал такую странно преувеличенную реакцию родителей, я поняла лишь теперь, вспоминая этот случай. Мама в своей юности насмотрелась, как часто бары относились к народу с презрением и грубостью. Моё поведение она объяснила как дерзость девчонки из господствующего класса по отношению к низшему рабочему классу. Честная труженица пролетарка была оскорблена её собственной дочерью. Ясно, что такое недопустимое явление в семье нужно было сразу и в основе искоренить.

Когда наше пребывание в Женеве стало подходить к концу, господин Ламартин, хозяин виллы Жава, предложил нам купить дом. Дело было выгодное, цена была очень сходная и в этот момент могла быть нами одолена. Мама со всей своей пылкостью отказалась от этого проекта. Она была принципиально против собственности и заявила: "Я хочу, чтобы мои дети остались честными людьми".

У мамы был прекрасный голос. По настоянию отца она стала его культивировать, и когда была ещё в Париже, брала уроки у знаменитой певицы Полины Виардо, которой тогда было лет за 80. Как известно, у Виардо с Тургеневым был длинный роман, и она, по всей вероятности, научилась двум-трём русским словам. Во время уроков с мамой она всегда настаивала: "Surtout pensez toujours à votre gilivotte". В Женеве мама дала несколько концертов. Я смутно помню её поющую за решеткой хоров одной протестантской церкви. Она была красавицей, в декольтированном белом газовом платье, с ожерельем из жемчуга. На одном из этих концертов, которые она дала через несколько дней после неудачных родов, она надорвала себе голос и больше уже не могла петь. Одно из самых дорогих воспоминаний — это её упражнения дома. Она сама себе аккомпанировала, и вещи, которые я запомнила, были "Лесной царь" Шуберта и "Миньона" Бетховена. Последнюю я научилась ей, как умела, аккомпанировать; что же до "Лесного царя", я чувствовала в нём каких-то бешеных лошадей и галопировала в экстазе по всем комнатам под его ритм. Мама не протестовала — может быть, сочувствовала.

*

В трудные годы России родители не хотели покидать родину. Они приезжали к нам мало, всецело погруженные в литературную деятельность Петербурга. Там у них на "Башне" кипела бурная жизнь, которую столь многие описывали. У нас же всё развивалось органично и мирно. Сережа жил и учился в Англии и очень любил свой колледж. Он приезжал к нам на каникулы, старался нас ангажировать и учил играть в футбол и крикет, до которого я, впрочем, еще не доросла. Костя был очень часто товарищем моих игр. Когда у него не было ничего лучшего, он довольствовался мной, хотя я была младше его на четыре года и к тому же еще девочка. Он тогда был толстый и неуклюжий. Позже, в России он поступил в 1-ый кадетский корпус, вытянулся и сделался очень стройным и красивым. После окончания Михайловского артиллерийского училища он был послан в Ровно, где через несколько месяцев его застигла война. Он пробыл на фронте благополучно до 1918 года. С этого года он пропал без вести — по всей вероятности, погиб. Вера училась в классическом женском лицее. Для Женевы это было учреждение передовое. Помню её, рано утром зубрящую еще в постели: Sicarius — assassin, Sicarius — assassin. Она была вспыльчивой и увлекающейся. Всегда не в ладах со своими классными дамами. Одной из её больших страстей был альпинизм. Мне запомнилось событие, пережитое Верой как тяжелая драма. Была организована альпинистская экскурсия для восхождения на Онгфрау. Сережа и Вера к ней присоединились. Восхождение было трудное, но все участвующие в экспедиции дошли до вершины. Все, кроме Веры, которая обессилела, добравшись почти до цели: не хватало полчаса легкого подъёма. Дожидаясь спуска товарищей, она лежала на снегу, ослепленная солнцем, в полуморочном состоянии, а в душе переживала неопишемую трагедию своего поражения. Помню её возвращение. Она была сожжена солнцем до неузнаваемости и её сразу уложили в постель. К этому событию относятся стихи моего отца:

И ты в снегах познала благодать —
Ослепнуть и прозреть нагорным светом.

Одно время жил с нами дедушка, мамин отец Дмитрий

Васильевич Зиновьев. От природы он был очень добрый и щедрый. К старости эти черты приняли болезненный характер. Он начал раздавать своё имущество кому попало. Испуганная семья взяла его под опеку. Чтобы скрасить ему старость, мама решила выписать его в Женеву. Семья купила ему дом в местечке Иаир, в 15 минутах ходьбы от нас. Вокруг дома был парк, фруктовый сад, огород, были ульи с пчёлами. Всё это владение находилось на самом берегу Роны. Дедушке наняли женщину, мадам Дювернуа, чтобы за ним ухаживать и вести его хозяйство. Мы очень любили его навещать. Вот он сидит в кресле, одетый в стеганый турецкий халат, я подхожу, а он одновременно из двух карманов вынимает мне двух маленьких котят. Он всегда старался дать нам что-нибудь вкусное, а то возьмет да и подарит монету в 5 франков. К нам тогда приезжала в Женеву из России большой друг наш, Александра Николаевна Чеботаревская. Один раз вечером приходит к дедушке представитель сельской полиции: "Скажите, вы знаете эту даму? Я за ней долго наблюдал; она всё гуляла вдоль реки и также по мосту, и все в реку смотрела. Уж не собирается ли она кончить самоубийством?" Замечательно то, что лет 20 спустя, во время гражданской панихиды по Михаилу Гершензону, она действительно кончила самоубийством, бросившись с моста в реку.

Под конец жизни дедушка сильно заболел, и мама наняла для него соседний с виллой Жава дом, чтобы лучше за ним ухаживать. Когда он умер, меня позвали к нему. Он благообразно лежал на столе. Запомнилась его длинная шелковистая борода. Горели свечи; стояли цветы. И я в первый раз удивилась непонятной тайне смерти.

В доме жила черная, с медными отливами, кошка Медея; её супруг, некрасивый, с черной несимметричной кляксой на носу, звался Пострелом, хотя Сережа прозвал его "Ангел небесный". Третий кот, Jungle, был грустный cavalier-servant, страдающий неразделенной любовью к Медее. Рождались котята, мама их хлороформировала без сентиментальности, хотя обожала зверей. Она завела также канареек, их было штук 20 и для них было построено двойное широкое окно. Приходили к нам друзья. Среди них мой профессор фортепьяно Феликс Острога, женившийся на нашей красотке Оле. Я помню, как он

композиторским тенорком исполнял для родителей свой романс "Et les grenouilles criaient, criaient". Позже он писал для "Аполлона" рецензии о заграничной музыкальной жизни. Помню, как он у нас за ужином ел свою любимую спаржу, и отложил самую толстую, чтобы съесть напоследок, и как вдруг из-под стола появилась белая лапа Пострела и стащила её. Я узнала тогда, что значит "roug la bonne bouche" (так как он печалился и говорил, что оставил для конца самый лакомый кусочек). Помню, как за ужином отец рассказывал о своих парижских приключениях с Бальмонтом, как Бальмонт пьянствовал, как был арестован и как его спросили, какое его ремесло (так как во Франции в полиции арестованных заставляли работать каждого по своему ремеслу), и как Бальмонт ответил: "Je sais faire des livres", после чего его заставили переплетать. Как-то раз, наслушавшись этих рассказов, я ушла из столовой, пошла в темную переднюю и, зарывши нос в висевшую одежду, стала плакать. Ко мне пришли: "Что с тобой?" — "Мне жаль Бальмонта". Я плакала также втайне над портретом Нишше, он висел в маленьком салоне, и я много наслышалась о его сумасшествии, слушая разговоры взрослых.

В этом маленьком салоне вся семья сходилась каждое воскресенье утром, и по очереди все читали вслух Евангелие. Мы были все православные, но, как огромное большинство таковых, церковь посещали только раз в году, на Пасху. На страстной говели. Церковь была далеко, так как мы жили вне города и потому на заутреню не ездили, а то бы я запомнила. Не помню также, чтобы Вячеслав и мама ездили с нами в церковь.

*

По разу в год торжественно организовывались семейные экспедиции. Раз в лето мы уезжали на пароход в близкое село на берегу озера, шли долго пешком и выходили на крошечный незаселенный песчаный пляжик. Там мы с наслаждением купались, как полагалось в России, без костюма. Каждый год в начале весны мы уходили пешком довольно далеко и, стараясь сделать это скрытно, проходили, несмотря на обычную в Швейцарии надпись на столбике "Propriété privée. Défense d'entrer sous peine d'amende", в чудное огромное частное владение с поля-

нами и рощами. Солнце ослепительно серебрило пробуждающуюся мокрую траву, а на опушках виднелись целые ярко-голубые разливы цветочков *syllas*, маленьких, на хрупких стебельках, с изрезанными лепестками. Они и были целью экспедиции: мы набирали целые букеты. Удовольствие обострялось опасностью быть увиденными. К взрослым, которые ходили с нами, я чувствовала товарищеское восхищение. Это, думаю, бывало не без участия и сочувствия мамы.

Тоже раз в год все садились в трамвай и ехали в город. Там мы входили в кондитерскую, и нас угощали пирожными. Мы не были избалованы, и они нам казались невероятно вкусными. Раз я решила продлить удовольствие и стала есть своё пирожное с преувеличенной медленностью. Другие уже съели свои, и им дали по второму. Взглянув на моё блюдечко, взрослые сказали: "Лилии не нужно, она ещё не съела своё". Это было огорчение, которое я ещё помню. Не знаю, сделала ли я тогда вывод вроде "саре *aiem*" (лови мгновение).

*

Начал приближаться конец нашего пребывания в Женеве. Летом 1906 года мы наняли с друзьями Вульфами* шале высоко в горах, в *Comballaz*, над городом Эгль. Туда приехала к нам, на очень короткий срок, мама. Это была её последняя поездка в Швейцарию, и она её сделала без Вячеслава. Как всегда, её приезд как бы покрыл всю душу волной радости, но всё же, на этот раз чувствовалось что-то иное, что-то очень печальное, какой-то солнечный закат. Мама была какая-то грустная, отяжелевшая, быть может, это было после её опасной болезни воспаления легких (не помню, была ли болезнь её до *Comballaz* или после). Ей тогда оставалось не более года жизни. Или она бессознательно ощущала будущее, или мои теперешние воспоминания окрашиваются этим сознанием. Она не захотела остаться в шумном нашем доме и наняла себе крошечное шале в совсем безлюдном месте. Из трех-четырёх стоящих там шале только её имело внизу жилую комнату. В верхнем этаже был

---

*Профессор Вульф, его жена, талантливая художница (Вера Васильевна) и два сына, наши с Костей друзья: Володя и Боб. Владимир впоследствии учился у Игумнова и стал пианистом.

сеновал. Остальные шале были просто сеновалами или складами. Дойти до маминого жилища можно было только пешком, без тропинок, минут 10 ходьбы, круто спускаясь по скользкой траве альпийских пастбищ. Должно быть, она работала там. К нам заходила немного. Самое желательное было с ней провести ночь. Она брала по очереди Веру и Костю. Я запротестовала: почему не меня? И один раз была выбрана и я. Она меня научила, как зажигать печь (и я до сих пор это свято вспоминаю, когда мне приходится это делать). Мы с ней состряпали яичницу. Всё, что мама приготавливала, казалось невероятно вкусным и совсем необычным. В ней была какая-то жизненная солнечная сила.

II. БАШНЯ

Наступила весна 1907 года, в течение которой было решено родителями ликвидировать женевский дом и всей семьей окончательно переехать в Петербург.

Всё было послано в Россию. Вера осталась до осени у Феликса и Оли Острога, чтобы сдать окончательные экзамены своего лица, а мы с Костей под предводительством Маруси сели на поезд и въехали в Петербург в первый день Пасхи. Душа моя переливалась счастьем и патриотизмом. Я в первый раз в жизни — въезжала в Россию. Все встречные и извозчик говорили по-русски. Дождь и слякоть? Не важно — я на родине. Мама была с нами ласкова, но думается, что в душе наш приезд ей был неприятной необходимостью. "Башню" пришлось расширить: присоединить к её четырем комнатам еще 3, проломав стену, отделяющую нас от соседней квартиры с окнами на Тверскую. Заводилось хозяйство, дети, прислуга. Нападение на богему, на свободу.

Первое, что мама сделала через час после нашего приезда, это было послать нас с Костей вдвоем к Сомову, Кузмину (и не помню сразу ли) к Струве, которые жили на Суворовском проспекте. Заблудиться было трудно по прямой линии от Таврической. Мы должны были представиться сами, как её дети и пригласить их зайти вечером в гости. Воспоминания этого первого дня у меня очень смутные, как если бы это было всё во сне. Да и

не удивительно: едва приехали после многодневного путешествия, а кроме того, патриотизм, волнение, природная застенчивость.

Я помню как пришли Сомов и Кузмин (кажется порознь). Сомов мне очень понравился: круглый, мягкий и ласковый, как уютный кот. Кузмин пригвождал внимание своими странными глазами: огромными, темными и спускающимися от переносицы по наклонной линии.

Мама нас позвала. Мы сидели в её восточной оранжевой комнате на полу на тьюфках, покрытых мягкими тканями и подушками.

Вечером нам отвели с Марусей и Костей большую комнату. В ней было одно мансардное окно; она была очень мрачная и обита серыми обоями.

— "Это Волошины так оклеили", — сказала мама. Со временем обои были переменены на красивые, ярко голубые, но я всё же вспоминаю эту комнату с неприятностью.

В начале лета 1907 года помню, что мама послала нас с Костей гостить на 3, 4 дня к Чулковым на дачу в Финляндию. Я думаю, что ей было приятно вводить нас в своё общество. Чулков очень дружил с нами. Я помню его довольно часто приходящим к нам. Он скидывал свои темные густые волосы и придерживал их всей пятерней, чтобы они не падали на лоб и при этом почти декламировал — "Тайга! Вячеслав, тайга!..." Он обожал тайгу и рассказывал очень интересно про Сибирь. Его жена, Надежда Григорьевна была красивая, резко южного типа женщина, большой духовности, проникновенности и доброты. На даче у Чулкова нам было хорошо. Помню, что один раз они взяли нас кататься на лодке, по какой-то узкой речке, и на лодке был также Леонид Андреев. Он был черноволосый, с бородкой, длинными волосами, видный мужчина. На нём была белая косоворотка. Он, узнав, что мы дети В. И., стал о нем очень много говорить и с крайней неприязненностью.

А дня через 2, 3 после нашего приезда мама отправила нас с Костей познакомиться с дядей Сашей, тётёй Лизой и их шестью сыновьями — нашими кузенами. Дядя Саща был братом мамы. Александр Дмитриевич Зиновьев был тогда губернатором петербургской губернии. Помню, как он много позже, когда мы виде-

лись в Риме, сказал — “Я счастлив, что при мне не было ни одной смертной казни”. (Город Петербург имел своего градоначальника и в управление губернии не входил). Зиновьевы жили в роскошном особняке. Внизу важный швейцар, обширный холл, широкая лестница, покрытая хорошими коврами. Мы взойшли по ней на первый этаж и были введены в длинный зал-столовую. Стол нам показался бесконечным, за ним сидел целый ряд военных, которые как один встали и пошли нас приветствовать, подставляя свежие напомаженные щеки под наш пощелуй. Потом выяснилось, что, кроме родителей, было 6 кузенов, младшие — в пажеском корпусе, старшие уже офицеры. Всего у дяди Саши было 7 сыновей, но старший Саица был убит на японской войне. Тётя Лиза мечтала иметь дочку, но все рождались защитники отечества. Младшего, Мишу, она долго одевала, как девочку и оставляла ему длинные волосы. Костя очень привязался к Зиновьевым; постоянно у них бывал и гостил; они с ним обращались, как с сыном. Я их видала также, но любила в особенности тётю Лизу, которая мне как-то сказала, что после смерти мамы она думала насколько возможно мне её заменить. Но мы с Зиновьевыми жили в таких разных мирах, что это было невозможно.

Кажется это было в 1908 году, уже после маминей смерти. Тётя Лиза пригласила меня к ним на месяц в Капорье — зиновьевское родовое имение. За три версты от барского дома с невероятно обширным парком находилась сама историческая крепость Капорье, известная своим героическим сопротивлением вместе с Ямом и Орешком. Крепость была уже развалинами, вокруг село и церковь, куда по воскресеньям ездили Зиновьевы к обедне. В церкви они стояли на клиросе. Ездили в изящной коляске, на паре выездных лошадей, под управлением кучера, одетого, когда хозяева жили в деревне: суконная синяя безрукавка, шелковая яркая косоворотка, на завитых волосах круглая шапочка с павлиньими перьями. В городе барскому кучеру подбивали под шинель невероятно толстый слой стеганой ваты, так что на козлах он сильно смахивал на Ваньку-Встаньку. Мы с Костей называли таких кучеров подушками — “Я сегодня ездил на подушке”. — “Неужели?”

В Капорье мне показали старую сорокалетнюю лошадь

“Каприз”, на которой ездила ещё мама в юности. А также показали и маленькую лохматую сибирскую лошаденку с гривой до колен, которая была под Сашей, когда его убили на войне.

Летом 1907 года мы были все приглашены в Могилевскую губернию к Марусиной тётке Елизавете Афанасьевне в ее имение “Загорье”. Имение было абсолютно разоренное и почти все земли были уже заложены. Но Елизавета Афанасьевна с большой семьей жила ещё в усадьбе. Природа там была удивительной красоты: холмы, леса хвойные, роща осиновых деревьев, похожая на храм с высокими серебряными колоннами, пруд.

Здесь тихая душа затаена в дубравах
И зыблет колыбель растительного сна;
Льнет лаской золота к волне зеленой льна,
И ленью смольною в медвяных льется травах.

И в грустную лазурь глядит осветлена, —
И медлит день тонуть в сияющих расплавах,
И медлит ворожить на дремлющих купавках
Над отуманенной зеркальностью луна.

Здесь дышится легко, и чается спокойно,
И ясно грезится; и все, что в быстрине
Мятущейся мечты нестрого и нестрожно,

Трезвится, умирясь в душевной глубине,
И, как молчальник-лес под лиственной схимой,
Безмолвствует с душой земли моей родимой.*

Был большой дом хозяев, флигель, отведенный нам: Марусе, Косте, мне и позже приехавшей Вере и кроме того новый большой дом, только что построенный, ещё не жилой, который пах свежим деревом и смолой; в нём были помещены Вячеслав и мама; они там жили и работали, а к нам приходили во флигель только для еды. На просторном дворе усадьбы, как полагается, была конюшня, скотный и птичий дворы, жилища для работающих при усадьбе, дом для немца управляющего. Когда мама увидела Загорье и вошла в свой новый дом, красота места её по-

*II, 278.

трясла: она взволновалась и вдруг начала плакать... Поздно осенью (17 октября) мама неожиданно умерла в этом доме после четырехдневной болезни. В это время началась сильная эпидемия скарлатины, мама ходила по деревням лечить крестьян и заразилась.

Помню маму, гуляющую по Загорью в своих хитонах. Она гордилась, что очень сильно похудела, выдумав себе какой-то режим. В купальне она меня научила плавать "по-собачьи и по-лягушачьи", на пруду была лодочка, она любила грести. Из-за меня у них с Вячеславом случилась маленькая перепалка. Мама обожала лошадей и была прекрасной амазонкой. Во время их путешествия в Палестину они с Вячеславом делали какой-то длинный переезд по пустыне. Ехали верхом с арабскими проводниками. Лошадь под Вячеславом была с норовом и сбросила его. Он упал, сильно поранил об скалу голову и они оказались в очень тяжком положении посреди пустыни. У Вячеслава остался на всю жизнь страх к верховой езде. В Загорье были лошади. Мне страшно хотелось ездить верхом. Мама несмотря на опасения Вячеслава решила мне доставить эту радость и чтобы приучить меня понемногу к этому спорту, мне на первый раз оседлали старую 26-летнюю водовозку, посадили меня на неё и предоставили ехать куда хочу. Водовозка размеренным и мудрым шагом проковыляла прямо по дороге через усадьбу, потом мимо осиновой роши, потом дальше. Горе было в том, что я хотела вернуться, но не решалась достаточно энергично дернуть уздечку, чтобы лошадь повернула. На беду как раз по дороге шел навстречу именно Вячеслав, и шел один. Я его попросила — "Возьми лошадь за уздечку и поверни её, она меня не слушается". Вячеслав переборол свой страх перед лошадьми и исполнил мою просьбу. Водовозка обрадовалась, прибавила шагу, а затем, не спрашивая меня, пустилась галопом в конюшню. По счастью я догадалась наклонить голову при въезде в неё. Но между Вячеславом и мамой были бурные объяснения и в заключение мне в Загорье больше не пришлось кататься верхом.

Но всё же несмотря на все радости этого лета, воспоминания о маме как будто делаются какими-то грустными, тускнеющими. Проходили через Загорье и заходили к маме бого-

мольцы, идущие пешком в Иерусалим. Маме сильно захотелось тоже уйти на богомолье, вот так же уйти одной, пешком.

В конце летних каникул Маруся уехала с Костей и со мной в город, где Костя поступил в реальное училище Гуревича (он там пробыл год до кадетского корпуса), а я в гимназию "Новая школа общества преподавателей" на Преображенской улице, а также в музыкальную школу Боровки в класс С. Е. Енакиевой. Маме, Вячеславу и Вере не хотелось покидать Загорье и их пребывание там затянулось до поздней осени.

Смерть мамы резко прерывает всё течение жизни. Кончается один период и начинается другой. Жизнь вокруг идёт очень разнообразная, богатая, но кажется точно все мы живём и действуем в какой-то стесненной и полуреальной атмосфере, точно над нами тяготеет темная туча. Та, которая разразилась грозой 17-го октября и которая никак не может окончательно развеяться. Потребовались годы до её исчезновения. Это произошло лишь в конце петербургского периода. Дом на Таврической 25 находился на углу Тверской улицы. Форма дома была особенная: его угол был построен в виде башни. Половина этой башни имела стены внешние, с большими окнами, а другая половина входила в состав внутренней части квартир. На крыше над башней возвышался купол и туда можно было с опаской заходить, чтобы любоваться чудным видом на город, на Неву и окрестности. Я часто туда отправлялась, а изредка даже и Вячеслав с гостями. В квартирах под нами башня представляла собой большой круглый зал (на одном этаже там была школа танцев Знаменских, на другом — общественная читальня). В нашей квартире зал башни был разделен на 3 маленькие комнаты с крошечной темной передней. Форма комнат была причудливая, так как это были разрезы круга. В каждой комнате было очень большое окно с видом на море макушек деревьев Таврического сада. Отец поселился в средней комнате башни. Наша квартира на пятом этаже была скромная. Кроме башни все комнаты имели маленькие мансардные окна. В доме был лифт, работающий до четвертого этажа. Нижний большой вестибюль и лестницы до четвертого этажа были покрыты коврами. Внизу священнодействовал швейцар Павел средних лет с рыжеватой

холеной бородой, одетый в ливрею. В 1904 году в этом доме в нижнем этаже снимал квартиру генерал Куропаткин (главнокомандующий русской армией). Павел любил похвастаться таким жильцом и так с ним отождествлялся, что как-то рассказывал:

— “К нам приезжал Плеве (министр внутренних дел), но мы его не приняли”.

Телефона частного не было, а общий стоял внизу у Павла. Чтобы звонить нужно было спускаться пять этажей (обратно на подъёмной машине). В передней висела старая меховая накидка, прозванная “общественной пелеринкой”. Хозяева и гости её накидывали на плечи, когда нужно было спускаться к телефону.

Сколько народу перебывало на Башне! Гости и друзья не только приходящие, но даже остававшиеся, кто на 2, 3 дня, кто и надолго. Некоторые московские друзья и не предупреждали, а прямо ехали к нам с чемоданами. Уже не стало хватать двух квартир созданных при маме. Пришлось проломать стену и вставить дверь, присоединяющую к нам ещё и третью квартиру. Она выходила на Тверскую и имела 3 маленькие комнаты и вход на отдельную лестницу. В последние годы в ней жил Кузмин.

Уже одной прислуге было невозможно справляться, но вторую Вячеслав и Вера ни за что *принципиально* не хотели брать. Печи были голландские, изразцовые — их топили дровами. Лампы керосиновые. Я помню, как я раз для помощи по хозяйству к своей радости вместо того, чтобы играть на рояле, opravляла лампы. Их было 26. Не будем говорить о том, что иной раз, если не усмотреть, одна начинала коптить и тогда....

За обедом всегда сидело человек 8-9 или больше. И обед затягивался, самовар не переставал работать до поздней ночи. Кто не сиживал у нас за столом? Крупные писатели, поэты, философы, художники, актёры, музыканты, профессора, студенты, начинающие поэты, окультисты, люди полусумасшедшие по-настоящему, а то выкидывающие что-то для оригинальности, декаденты, экзальтированные дамы. Вспоминаю одну, которая приходила к Вячеславу, упрямо приглашала его к себе на какой-то островок, где у неё был дом. Она хотела, чтобы он помог ей родить сверхчеловека. Говорили, что она обходила

многих знаменитых людей с этим предложением. Разговоры были очень оживленные и обыкновенно мне непонятные. Я раз сбегала на кухню поболтать с Матрешей, а она говорит: — "Странно вот! Говорят по-русски, а ничего не поймешь!"

У Матрешы на кухне было уютно: горела плита, на ней всегда что-нибудь вкусное, что можно попробовать. А перед плитой сидит вымазанный в угле, в котором он любил валяться Матрешин собственный кот Флёкин (на башню его не пускали). Имя Флёкин дала ему Матреша, утверждавшая, что в очень "благородной" семье, где она служила так звали собачку. Думаю, что это она русифицировала имя Флок. Такое же преобразование имени сделала позже Димина няня, возвестившая нам визит Трушачкина. Это был Балтрушайтис.

Среди разговоров за столом были такие, которые увлекали одинаково и меня и моего отца. Это были рассказы Гумилева об Африке, которые он чередовал чтением своих стихов.

Далеко, далеко на озере Чад

Изысканный бродит жираф.*

Мы оба слушали затаив дыхание так как отец имел в душе много струн совсем юношеских и при живом воображении любил отдаваться переживаниям, неосуществимым для него реально.

В Швейцарии уже в старости он любил лежать подолгу на шезлонге, смотреть на высокие горы перед ним и мысленно медленно взбираться на них, переживая трудности, усталость и наслаждение. Также он принимал живое участие в нашей жизни, интересуясь каждой мельчайшей подробностью её и таким образом всегда в ней участвовал.

Среды со смертью мамы были отменены. Но изредка на башне делались и большие собрания. На одном из них меня представили Зинаиде Гиппиус. Она посмотрела на меня (кажется в лорнетку) и сказала немного нараспев: — "Скажите мне что-нибудь для меня интересное и страшное". Боюсь, что я оцепенела, а она осталась без ответа.

Один раз на ковре посреди собравшихся кружком приглашенных Анна Ахматова показывала свою гибкость: перегнувшись назад, она, стоя, зубами должна была схватить спичку,

*"Романтические Цветы", "Жираф".

которую воткнули вертикально в коробку, лежащую на полу. Она была узкая, высокая, одета в чем-то длинном, темном и облегающем и походила на невероятно красивое змеевидное, чешуйчатое существо.

Среди коротких бликов воспоминаний вижу у нас за столом человека немолодого, совсем лысого, выражающего с трудом и с нелепым произношением кукою-то сложную мысль. Это философ Стоппнер — мне объясняют.

А то за тем же столом сидит студентик, кажется в потертой форме неказистый шатен с длинным носом; он молчит, сидит весь собранный в себя, опустив нос в тарелку и так и не поднимает его в течение всего ужина. Его зовут Павел Флоренский.

А вот за столом сидит редкий гость. Всем известно, что красавец-Аполлон. Да, красавец, но какое же тяжелое лицо. Это Александр Блок. Вот музыкальный критик Каратыгин приходит к отцу и играет ему на рояле вещи Дебюси и Равеля, чтобы ввести его в новую музыку. Равель отцу нравится, а Дебюси ему чужд. Отец был в высшей степени музыкален. Композитор, который связан со всей его жизнью — Бетховен. Если можно так выразиться, у меня впечатление, что в ткани души моего отца находится много Бетховенских нитей. В первый год после смерти мамы он каждый вечер выслушивал по сонате Бетховена, которая исполнялась Анной Минцловой, прекрасной пианисткой-дилетанткой. Приезжал из Москвы тоже Гнесин и играл свои новые композиции.

Мы оба с Вячеславом очень любили вечера, когда Кузмин показывал отрывок из своей очаровательной оперетки: то что он сочинил за день. Он писал стихи и музыку. Сюжет был взят из восточной сказки. Влюбленный в султанцу переодет птицей, посажен в клетку и внесен в гарем. Помню отрывки:

“Ах не Европа ль
Константинополь?”

Или: “Какая чудная картина, / Ну право как живой мужчина!”

Или отрывок, имевший очень удачную мелодию:

“Честь султана, честь султана!
Кто ее посмеет взять?
Кто свой голос смел поднять,
Что я жертвой стал обмана?”

(Продолжение следует)

Лидия Иванова

МЕМОУАРЫ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО МУЗЫКАНТА

Визит к дирижеру Н. С. Голованову

Московский Большой театр долгое время возглавлял, как дирижер, превосходный чешский музыкант Вячеслав Иванович Сук. Он родился в 1861 г. близ Праги. Там же учился в консерватории. А с 1880 г. поселился в России. Сперва был скрипачом в оперном оркестре в Киеве. Потом в оркестре Московского Большого театра. С 1885 г. стал оперным дирижером. Оставил Москву и поселился в Харькове. Потом дирижировал в Вильно, Минске, Киеве, Одессе, Казани, Саратове. П. И. Чайковский относился к нему с одобрением. Хвалил его и Н. А. Римский-Корсаков. В 1906 г. Суку предложили дебютировать в Москве в Большом театре оперой Верди "Аида". Отозвались лестно и предложили контракт, который продлевали до конца жизни Сука. Он умер в Москве в 1933 г.

После установления в Москве советской власти Большой театр оказался правительственным учреждением. Здесь устраивали концерты-митинги, в которых с речами выступал В. И. Ленин. Здесь "зажигали" народные массы всякой демагогией. А после ораторов становился за дирижерский пульт В. И. Сук и исполнял по просьбе Ленина специальную концертную программу. Не так просто было для Сука составлять репертуарный план советского Большого театра. Одни оперы напоминали о благоустроенном помещичьем быте, другие возносили хвалу царям, третьи идеализировали старину, четвертые

были недостаточно созвучны октябрьскому перевороту и его "идеологии". Где уж здесь говорить о постановке оперы "Жизнь за царя"? Правда, Сук не любил компромиссы и часто вступал в споры. Благо авторитет у него был исключительно высок. При Суке нелегко было протолкнуть на сцену Большого театра советские оперы, отличающиеся лишь политическим звучанием и музыкальным слабозвучием. Другое дело опера композитора Александра Ивановича Орасовского "Трильби", где действие происходит в Париже. Композитор был сыном известной певицы Надежды Васильевны Салиной, певшей на сцене Большого театра. Опера "Трильби" была сочинена в 1919 г. В 1922 г. Орасовский умер совсем молодым, не дотянув до 32 лет. Он был действительно талантлив. Его жизнь сложилась трагически. Это я слышал от Голованова. При жизни Орасовского "Трильби" не ставили. Лишь в 1924 г. в оперном театре Зиминой в Москве состоялось первое исполнение. Партию Свенгали замечательно исполнил певец Александр Пирогов. Осенью 1924 г. также поставили "Трильби" в Большом театре. Дирижировал М. О. Штейман. 25 октября 1929 г. осуществили 2-ю постановку "Трильби" в Большом театре. Дирижировала Е. М. Славинская. Еще поставили в Московском Большом театре оперу В.А. Золотарева "Декабристы". Дирижировал М. М. Ипполитов-Иванов. Премьера была приурочена к 100-летию восстания декабристов — 26 декабря 1925 г. Словом, иногда ставили в Большом театре оперы советских композиторов, без этого нельзя было обойтись. Но сам В. И. Сук не решался их исполнять, доверяя это другим дирижерам. У него были свои вкусы и свои любимые произведения. Подобно Глазунову и Рахманинову, он совершенно отвергал музыкальную какофонию и был по своему убеждению "традиционным консерватором", если можно так выразиться. Все же он любил заглядывать в партитуры Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, Дебюсси, Равеля, Шёнберга, подчас удивляясь оркестровыми эффектами звучания. Но тут же оговаривался, что у Римского-Корсакова также неплохо звучит оркестр и есть чему у него поучиться. "Музыка должна быть такой же красивой, — заявлял Сук, — как очаровательная женщина". И разъясняя мысль, говорил, что стало модным влюбляться в уродливых женщин. "Это очень интересно для

молодежи и пусть себе экспериментируют, а я уже старик и у меня старческие привычки”, — заявлял Сук. Своими современниками он считал Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, Кюи, Верди. Несмотря на полувековую жизнь в России Сук говорил с подчеркнутым чешским акцентом. А ругательные слова произносил довольно смешно. Так я услышал на одной репетиции оркестра в Большом театре из его уст слово “сволеч”, которое было адресовано нотному переписчику, допустившему непростительные ошибки. Голованов удивительно точно и ловко копировал Сука и удачно воспроизводил его произношение неприличных выражений. Даже на одной репетиции оркестра Голованов сказал музыкантам: “когда кто-либо ошибается в ритме, папаша Сук говорит такое-то выражение”. Этим Голованов страховал себя от “оскорбления личности” и все становилось на свое место. Хоть и способен был Сук без всякого стеснения больно оскорблять провинившихся музыкантов, даже самых авторитетных, но никто на него не обижался. Его любили всей душой и полностью ему доверяли. Он был исключительно требовательным к качеству исполнения и не прощал даже малейшие грехи. Но стоило провинившемуся музыканту извиниться перед дирижером, и тут же Сук подходил к нему, обнимал как сына и перед всем оркестром извинялся за свою несдержанность. Помню, Сук сказал одному валторнисту: “Я тебя охотно прощаю, а вот у Чайковского тебе надо просить особое прощение”. Уже с первых лет деятельности в Большом театре Сук пользовался высоким авторитетом. Его знали и как талантливого композитора. Знали, что в 1900 г. в Киеве поставили его оперу “Лесной царь”. А в 1903 г. была премьера этой же оперы в Праге и сам Сук дирижировал. По мнению Римского-Корсакова, Сук мог бы сделать карьеру композитора. Но он был очень скромный, когда касалось исполнения собственных произведений. Можно многое рассказать о Суке. Его считали легендарным дирижером и о нем по Москве ходили разнообразные анекдоты. Вспоминали его многократные беседы с Луначарским, которому он без стеснения заявил, что нельзя оперы сортировать на советские и антисоветские. Есть лишь хорошие оперы и плохие. В начале 30-х гг. в советской печати настойчиво требовали создания советских опер. Сук, как мне рассказывал Голова-

нов, при ознакомлении с такими выступлениями прессы, делал подчеркнуто глупое лицо и наивно спрашивал: "Объясните мне, пожалуйста: что такое советская опера, я никак не пойму, это хорошая музыка или плохая? Эта опера лучше, чем "Жизнь за царя" или хуже?" Говорят, что однажды молодой московский композитор показал Суку свою оперу на советский сюжет, в котором было много батальных сцен. Сук ему тут же ответил: "В такой опере можно обойтись без оркестра, достаточно выкатить на сцену несколько пулеметов и пусть себе стреляют по зрительному залу". Сук постоянно общался с высокими правительственными чиновниками. И было очень трудно Сука переубедить в чем-либо. Когда ему назвали имя одного композитора, он с недоумением сказал: "Я думал, что это русский композитор, а он оказывается советский". Говорят, что речь шла о композиторе Рейнгольде Глиэре, который пользовался широкой известностью еще до 1917 г. При составлении репертуара Сук оставался при своем мнении. Но если что-либо делалось помимо его воли, он беспомощно разводил руками и объявлял всему оркестру, что так решили большевики и он тут ни при чем. Словом, Суку прощали всяческие "шалости". Но все знали, что, если встал за пульт Сук, качество исполнения будет великолепным. Здесь он был неумолим. И действительно, певцы в его спектаклях пели превосходно, а оркестр звучал бесподобно. Оркестранты любовно называли Сука "папашей". Поэтому и пошло выражение, что оркестр Большого театра состоит из "Сукиных детей". "А ведь вправду, — сказал однажды Феликс Блуменфельд, — они играют как Сукины дети". И это считалось похвальным отзывом. Голованов многое унаследовал от Сука и даже считал себя его прилежным учеником. Не раз на репетициях он напоминал об этом и поговаривал, что надо благодарить Господа Бога, что он дал Большому театру талантливому Сука. Помню его поговорку: "от Вячеслава наша слава". Так возвеличивал Голованов значение Вячеслава Ивановича Сука. И когда заходила речь о достойном преемнике Сука, неизменно называли Голованова. Николай Семенович Голованов был, как он выражался, стопроцентный москвич. Он родился 21 января в Москве. Уже в детские годы он обратил на себя внимание незаурядным музыкальным дарованием. У него был красивый голос, он пел в

церковном хоре. Учился играть на рояле. А когда мальчику исполнилось 9 лет (в 1900 г.), его приняли в Московское Синодальное училище. Тут к нему стал присматриваться сам директор училища, знаменитый Александр Дмитриевич Кастальский. При одном из посещений училища Рахманиновым Кастальский указал на 10-летнего Колю Голованова и добродушно сказал, что этот мальчик его успешно заменит. Бывало, что Кастальский поручал мальчику разучивать хоровые партии со своими соучениками, а то и предлагал стать за дирижерский пульт. И Кастальский был вполне удовлетворен. В 1909 г. Голованов успешно закончил Синодальное училище со званием регента 1-го разряда. А это уже была высокая оценка для молодого регента. Кастальский оставил Голованова при училище и часто называл его своей правой рукой. "А что значит правая рука для дирижера?" восклицал Кастальский. На афишах московских концертов стали замечать имя Голованова, когда он дирижировал Синодальным хором. В 1913 г. пригласили Синодальный хор в Берлин. Это были особые торжества, которые были посвящены 100-летию битвы народов под Лейпцигом. Из русских хоров избрали Синодальный. А Кастальский поручил Голованову возглавить хор в качестве дирижера. Выступить в Берлине было нелегко. Но успех превзошел ожидания. Видные немецкие музыканты взахлеб восторгались Синодальным хором. Не скупилась на похвалы и Голованова. Вспоминая выступления в Берлине, Голованов мне рассказывал, что у немцев были тогда особые симпатии к русским, припоминали героизм русских войск при разгроме Наполеона. Делали Голованову своеобразный комплимент, говоря, что он руководил хором также искусно, как Наполеон руководил своими войсками в удачных походах. Но разница была в том, что Голованов не знал поражений. Кстати, внешне Голованов чем-то напоминал Наполеона. Артур Никиш выразил пожелание увидеть Голованова за пультом симфонического оркестра. Рихард Штраус указал, что Голованов обязан дирижировать в оперном театре. Сам Голованов был в 1913 г. студентом Московской консерватории, совмещая свою педагогическую деятельность, которая началась еще с 1907 г. Мечтал Голованов стать композитором и учился в консерватории по композиции у

М. М. Ипполитова-Иванова и у С. Н. Василенко. В 1914 г. Голованов успешно закончил консерваторию. Его произведения исполнялись в концертах и получали одобрение. Но в 1915 г. неожиданно обратились к Голованову с предложением продирижировать открытым концертом симфонического оркестра Большого театра. Предложение исходило от Сука. Дебют оказался удачным. Но приняли Голованова в Большой театр на должность помощника хормейстера. Сук же требовал от Голованова быть готовым дирижировать оперой. И эту готовность Голованов хорошо понимал. Наступил 1919 год. Множество музыкантов покинуло Россию. Появился голод на дирижеров. Правда, в Большом театре его не испытывали. Рядом с Суком дирижировали Ипполитов-Иванов, Андрей Арендс и др. В 1919 г. Голованов прочно занял пост дирижера Большого театра. И вскоре завоевал широкое признание. Но Голованов отличался особой требовательностью к себе и хорошо понимал какую ответственность принял на себя. Впрочем, уже в Москве поговаривали, что если что-либо Сук недоделал, Голованов успешно завершит. Еще говорили, если появился на дереве Сук, то он расцветет Головановым. Так и случилось в 1926 г., когда Голованов принял от Сука работу над оперой "Царская невеста" Римского-Корсакова в московской консерватории. У Сука не хватило терпения завершить постановку, и Голованов ее довел до высокого уровня. Но в 1928 г. Голованова неожиданно убрали из Большого театра. Говорили, что он груб, кого-то довел до самоубийства. Еще гулял по Москве термин "головановщина". Но не так долго продолжалось наказание Голованова. Уже в 1930 г. его вернули в Большой театр. Без него не могли обойтись. Помнили, что в 1927 г. Голованов великолепно осуществил исполнение оперы Прокофьева "Любовь к трем апельсинам". Да еще Сук говорил, что не может обойтись без Голованова, настаивал и угрожал. К личной встрече с Головановым я был хорошо подготовлен. Повсюду о нем много говорили.

Приглашение посетить Голованова я принял с особой радостью. Мне было известно, что он часто выступает в открытых концертах совместно с Антониной Васильевной Неждановой. В этих концертах принимали участие скрипачи и виолончелисты. Так к пению Неждановой присоединялись звуки

скрипки или виолончели в романсах Глинки и Рахманинова. Было лестно, что Голованов оказал мне внимание. И чтобы оправдать доверие, пришлось играть перед Головановым. Он похвалил мою игру и выразил пожелание, чтобы я участвовал в концертах Неждановой. Согласие было дано. Меня пригласили к ужину. Сама Нежданова угощала меня вкусной едой. Голованов был в веселом расположении духа. Он много рассказывал курьезных случаев из жизни Большого театра. Разговорились о партийном покровителе Большого театра Енукидзе. Голованов почему-то его называл Евнухидзе. А Нежданова удивленно заявила, что "какой же он Евнухидзе, если не может лечь в кровать без балерины Большого театра". Но этот "Евнухидзе" очень вмешивался не только в репертуар, но даже указывал, кому поручать отдельные роли. Голованов с этим не мог мириться, такое вмешательство он воспринимал с горькой обидой. Благо у Голованова были добрые отношения с М. Н. Тухачевским и К. Е. Ворошиловым. На Луначарского не было возможности надеяться, он был "вне игры" и с его мнением никто не считался. Еще надеялся Голованов на поддержку своего друга виолончелиста Виктора Львовича Кубацкого. Почему на Кубацкого? Голованов пояснил мне значение Кубацкого. В свое время Кубацкий имел прямые связи с Лениным и по его поручению организовал конфискацию старинных скрипок и других инструментов, которые принадлежали частным лицам. Конфискация производилась при помощи огнестрельного оружия. Не обязательно было быть капиталистом или помещиком. К известным ученым и музыкантам приходили вооруженные советские мародеры и забирали скрипки без всякого разбора. Помню, один известный химик мне пожаловался, что к нему ворвались "конфискаторы" и забрали скрипку, которая хранилась в семье не менее века. Качество инструмента было не очень высоким, но все же было приятно профессору химии взять в руки скрипку и музицировать со своими коллегами-любителями. Профессор пожаловался Максиму Горькому и Луначарскому, но успеха не добился. Кубацкий широко распоряжался этими награбленными сокровищами, добытыми при посредстве специального мандата за подписью Ленина. Часть этих сокровищ послужила основой для создания московской

коллекции старинных музыкальных инструментов, находившейся в ведении Большого театра. Значительная часть ценных скрипок оказалась в руках "видных деятелей партии". Не могу точно указать каким путем замечательная скрипка Страдивариуса оказалась в руках Тухачевского. Говорили, что она из числа конфискованных. Кое-кто продавал за границу конфискованные инструменты, а еще эмигрировавшие из СССР музыканты увозили с собой полученные из коллекции инструменты для личного пользования. Так оказалось, что Иегуди Менухин приобрел через некоего Попова уникальную скрипку Страдивариуса. Характерно, что когда Иегуди Менухин впервые появился в Москве, он не взял с собой скрипку, боясь, что ее не выпустят обратно. Давид Ойстрах тогда позаботился, чтобы в руках Менухина оказалась коллекционная скрипка Страдивариуса, из числа конфискованных, что дало возможность Менухину выступать в Москве с концертами. Словом, у виолончелиста Кубацкого были "широкие возможности". Он не раз спасал известного виолончелиста Анатолия Брандукова от грозивших ему неприятностей. Брандуков отличался явным "недержанием языка" и произносил вслух ругательства по адресу лидеров советской власти. Кубацкий был хорошим виолончелистом, участвовал в квартете имени Страдивариуса. Но не это способствовало его связям с Лениным и другими хозяевами страны. Были какие-то другие причины. В 1930 г. Голованов попал в явную зависимость от жены Кубацкого. Речь идет о старой большевичке Елене Константиновне Малиновской, которую в 1930 г. снова назначили директором Большого театра. А она старалась спасти Голованова от неприятностей. Когда в 1935 г. сняли Малиновскую с поста директора, Голованов оказался беззащитным. В 1936 г. в газете "Правда" появилась разгромная статья против Шостаковича и его оперы "Катерина Измайлова". А тут выяснилось, что в декабре 1935 г. в репертуаре Большого театра не все благополучно. Так в филиале Большого театра поставили оперу Шостаковича "Катерина Измайлова". Но не оказалось в репертуаре "Тихого Дона" Ивана Дзержинского. Кто за это должен ответить? Конечно Голованов. Ведь после смерти Сука в январе 1933 г. Голованов был вроде главного дирижера. Любопытно, что дирижировал "Катериной Измайловой" приня-

тый в 1931 г. в Большой театр Александр Шамильевич Мелик-Пашаев. Но он отделался лишь легким испугом. Говорили, что его защищал перед "Кобой" сам Анастас Микоян, который не мог допустить расправу над Мелик-Пашаевым. Вскоре после разгромной статьи в "Правде" Голованова убрали из Большого театра и на его место поставили ленинградского дирижера С. А. Самосуда, кстати, первого интерпретатора сценических произведений Дмитрия Шостаковича. Как говорили тогда в Москве, произошел Самосуд над Головановым". Самосуду повезло. Он привез в Москву оперу Держинского "Тихий Дон". Так случилось, что эта опера понравилась Сталину. Об этом я расскажу подробнее. Самосуд имел личное свидание со Сталиным и после свидания его сделали главным дирижером Большого театра. Не помогло Голованову, что 25 марта 1936 г. он сам поставил на сцене Большого театра "Тихий Дон" Держинского. Этот спасательный круг оказался недоброкачественным, не смог защитить Голованова от произвола. Я далеко забежал вперед и хочу снова вернуться к тому памяtnому вечеру, когда я был в гостях у Голованова в первый раз. Голованов и Нежданова откровенно посвящали меня в разные тайны Большого театра. Правда, они говорили между собой, даже не обращая внимания на мое присутствие. Лишь однажды нарушил беседу телефонный звонок. Мой дядя поинтересовался, может ли он прийти, чтобы забрать меня к себе. Но Голованов заявил, что он еще недостаточно поговорил со мной и вообще я могу остаться у него ночевать. Голованов не обращал внимания на мой возраст, тогда мне было 13 лет, и говорил со мной как со взрослым. В один вечер я был посвящен во многие тайны московской музыкальной жизни. На следующее утро Голованов отвез меня в консерваторию. Но предупредил, что еще не раз собирается меня к себе пригласить. Ему нравится мой певучий звук, и он хочет снова со мной музицировать. Помню он рассказывал мне о московском скрипаче С. Калиновском, возглавлявшем струнный квартет им. Глиэра. У Калиновского был звук необычайной красоты. Помню слова Голованова: "Калиновский меня снова убедил, что такой красивый звук может быть только у много-страдального еврейского народа". Голованов в 1933 г. пригласил Калиновского в Большой театр в качестве концертмейстера и

солиста оркестра. Я знал Калиновского очень хорошо, он учился у моего педагога А. И. Ямпольского. Он удержался в Большом театре лишь до 1964 г. В возрасте 58 лет он ушел (или "его ушли") на пенсию. В 1972 г. Калиновский умер в Москве.

Для своего второго визита к Голованову я запасся множеством нот. Принес сонаты, скрипичные концерты, мелкие пьесы. Такова была просьба Голованова. Благо, мой репертуар был обширным. Разговорились о Сергее Рахманинове. Нежданова была с ним особенно дружна. Помню, Нежданова рассказывала, что присутствовала на одном концерте известного пианиста. Исполнялся "Итальянский концерт" Баха и особенно понравилась Неждановой вторая часть. Сидевшему рядом с ней Рахманинову она заявила, что хотела бы петь концертный вокализ в таком духе. Рахманинов быстро исполнил просьбу Неждановой и сочинил для нее замечательный вокализ, в котором ощущается влияние второй части "Итальянского концерта" Баха. Но, как сказала Нежданова, "у Рахманинова ожила в этом вокализе русская природа". Нежданова напомнила, что скрипач Михаил Пресс великолепно играл этот "Вокализ" на скрипке в своей перделке. А в 1930 г. Пресс уже был в США и завоевал широкую известность как скрипач и дирижер. "Как жаль, что Рахманинов не сочинял для скрипки", — вдруг сказала Нежданова. По ее убеждению, Рахманинов больше любил виолончель. Она вспоминала виолончелиста Анатолия Андреевича Брандукова, который в феврале 1930 года скончался в Москве. Рахманинов посвятил Брандукову свою виолончельную сонату, и Нежданова вспоминала, как ее исполняли Рахманинов и Брандуков. Подходящего скрипача, по мнению Неждановой, Рахманинов не нашел. Но я вынул из портфеля "Романс" Рахманинова для скрипки и фортепиано опус 6. Голованов с интересом стал рассматривать ноты, и тут же мы сыграли это произведение Рахманинова. У Неждановой на глазах блеснули слезы, и она заявила, что "так мог написать только Рахманинов". Голованов тут же напомнил, что я хоть родом из Одессы, но все же кое-что знаю. "Вот какой у тебя земляк", — сказал Голованов Неждановой. Так появился повод вспомнить многих знаменитых одесситов и одесситок. Нежданова родилась в деревне Кривая Балка, а теперь эта деревня вошла в черту города Одессы. Семилетней девочкой Нежда-

нова стала петь в церковном хоре. Вспоминала Анну Горенко, тоже одесситку, ставшую потом Анной Ахматовой. Несмотря на то, что Одесса имела прекрасную оперу и пели в ней самые знаменитые итальянцы, Нежданова должна была покинуть Одессу, чтобы стать профессиональной певицей. Сперва Нежданова пыталась попасть в Петербургскую консерваторию, но там не повезло. В Москве она встретила знаменитого итальянского педагога Умберто Августовича Мазетти, который в 1899 г. стал профессором Московской консерватории. Мазетти открыл Нежданову и в короткий срок превратил ее в звезду русской оперной сцены. После триумфальных успехов в Москве одесситы с гордостью разговорились о своей знаменитой землячке. Ныне одесская консерватория носит имя Антонины Васильевны Неждановой. Но это не спасает нынешнюю Одессу, которая когда-то была мировым центром музыкального искусства. Ныне Одесса стала музыкальной провинцией и живет добрыми воспоминаниями.

Снова вернулись к разговору о Рахманинове. "Так и знала, что "Романс" Рахманинова для скрипки написан в ре-миноре, — заметила Нежданова. — Очень он любил эту тональность". Даже писательницу Мариэтту Шагинян, с которой был в молодости в дружеской переписке, называл в своих письмах "милая ре". Когда мы составляли программу моих выступлений в концертах Неждановой, обязательно включали "Романс" Рахманинова для скрипки и фортепиано. Еще очень нравилась Голованову "Меланхолическая серенада" Чайковского для скрипки с оркестром или в сопровождении фортепиано. Нежданова вспоминала, с каким упоением слушал Рахманинов это произведение. Рахманинов находил, что в этой серенаде главная мелодия звучит под аккомпанемент колокольного звона. А к колокольному звону Рахманинов был особенно неравнодушен. Он часто восторгался изображением колокольного звона у Мусоргского. Начало 2-го фортепианного концерта Рахманинова возникает на фоне колокольного звона. В ряде других произведений Рахманинова мы находим отзвуки колокольного звона, к примеру, в знаменитых фортепианных прелюдиях до-диез минор и соль-минор. Как не вспомнить знаменитую поэму Рахманинова "Колокола", для солистов, хора и оркестра, на

слова Эдгара По в переводе К. Д. Бальмонта. Эта поэма была создана в 1913 году и была посвящена известному голландскому дирижеру Виллему Менгельбергу и симфоническому оркестру "Консертгебау" в Амстердаме. Но первое исполнение "Колоколов" было в Петербурге 30 ноября 1913 г. Дирижировал сам Рахманинов. Успех был необычайный. 3 февраля 1914 г. "Колокола" были впервые исполнены в Москве. Также дирижировал автор. Нежданова и Голованов с особым восторгом говорили об этом произведении. Голованов на рояле исполнил для меня некоторые фрагменты из "Колоколов". Я был очарован этим произведением и жаждал его услышать в открытом концерте. Помню, Голованов мне сказал, что предпринимаются попытки в этом направлении. Эту идею поддерживает Большой театр. Но в 1930 г. отношение в СССР к творчеству Рахманинова не отличалось доброжелательностью в правительственных кругах. С одной стороны, он эмигрант и его творчество не соответствует боевому духу идеологов пролетарской музыки. А еще известный советский музыковед Борис Асафьев прямо заявил, что "у Рахманинова колокольность вплетена в ткань музыки, становится в самых различных окрасках, ритмоузорах, ритмогармониях не только импрессионистическим выразительным средством, а раскрытием психологических состояний встревоженного человечества". Нежданова припомнила, как Рахманинов импровизировал у нее в квартире на темы колокольного звона. Он по особому слышал звон колоколов и умело его изображал на рояле. Так он подбирал колокольный звон Успенского собора, храма Христа Спасителя, других известных московских церквей. И как он слышал разницу в этих перезвонах!

Итак, в марте 1931 г. в Большом зале Московской консерватории исполнили "Колокола" Рахманинова. Свершилось чудо! Особой радостью были встревожены профессора Московской консерватории, давние личные друзья Рахманинова А. Б. Гольденвейзер, К. Н. Игумнов, А. Ф. Гедике и множество других. Дирижировал англичанин Альберт Коутс. Он был давним другом русской музыки. Еще в 1910 г. Коутс выступал в Мариинском театре в Петербурге. Дирижировал "Бориса Годунова" и "Хованщину" Мусоргского, при этом напомним, что "Борис Годунов" шел в постановке В. Э. Мейерхольда. Коутс

был первым исполнителем ряда произведений русских композиторов, в том числе оперы С. И. Танеева "Метель", которая была поставлена в Мариинском театре в 1916 г. При всей симпатии к России и при почете, которым он был окружен, Альберт Коутс не принял советскую власть и поспешил вернуться в Англию. Он быстро завоевал международное имя, участвовал в фестивалях, гастролировал по разным странам, пропагандировал русскую музыку. В 1926 г. он приехал в СССР, чтобы дирижировать концертами и оперными спектаклями. Каждый его новый приезд становился настоящим событием. Коутс высоко ценил Голованова и часто уговаривал его отправиться на гастроли в Европу и Америку. Голованов охотно принимал такие предложения, но никто не мог ему помочь в получении разрешения на выезд. Коутс абсолютно не интересовался советской идеологической политикой, он горячо и самоотверженно любил русскую музыку и никакого понятия не имел о пролетарских музыкантах. С его пожеланиями в выборе концертных программ были вынуждены считаться и, когда Коутс предложил исполнение "Колоколов" Рахманинова, никто не смог ему противостоять. И еще знали, что Коутс давний друг Сергея Рахманинова. Голованов активно помогал в подготовке исполнения "Колоколов". Коутс это ценил, особенно при разучивании сложных хоровых партий. Исполнение "Колоколов" стало сенсационным событием в московской музыкальной жизни. Нечего и думать было о возможности достать билеты. Но мне повезло. Голованов меня приглашал на репетиции "Колоколов" и дал пропуск на концерт. Ну, кто мог мечтать о таком благе! Успех концерта был поразительный. Незабываемый! Кого только не было в зале! Специально приезжали из других городов, чтобы послушать "Колокола". Поговаривали о явной необходимости повторить этот концерт множество раз. Но куда там! Слово взяла красносотенная "Литературная газета". 24 марта 1931 г. в "Литературной газете" появилась погромная статья "О чем звонят колокола?" Автор этой статьи музыковед-проститутка Даниэль Владимирович Житомирский. Он симпатизировал пролетарским музыкантам и был в ту пору еще студентом Московской консерватории. Уже в 1929 г. Житомирский стал подвизаться в печати. Писал типичную галиматью. Но она была нужна пролетарским

музыкантам. Вот ему и доверили трезвонить по поводу "Колоколов". Он написал такие слова: "На эстраде — симфонический оркестр, хор и заслуженные солисты. Обстановка торжественная. Исполняют знаменитые, как говорится, истинно-русские "Колокола". Это не просто симфония, это целая мистерия колоколов! Звучат сначала маленькие колокольчики. Затем начинается церковный благовест и православное свадебное ликование. На лицах слушателей умиление и восторг. Овациям нет конца. Кем организована среди бела дня в советской столице эта литургия? Кто автор этого произведения? Сергей Рахманинов — давно переживший себя певец крупно-купеческого и мешанского салона, крайне измельчавший эпигон и реакционер в музыке; он же — бывший помещик, возненавидевший Россию еще в восемнадцатом году, когда крестьяне захватили его имение, ныне белый эмигрант, заклятый враг советской страны. Автор текста — кликушествовавший декадент и мистик Бальмонт, тоже давно и прочно пребывающий в белой эмиграции". Житомирский по своей культурной малограмотности не знал, что Бальмонт был переводчиком текста Эдгара По. Но зато Житомирский знал, что исполнение "Колоколов" имеет "политический смысл". Так он написал далее: "Известно ли Большому театру о том, что именно об этих "Колоколах" упоминалось во время процесса Промпартии, как о произведении, символизирующем вожделем белых интервентов? Известно ли ему, что именно эти перезвоны рахманиновских колоколов облюбывал вредитель Чайнов в своей книге "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии"? Именно под эти звуки мыслил себе Чайнов празднество "возрожденной" кулацкой России. По этому поводу тов. Ярославский писал в статье "Мечты Чайновых и советская действительность", напечатанной в "Правде", что "Чаяновым не дождаться времени, когда народные массы будут слушать концерты на колоколах рахманиновской литургии" (цитирую по книге Михаила Корякова "Живая история 1917-1975", стр. 127-8). Я хорошо помню статью Житомирского. Помню и ужасающий резонанс, который она произвела. Помню, как больно переживал эту статью Голованов, оказавшийся после Сука главным лицом в Большом театре. Сваливать вину на Сука не решались. Нельзя было обижать и Коутса. Но на Голованове

можно было отыгаться. Вот и попробуйте в таких условиях просить визу на выезд за пределы СССР. Помню и процесс Промпартии, о котором мой дядя Юля говорил, что это театральный спектакль Сталина, который построен на фальсификации. На Арбатской площади демонстрировали кинохронику о процессе Промпартии с применением добавочных звуковых валиков, ибо еще не была разработана техника звукового кино. Помню, посетил кино вместе с Головановым и Неждановой. А по окончании сеанса Нежданова шутя сказала Голованову: "Ну, теперь, и тебя объявят вредителем". Запомнилось мне лицо и самого Житомирского, который чувствовал себя героем дня. По-разному относились к нему в консерватории, несмотря на засилие там пролетарских музыкантов. Одни смотрели на него с презрением, другие демонстративножимали ему руку. Некоторые называли его статью "его дипломной работой". Действительно, в 1931 г. он окончил консерваторию и его сразу же привлекли к преподавательской деятельности. Были и другие выступления в советской печати по поводу "Колоколов". Но "Литературная газета" превзошла их своим цинизмом. Сам Альберт Коутс, если не ошибаюсь, после такой обструкции быстро уехал из СССР и отказался от дальнейших приглашений. Как мне рассказывал Давид Ойстрах, встретившись много позднее с Коутсом в Англии у них зашел разговор об исполнении "Колоколов" в Москве. Коутс спустя много лет не мог забыть погромной статьи "Литературной газеты".

Каждое мое посещение квартиры Голованова обогащало меня новыми знаниями в области русской музыки. Почерпнуть подобные знания из советской печати было немислимо. Как жаль, что не было возможности все это зафиксировать на бумаге или в звукозаписи. И сейчас, по прошествии полувека приходится восстанавливать эти беседы. Голованов приглашал меня для репетиций к предстоящим концертам. Эти репетиции всегда сопровождались интереснейшими беседами и воспоминаниями. Да еще Нежданова отличалась любовью к воспоминаниям. А ей было что вспомнить. Бывало в квартире Голованова я встречал балерину Екатерину Васильевну Гельцер. Здесь же возникла идея о привлечении меня к участию в ее концертах. Гельцер очень дружила с Неждановой. По этому поводу был в Москве

афоризм: "Ничего неожиданного, Гельцер и Нежданова". Часто я приходил и к Blumenfeldу и рассказывал о беседах с Неждановой и Головановым. Blumenfeld, в свою очередь, добавлял порции воспоминаний. Все это я жадно впитывал и постепенно становился сведущим человеком в области музыкальной жизни. А однажды я застал у Blumenfeldа композитора Николая Сергеевича Жилиева. Он был редактором музыкального издательства и большим знатоком творчества Скрябина. Именно он опубликовал собрание сочинений Скрябина и еще неизвестную юношескую симфонию Дебюсси. Приходил он к Blumenfeldу советоваться по поводу разных изданий.

Помню Жилиев рассказывал Blumenfeldу о его посещении композитора Эдварда Грига в 1907 г. Еще я встречал Жилиева в квартире Голованова. Здесь было полное взаимопонимание в оценках творчества Рахманинова, Скрябина, Римского-Корсакова, Чайковского. И еще запомнился мне вечер в один из холодных январских дней в квартире Голованова, в 1931 г., когда стало известно о внезапной смерти Blumenfeldа. Из рассказов Жилиева я многое узнал о Blumenfeldе. Помню слова Жилиева: "Какая это незаменимая потеря". Траурный митинг, вернее панихида по Blumenfeldу, состоялся в Большом зале консерватории в Москве. Первое слово предоставили Голованову. Он прямо сказал: "уходят от нас лучшие люди". Голованов откровенно подчеркнул печальную судьбу русской музыкальной культуры, попытку ее сокрушить. Многие он не договаривал, но слушателям было все ясно. И мне в том числе. Я стоял рядом с Жилиевым. По окончании панихиды Жилиев мне сказал: "Слышал, что у тебя есть композиторские наклонности, Blumenfeld очень тебя хвалил. Заходи ко мне в издательство, а лучше на квартиру, спокойно разберемся в твоих композициях. Можешь доверять моему опыту, немало учеников воспитал. Правда, в прошлом году я ушел из консерватории. Уж очень мне не по душе все то, что там творится. Эти пролетарские музыкантики! А ты, случайно, не симпатизируешь им? Уж лучше от них подальше". Я заверил, что никаких симпатий к пролетарским музыкантам не имею. Наоборот, меня удивляет их успех. Неужели никто не в состоянии прекратить их преступную деятельность? Жилиев подтвердил, что многие видные

музыканты обращались с письмами к Сталину и Ворошилову, зывали к другим партийным лидерам. Но успеха не добились.

Невольно вспоминаю спектакль московского Мюзик-холла, что был когда-то на Садово-Триумфальной площади. Там шла пародия на песню Давиденко "Нас побить, побить хотели". Слова Демьяна Бедного "присобачивали" к музыке второй рапсодии Листа, к музыке Моцарта, Гайдна и других великих композиторов. А еще была в "Крокодиле" чудная карикатура, где великие композиторы хором исполняли песню "Нас побить, побить хотели". Голованов и Жилиев считали эту карикатуру гениальной. Говорят, что Рахманинов ее особенно ценил. Вообще Рахманинов был в курсе музыкальной жизни Москвы. Он часто переписывался с друзьями. Далеко не все письма Рахманинова можно публиковать, в иных были очень резкие суждения. Да я и не уверен, что уцелели эти антисоветские письма Рахманинова. Многие письма я видел своими глазами. Хорошо запомнил бисерный почерк Рахманинова, его подпись наискосок. Был в Москве некий Никитин, который собирал письма Рахманинова и состоял с ним в переписке. В этих письмах довольно красочно была отражена московская музыкальная жизнь. Особенно негодовал Рахманинов после статьи о "Колоколах" в "Литературной газете".

Каждый день моей жизни в Москве открывал мне много нового. Я узнавал неизвестные музыкальные произведения, встречался с интереснейшими людьми. Не только музыкантами, но и писателями и художниками. Все это обогащало меня. Особенно интересовался книгами. Случалось, что иногда удавалось добыть запрещенные в СССР книги. Мне давали читать, зная мое аккуратное обращение с книгами. Я хорошо понимал, что встречаясь с разными людьми я должен быть хорошо подготовлен для бесед, для обмена мнениями, должен быть в курсе событий, хорошо знать культурные ценности. Эта жажда знаний быстро превратила меня во взрослого человека. А я еще числился студентом консерватории и должен был посещать лекции по политическим предметам. Я умел не только зазубривать цитаты, но и критически их воспринимать. Научился и лицемерить, когда надо было рассуждать на политические темы. И все же я мог допускать вольности в суждениях. Благо, пионером я не был.

Не успели меня принять в пионерский отряд. Также не был и комсомольцем. Сумел улизнуть от такой необходимости.

Хотелось бы многое еще рассказать о Голованове. Но в будущих главах я непременно буду возвращаться к воспоминаниям об этом гениальном русском музыканте, сыгравшем в моей жизни важную роль.

Николай Сергеевич Жилев

Заполнив портфель своими композициями, я отправился на квартиру Николая Сергеевича Жилева. Ряд моих произведений уже смотрели Николай Яковлевич Мясковский, Сергей Никифорович Василенко, Рейнгольд Морицевич Глиэр, Блуменфельд, Голованов, Гедике, Михаил Фабианович Гнесин и др. Понятно, я уже знал оценку моих опусов. Она была единодушной. Но все же мне рекомендовали показать опусы Жилеву. Его мнение считалось исключительно авторитетным. Итак, мне посчастливилось познакомиться с Жилевым. Что я знал о нем? Говорили, что он в большой дружбе с Михаилом Николаевичем Тухачевским. Было известно, что Тухачевский пытался сочинять музыкальные произведения и брал уроки по теории композиции у Жилева. В годы гражданской войны (в 1918-20 гг.) Жилев работал библиографом при штабе Тухачевского. Сам Жилев по этому поводу говорил, что время было опасное и голодное, надо было как-то устроиваться. Одни композиторы поступали на службу в красноармейские клубы и там сочиняли солдатские песни, вроде "Марша Буденного" братьев Покрасс. Жилев при всем своем композиторском мастерстве не был способен на такое музыкальное подхалимство. Вот и устроился простым библиографом. Благо, культурный уровень Жилева был исключительно высок. Это был человек энциклопедических знаний, удивлявший многих ученых глубиной мысли. Квартира Жилева на Чистых прудах мне показалась собранием книжных сокровищ. Почти не было свободного места, с пола до потолка — ноты и книги. Если их расставить на библиотечных полках, они бы заполнили огромный зал. Протискиваясь, сквозь ноты и книги я добрался к роялю. Подобное столпотворение книг я встретил спустя 40 лет в Гейдельберге (Западная Германия), когда побы-

вал в гостях у профессора Чижевского.

Н. С. Жилиев был загружен работой до предела. И все же он нашел время познакомиться со мной поближе. Да еще пожелал, чтобы я захватил с собой скрипку и поиграл для него. Он взял в руки мой струнный квартет и, поставив ноты на рояль, легко и свободно читал с листа. Потом познакомился с другими композициями. Ни одного слова не сказал. А мое любопытство и нетерпение давало о себе знать. Пришлось самому задать вопрос. Жилиев, наконец, улыбнулся, а потом спокойно сказал: "Уж если я не прекратил играть твои композиции после первых тактов, да еще с интересом перелистываю страницу за страницей, значит, твои произведения достойны внимания". А потом он добавил: "Не люблю делать скидку на возраст, настоящий талант проявляется с детства". Так Жилиев стал рассказывать о ранних произведениях Моцарта, Мендельсона и других гениальных композиторов. Потом стал вспоминать Юлиана Крейна. Уже в 10-летнем возрасте он сочинял удивительные произведения в духе Скрябина. "Я добился, чтобы издали его детские опусы", — сказал Жилиев. И когда ноты были изданы, об Юлиане Крейне заговорили. На него возлагались огромные надежды. Под влиянием этих разговоров А. В. Луначарский решил отправить 13-летнего Юлиана Крейна в 1926 г. за границу для усовершенствования. У нас, как считал Луначарский, делать ему нечего, не у кого учиться. "Что же он теперь делает за границей?" — спросил Жилиев. А потом вздохнул и сказал: "Надо поговорить с его отцом, он больше знает. Главное, что уберег мальчика от пролетарских музыкантов и его не заставят писать массовые песни". Немного подумав, Жилиев сказал: "Вот и твои произведения издавать надо. Поговорю об этом с Мясковским. Но нынче у нас тяжелые времена. Пролетарские музыканты настолько захватили всюду власть, что нет возможности от них отбиться. Наше издательство бумагой не очень богато и все у нас в обрез. А вот массовые песни печатают миллионными тиражами. Да еще бесплатно раздают ноты на демонстрациях самодеятельным хорам. Нет возможности издавать и переиздавать нашу классику. Вот удалось мне протолкнуть произведения Мити Шостаковича. Гордиться бы надо таким композитором. Настоящий талант. А меня ругали, что я

не понимаю законы классовой борьбы и поддерживаю чуждую рабочему классу музыку. Для рабочих надо писать попроще, понятнее". После короткой паузы добавил: "Совращают с пути истинного нашу талантливую молодежь, и она растворяется в окружении бездарностей. Иные мнят себя гениями, а на самом деле никакого композиторского мастерства...". Вспоминая эти слова Жиляева, я невольно заглянул в юбилейную книгу "Московская консерватория 1866-1966", изданную в Москве в 1966 г. Здесь приводятся цитаты из высказываний А. В. Луначарского, который еще в 1926 г. предвидел вредные тенденции музыкальных нигилистов. Луначарский в журнале "Музыка и Октябрь" негодовал по поводу пренебрежительного отношения к классическим традициям великих музыкантов: "Отрыв от этих традиций приводит к варварству и крутому падению вниз. Учитесь внимательно, любовно и с уважением у великих и крупных, в том числе и у живущих. Учитесь у Мясковских, Крейнов, и если в эти чудесные формы, техническую тайну которых знают эти крупные художники, вы сумеете вложить ваш, новый жизненный ритм, когда, кроме молодого пыла, вы приобретете также необходимые знания и умение, то мы, старшие товарищи, с восторгом признаем сделанные вами достижения..." Но несмотря на предупреждение Луначарского, расцвет сорной агитмузыки стал принимать угрожающие размеры. Спустя два года в 1928 г., в журнале "Музыкальное образование" (№ 1, стр. 53), появилось новое предупреждение А. В. Луначарского: "Нельзя и не должно заменять подлинное искусство нехудожественными формами узко понимаемого агитационного искусства. Революция должна породить естественный плод, который произрастет на новой почве". Но трезвые рассуждения Луначарского не могли утихомирить опьяненных агитками. Профессор Константин Николаевич Игумнов с беспокойством наблюдал деятельность могильщиков русской музыкальной культуры. Жиляев мне рассказывал, что Игумнов ночами напролет с ним беседовал по поводу трагической судьбы русской музыки. Будучи директором консерватории, Игумнов сознавал возложенную на него ответственность. Но беспартийный Игумнов не мог сражаться с обладателями партийных билетов. Московская консерватория играла огромную роль в судьбе русской музыкальной культуры.

Но консерватория давно утратила свою автономию, ее делами занимались не только в Наркомпросе, но, прежде всего, высокие партийные инстанции. Поднял свой голос так называемый "рабфак". Сюда являлись возомнившие себя талантливыми музыкантами разнообразные авантюристы. Им давали стипендию, обеспечивали разными благами. Словом, им жилось неплохо. Не было никакого сравнения с работой на заводе с низкой зарплатой, с жизнью в бараках и в рабочих общежитиях, где условия напоминали тюрьму. Отсутствие музыкального таланта эти рабфаковцы подменяли окриками и доносами, занимая общественные посты и диктуя свои лозунги. Профессора Игумнова разносили в пух и прах, видели в нем человека несозвучного эпохе. И добились снятия его с поста директора консерватории. Наркомпрос назначил на пост директора некоего Болеслава Станиславовича Пшибышевского. Говорили, что он сын известного польского писателя. Еще говорили, что он проверенный коммунист и большой друг, в прошлом, самого Дзержинского. Его появление в консерватории вызвало явную настороженность. Уже в своих первых выступлениях на общих собраниях Пшибышевский наговорил множество дерзостей по адресу глубокоуважаемых музыкантов. Он не стеснялся в выражениях. Его придирки были фальшивы. Он стал проводить свои установки, которые ему были подсказаны в высоких партийных инстанциях. Я позволю себе снова обратиться к цитате из юбилейного сборника консерватории: "В эти годы директором Московской консерватории был Б. С. Пшибышевский, назначенный Наркомпросом. Новый директор оказался проводником распространенных в то время ошибочных левацких установок. Главной его ошибкой был отказ от основной задачи консерватории — воспитания квалифицированных профессиональных музыкантов. Взамен этого целью деятельности высшего учебного музыкального заведения ставилась подготовка руководителей и организаторов музыкальной самодеятельности. В связи с этим было произведено сокращение объема специальных и общих музыкально-теоретических дисциплин. Введение так называемого "бригадно-лабораторного метода" означало сведение на нет лекционной формы занятий и индивидуальной работы педагогов со студентами. Были отменены экзамены, и вместо них

проверка знаний студентов осуществлялась на основе годового учета их работы в своей "бригаде". Перед исполнительскими классами была поставлена задача осваивать репертуар, рассчитанный на запросы неподготовленной аудитории. Подобный же курс был взят и в композиторских классах. Положение здесь осложнялось тем, что Б. С. Пшибышевский постоянно вмешивался в деятельность педагогов и взял на себя руководство композиторской кафедрой, не будучи к этому подготовлен" (стр. 321). Понятно, что возникла конфронтация между Пшибышевским и педагогами. Пшибышевский увольнял неугодных, иных принуждал покинуть консерваторию добровольно. Так из консерватории ушли Глиэр, Жилиев, Мясковский и другие видные музыканты.

Пшибышевский заставил меня продемонстрировать ему лично мои произведения. Было организовано исполнение моего струнного квартета, который очень нравился Мясковскому. Терпеливо выслушав все четыре части квартета, Пшибышевский обрушился на меня всевозможной руганью. Получалось так, что я сочиняю музыку, которая не нужна рабочей массе, не имеет никакого агитационного значения. И еще государство должно мне за это платить стипендию. В кабинет директора был вызван композитор Александр Давиденко и ему было поручено мне "промыть мозги". А Давиденко даже позволил себе сказать в присутствии директора, что он уже предупреждал меня об опасном направлении моего композиторского творчества, но я не придавал его словам никакого значения. Пшибышевский сделал заключение: "Гнать надо из консерватории таких сволочей". После такой беседы с директором у меня было явно подавленное настроение. Я был готов навсегда убежать из этой консерватории. Благо, удержали меня мои друзья. А еще помогло то, что я помог одному из рабфаковских композиторов записать его песню. Он даже не был в состоянии занести на нотную бумагу свой примитивный мотив. И еще я сочинил какую-то массовую песню в духе Давиденко. Это было расценено как искупление моих грехов. Если не ошибаюсь, я написал песню на примитивные стихи А. Жарова. Эту песню слушал Пшибышевский в исполнении одной толстой певицы и был вполне удовлетворен. Мне восстановили стипендию. На одном из студенческих кон-

цетров исполнили эту песню, и я испытывал чувство стыда. В то же время я помогал безграмотным рабфаковцам сочинять музыку. Это считалось моей производственной практикой и общественной наградой. Несмотря на то, что Мясковский больше не преподавал в консерватории, я продолжал к нему ходить домой. Он занимался со мной бесплатно. Также поступал и Жилев со своими бывшими учениками.

Пшибышевский действовал довольно энергично, крепко взяв власть в свои руки. Никто не смел ему возражать. Хорошо помню полную растерянность многих студентов. Ведь они хотели посвятить себя музыке, а их толкали на заводы в качестве слесарей, деревообделочников, строителей, чернорабочих. Отказ от выполнения такого распоряжения мог иметь тяжелые последствия. Пшибышевский долго ломал голову над решением моей проблемы. Ведь мне было лишь 13 лет, на завод поступать рановато! Считали, что я должен играть на концертах и руководить самодеятельностью. Благо, я уже успел взять несколько уроков дирижирования. Только не знали, с каким репертуаром я должен выступать перед рабочей массой? Я предложил, что обращусь к аудитории и спрошу у "рабочей массы", какие произведения они хотят услышать. Но меня сразу предупредили, что надо подбирать произведения, которые отличаются революционным духом. Они должны отвечать духу "классовой борьбы". Первое произведение, которое пришло мне в голову, это — "Гавот" Госсекса. "Что это еще за гавот для рабочей массы", — возмутился составитель программы. По его мнению, гавот был пережитком феодализма и мог лишь исполняться во дворцах богатых помещиков-крепостников. Пришлось напомнить, что французский композитор Франсуа Жозеф Госсекс был убежденным республиканцем и участником французской революции и даже сам сочинял массовые песни. Сразу же взяли в библиотеке музыкальный словарь и там нашли подтверждение моим словам. "Ну такой гавот нам подойдет", — с облегчением сказал организатор концерта. Еще я вспомнил про этюды Крейцера. Обычно вспоминают имя забытого композитора Рудольфа Крейцера в связи с "Крейцеровой сонатой" Бетховена, т. е. с сонатой, которая была случайно посвящена Крейцеру. Еще вспоминают его "Этюды", которые являются благодарным

материалом для работы над техникой. Не могу утверждать, что произведения Крейцера отличаются красотой и изысканностью. А от учебных этюдов менее всего можно ожидать волнующие музыкальные образы. Но Крейцер также служил французской революции. Поэтому и его этюды сочли подходящими для "рабочей массы". Припомнил я "Фантазию на русские темы" Римского-Корсакова для скрипки с оркестром (есть переложение оркестровой партии для фортепиано). "Но Римский-Корсаков больше писал про царей, вспомните 'Царскую невесту', 'Сказку о царе Салтане', такой композитор нам не нужен", — последовало заключение. И тут я сразу объявил: "А вы забыли про 'Золотого петушка', где Римский-Корсаков высмеивает царя, да еще вспомните, что Римский-Корсаков был запрещен при царском режиме за свои революционные убеждения и он поддерживал революционное студенчество, за что был уволен из консерватории". Словом, репертуар был подобран. Мне указали адрес концерта, и я совместно с пианистом должен был явиться. Не помню точное название рабочего клуба. Давали в то время пышные названия. Скажем, пивоваренный завод имени Августа Бебеля, артель "Красная синька" и т. п. Рабочих насильно создали на концерт сразу же после рабочего дня, который был нелегким. Им бы домой пойти и поспать или чем-то развлечься. Но велели в приказном порядке явиться на концерт. Сперва морочили голову набившими оскомину массовыми песнями, потом читали какие-то стихи Демьяна Бедного. Ни названия, ни текста стихов я не помню, в зале было очень шумно, а чтец не был в состоянии перекричать толпу. Когда я вышел на сцену стало немного тише. Увидели мальчика со скрипкой. Я спросил у слушателей: "Что вам сыграть?". Сразу был ответ: "Барыню". Раздался дружный смех. Но я вполне серьезно заявил, что для сегодняшнего концерта я не успел разучить "Барыню", очень это трудно сыграть на скрипке, сыграю в другой раз. "А ты спляши", — последовал выкрик из зала. Но я не стал "полемизировать" со слушателями и сыграл "Гавот" Госсика. Понравилось. "Давай еще!" Решил сыграть "Фантазию" Римского-Корсакова. Но предварительно объяснил, почему это произведение называется фантазией, рассказал о композиторе. Успех был большой. Да еще я почувствовал, что можно легко найти контакт с аудито-

рией и нечего подделываться под вкусы примитивных составителей концертных программ. Помню, подошел ко мне один инженер и прямо сказал, что хорошую музыку легко понять и надо воспитывать здоровый вкус, а от массовых песен уже тошнит.

Практически я приходил в консерваторию лишь для посещения ненужных мне политических предметов. Никаких музыкально-теоретических предметов не было в учебном плане. Индивидуальные занятия по классу скрипки проходили на квартире моего педагога профессора А. И. Ямпольского, жившего на Арбате. Со своими музыкальными произведениями я приходил на дом к Мясковскому и Жиляеву. Приходилось рассказывать Жиляеву о консерваторской жизни. Часто вспоминали Пшибышевского. В консерватории его не любили, за исключением нескольких подхалимов и авантюристов. Рождались разнообразные клички для Пшибышевского. Сам Жиляев его называл "Пшик". А иногда и "Психачевский", но в консерватории его называли "Вшивыйшевский", "Сумашевский", "Пшихопат", "Пши крев", "Унтер Пшибышевский", "пролетарская дупа" (намекая на его польское происхождение). Кто-то на литаврах нарисовал лицо Пшибышевского и, как мне говорили, литаврист охотно бил его по морде.

Музыкальная общественность Москвы забила тревогу. Писались коллективные письма, которые направляли на имя Сталина. Пшибышевского откровенно называли вредителем. Помню, и я многократно подписывал такие письма. Жиляев всячески старался, чтобы они попали лично в руки Сталина. Но ничего не помогало. Тухачевский не брался лично говорить со Сталиным, он уверял, что будет лишь хуже. Сталин не любил Тухачевского. Сталин не любил Мейерхольда и затаил против него чувство мести. Так уверял Жиляев. Говорить с Ворошиловым бесполезно. Пролетарские музыканты сочиняли плохие песни о наркоте Ворошилове, и их настойчиво поет миллионная орава самодеятельных глоток. Да еще солдатня под них шагает. Также и про Буденного есть песни. Устроили Жиляеву свидание со всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининным. Более двух часов длилась беседа. А потом Калинин заявил, что он в музыке совсем не разбирается и ничего худого в том нет,

что пишут песни для рабочей массы, это дело полезное и нужное. Устроили Жилиеву свидание с Анастасом Ивановичем Микояном. Он внимательно выслушал все доказательства вредительской деятельности Шибышевского и обещал поговорить со Сталиным. Да еще обещал посоветоваться с Максимом Горьким. Оказалось, что многие уже обращались к Микояну и он выжидал удобный день для беседы. Обращались к Микояну известные писатели, художники, артисты, ученые. Спустя некоторое время Жилиеву стало известно содержание беседы Микояна со Сталиным. Жилиев очень образно пересказал придуманное им содержание беседы. Микоян: Понимаишь, Коба, полный бэспарадок в лытератури и в ыскусствы. Сталин: Нэ можит быт у нас бэспарадок, партия зорко слэдыт за лудмы. Микоян: А по-моему полный бэспарадок. Я тэбэ докажу. Вот, сматры, ест пэсны про Ворошилова, ест про Буденного, а про Микояна ны одной пэсни нет. Какой же это парадок? Пачему падрывают мой авторытэт? Пачему паэты и кампазыторы не пышут пэсни про Микояна? Сталин: Ты хочешь сказать, что нэ пишут пэсни про Сталина? Микоян: Ты хорошо мэня панымаешь с полуслова. Вот, вазми нашу пралэтарскую лытературу. Про Чапаева пышут, про Фрунзэ пышут, много пышут про Ворошылова, про Буденного, про Лэнина. А разве я нэ совершал подвиги? Сталин: А ты увэрен, что про Сталина нычего не пышут? Микоян: А разве тебэ нэизвестно про это?

После беседы с Микояном Сталин велел навести соответствующие справки. Донос Микояна подтвердился. Тут еще донесли, что пролетарские писатели ведут себя высокомерно, преследуют инакомыслящих. Да и к Демьяну Бедному переменялось у Сталина отношение. Не выслужился как следует. Да и пора изменить отношение к так называемым попутчикам, то есть к тем, кто не входит в ассоциацию пролетарских писателей. Борис Пастернак и Алексей Толстой кое-что подсказывали в своих письмах. Уже и за границей шумят по поводу пролетарской паутины в литературе и в искусстве. Наконец, Сталин решил разгромить ассоциации пролетарских писателей, художников и музыкантов. 23 апреля 1932 г. грянул гром. Появилось постановление ЦК ВКП(б) "О перестройке литературно-художественных организаций". В постановлении прямо указывалось:

”ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей”; ”объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем”; ”провести аналогичное изменение по линии всех видов искусства”. Но еще до этого постановления Шибышевского убрали из консерватории. Массовые протесты, да еще заграничные отклики возымели действие. Наркомпрос рассмотрел жалобы и вынужден был реагировать. Но оставались у власти пролетарские музыканты. Постановление ЦК превратило этих удавов в волков. Было создано оргбюро союза композиторов. Наконец прекратились преследования ”попутчиков”. Композиторам обещана поддержка. Давиденко уезжает в совхоз Гривцево Ленинградской области. Он задумал взять реванш и там пишет большое вокально-симфоническое произведение ”Красная площадь”. В письме к своему другу Давиденко сообщает: ”Внимательно изучаю партитуру ”Жизни за царя”. До чего гениально, до чего просто и музыкально. Думаю, зимой нам из русских композиторов нужно детально проштудировать троих: Глинку, Чайковского и Стравинского”. Это письмо было опубликовано после смерти Давиденко (умер 1 мая 1934 г.) в журнале ”Советская музыка” в 1935 г. (№ 4). Поздновато схватился Давиденко за изучение классиков. Помню его собственноречивые высказывания, в которых он бессовестно ругал Стравинского. Помню тяжеловесный каламбур Давиденко про Стравинского: ”Его ’Петрушка’ несъедобна для рабочего класса, а его ’Соловей’ каркает вороной”. А чего стоило мнение Давиденко о Чайковском, которого он считал певцом мещанского салона и обвинял композитора в упадничестве.

Не сразу консерватория залечивала свои раны. Одно время Московскую консерваторию перекрестили в ”Высшую музыкальную школу имени Феликса Кона”. Для большего удобства произношения говорили ”Конская школа”. Непонятно, за какие заслуги консерватории ”присобачили” имя никому неведомого Кона, никакого отношения к музыке не имевшего. Да еще говорили, что у него вовсе нет музыкального слуха и кто-то слышал, что он ужасно фальшиво пел ”Интернационал”.

Как говорил Жилиев, нельзя было называть ”консерватория

имени Кона". Получалось, вроде, масло масляное. Злые насмешки и анекдоты доходили до правительственных чиновников и кто-то приказал трубить отбой. "Конскую школу" расформировали и воскресили консерваторию. Говорят, что Станиславский, немало приложивший стараний для воскрешения консерватории, кому-то сказал правду в глаза. Константин Сергеевич отличался прямоотой характера. Он не боялся ставить в Художественном театре произведения Достоевского, хотя они были не по вкусу Максиму Горькому и Сталину. Не боялся защищать Булгакова и других опальных писателей. Внешне он казался наивно мягким, не от мира сего, но на самом деле он умел призывать людей "шевелить мозгами".

Живя в квартире дяди Оли, который занимал ответственную должность, я краем уха многое слышал. А частые посещения Жилиева держали меня в курсе событий. Квартира Жилиева становилась как бы вторым моим домом. Особенно после переселения в общежитие всей нашей семьи, за исключением сестры. В студенческом общежитии было тесно, да и не было возможности упражняться на скрипке. Со всех концов слышны звуки медных инструментов, которые заглушали слабый голос скрипки. А уж как затянут тромбонисты или трубачи свои длительные ноты, да еще не в унисон, только и оставалось затыкать уши. В консерватории трудно было найти свободный класс. Даже многие педагоги вынуждены были вести занятия с учениками у себя дома. Я рад был возможности остаться на несколько часов в квартире Жилиева, когда он уходил в музыкальное издательство, и разучивать здесь новые произведения. А еще мне было радостно поиграть Жилиеву и услышать его критические замечания. Сам Жилиев мне однажды признался, что он с удовольствием со мной беседует и видит во мне взрослого человека. Помню, Жилиев без тени смущения сказал: "Раз ты играешь 'Чакону' Баха, да еще понимаешь, о чем в нотах рассказывается, значит, ты кое-что в жизни понимаешь и от тебя не может быть никаких секретов". Не раз я слышал восторженные слова Жилиева о "Чаконе" Баха. По его мнению, в этой "Чаконе" он слышал трагические слова Шекспира. А еще он с удивлением говорил: "Вот при жизни Баха не знали автомобилей с отравляющими газами, не мчались в поездах и само-

летах, не знали граммофонных пластинок, не пользовались электричеством, а какую музыку творили! Когда я слышу "Чакону", забываю все на свете, забываю, что ее играют только на четырех струнах! Я слышу настоящие человеческие голоса, и они мне рассказывают о своем горе, о своей жизни". После такого определения "Чаконь", мне невольно хотелось найти оправдание словам Жиляева и постараться их претворить в своей игре.

В гости к Жиляеву приходили многие известные музыкальные деятели. Я уже не говорю о тех, кто никакого отношения к музыке не имел. Круг друзей Жиляева был исключительно разнообразен. Так раз пришел к нему известный радиоинженер. Фамилию забыл. Тут я впервые услышал слово "короткие волны". Жиляев стал верить, что в каждом человеке есть скрытая радиостанция и только надо уметь настроиться на ее волну. Гипнотизеры бродят вокруг да около. Некоторые умудряются угадывать мысли на расстоянии. А когда-нибудь откроют тайны этой живой радиостанции. Но сперва будут пользоваться механическими приспособлениями. Радиоинженер слушал фантастические размышления Жиляева с большим интересом и говорил, что это вполне возможно. А с одним врачом Жиляев разговорился о проблемах памяти. Жиляев доказывал, что существует два рода памяти: сознательная и механическая. Чтобы доказать свою теорию, Жиляев предложил мне играть по памяти кое-что из Баха и одновременно читать книгу. Я исполнил это желание. Прочитав две страницы из книги я должен был рассказать, о чем там было написано. К удивлению моему и присутствующих я в точности передал содержание страниц из книги, даже отдельные реплики повторил. Правда, я не слышал в точности свою игру, хотя исполнял без ошибок, но не помнил, насколько выразительно исполнял, с какими нюансами. Знаменитый московский врач-невропатолог был восхищен опытом Жиляева и с интересом слушал его объяснения. Врач назвал Жиляева гением, вторым Леонардо да Винчи. Словом, я много пользы извлек из бесед Жиляева со своими знакомыми. Но мое внимание останавливалось больше на знакомстве с известными музыкантами, особенно из числа профессоров Московской консерватории. Так у него в квартире я увидел композитора

Александра Васильевича Александрова. Я знал, что он ведет в консерватории курс теории музыки, да еще руководит хором. Как композитор он мне был неизвестен. Говорил Александров высоким голосом, но довольно тихо. В прошлом он изучал искусство пения у самого Мазетти и, говорят, у него был хороший лирический тенор. Жилев предложил мне сыграть для Александрова. Конечно, я должен был играть "Чакону" Баха. Сыграл. Александров понравилось мое исполнение. Даже поцеловал меня. А потом проговорил: "Послушай, милый человек, да ты знаешь секреты скрипичной игры, даже взволновал меня. А редко это случается. С умом играешь, да еще с душой". Потом Александров вспомнил, что есть у него скрипичная соната. Еще в 1913 году ее сочинил. Но ноты были утеряны и пришлось заново ее вспоминать. Так в 1924 г. появилась 2-я редакция этой сонаты. Ее неоднократно исполняли и в 1928 году издали в Австрии, в издательстве "Универсаль". Мне были обещаны ноты и даже Александров обещал устроить мое выступление по радио. Жилев стал расхваливать эту сонату и доказывал, что ее надо играть. Тут же он добавил: "Александр Васильевич не только солдатские песни умеет писать, но еще и в сонате знает что сказать". Без стеснения стал расхваливать Жилев поэму Александрова под названием "Христос воскрес". Мне казалось, что я ослышался. Долго я ловил себя на мысли, что неверно понял. Не раз переспрашивал Жилева об этой поэме, а он мне вполне серьезно говорил, что она так и называется "Христос воскрес". Помню, я рассказал Дмитрию Шостаковичу, что у Александрова есть такая поэма, он не поверил. Да еще обиделся на меня. Жилев любил шутить, любил розыгрыши. Неужели он пошутил? Когда я рассказывал об этой поэме Хачатуряну, он рассмеялся и заметил, что не может быть, чтобы один и тот же композитор писал гимн Советского Союза и одновременно был автором поэмы "Христос воскрес". Эти ноты я не видел, да о них нигде и не упоминалось в списке произведений Александрова. И вдруг, в моих руках небольшая книжка под названием "А. Александров. Нотобиблиографический справочник". Составил книжку Юрий Александрович Александров, один из сыновей Александра Васильевича. Выпустило книжку издательство "Советский композитор", в Москве в 1980 году. В книжке

всего 56 страниц. И на странице 26-й черным по белому написано: "Христос воскрес" — поэма для солистов, хора, оркестра и органа. Автор текста Д. Мережковский. Создано это произведение в 1921 году, т. е. спустя четыре года после октябрьского переворота. Любопытно, что рядом с этой поэмой упоминается произведение Александрова "Кантата о Сталине". Чтобы не было никакого сомнения в существовании поэмы "Христос воскрес", она снова упоминается на 15-й странице, но тут указано, что это произведение не издано. Еще бы! Так и лежит эта рукопись в шкафу, который, возможно, закрыт на ключ. И еще остался в рукописи другой опус Александрова. Это еврейская религиозная песня "Гут пурим". Сделан этот опус для хора без сопровождения. Словом, можно исполнять в синагоге. Но, кажется, никто еще не решился исполнить этот "Гут пурим".

В 1928 году поручили автору поэмы "Христос воскрес" создать при доме Красной армии небольшой хоровой ансамбль, которому велели петь солдатские песни. Конечно, знали, что Александров долго управлял церковным хором и на этом поприще обрел известность. Профессор Московской консерватории Александр Александров охотно принял предложение "спеться с солдатами". Правда, репертуар был необычный. Вместо "Херувимской" надо было исполнять "Марш Буденного", "Песню о Чапаеве" и еще песню со странным названием "С помещиком, банкиром". Помню, пригласил меня Александров послушать его "поющих солдатиков", получающих комсоставский паек и одетых в нарядное обмундирование. И эти солдатики пели песни с названием "Гимн пятилетке", "С партизанами шутки скверны", "Весь восток охвачен пламенем", "Тот, кто любит власть советов". Александров доказал, что при получении разных благ, можно "полюбить" власть советов. С мелодией все сойдет. После ликвидации ассоциации пролетарских музыкантов заведование солдатскими песнями перешло в руки А. В. Александрова. Профессор Александров умел разбираться в обстановке. Так уже в 1933 году появляется концертный монтаж из песен под названием "Поэма о Царицыне". Здесь есть песня под названием "Сталинская". Так в 1933 году Александров открыл список музыкального славословия Сталина. Это уже была не конница Буденного, как у пролетарских музыкантов, а

настоящий ход конем. Сам Сталин высоко оценил эту инициативу. Александров стал наилучшим другом Сталина и ему была оказана высокая честь принимать участие в попойках в обществе вождя. В 1937 году, когда свирепствовал сталинский террор, Александров сочинил новую "Песню о Сталине" и, конечно, на слова С. Алымова. Сотрудничество Александрова с Алымовым началось еще в 1929 году и поэт легко приспособился к подбору нужных словоизлияний.* Тот же Алымов сочинил для солдатского ансамбля "Песню о Павлике Морозове" и Александров услужливо подобрал для нее нужные ноты. В дальнейшем Александров воспел деспота в "Кантате о Сталине", потом в "Гимне партии большевиков". Композитор Лев Книппер мне по своему разъяснял этот гимн. По его мнению, Александров сделал хитрую маскировку. Когда поют слова "Партия Ленина" — звучит мажорный лад, а при словах "Партия Сталина" — минорная мелодия, да еще на терцию ниже. Вот если бы знал Сталин про эту хитрость, пришлось бы композитору дорого за это заплатить. Берия объявил бы Александрова белогвардейским регентом и японо-немецким шпионом. Но никто об этом не догадался. Неоднократно Жилиев вспоминал сына Александра Васильевича Александрова Бориса. Внешне он очень напоминал отца. Но Бориса считали очень талантливым и многообещающим композитором. Он окончил Московскую консерваторию по классу композиции у знаменитого Р. М. Глиэра. Да еще хорошо себя зарекомендовал своими двумя симфониями, концертом для фортепиано с оркестром и камерной музыкой, даже в современном духе. Его успех привлек внимание. И гордый папаша неожиданно заявил: "боюсь, что в самом скором времени я буду напоминать отца композитора Мендельсона, которому говорили сперва, что он сын знаменитого философа Мозеса Мендельсона, а потом он стал отцом знаменитого композитора". Но Александр Васильевич мог не

---

*Нельзя не вспомнить, что С. Я. Алымов бесстыдно приписал себе авторство текста партизанской песни "По долинам и по взгорьям", который был фактически сочинен поэтом П. Парфеновым. Об этом уже не раз говорили даже в советской печати.

беспокоиться. Его сын Борис, хоть и был автором оперетты "Свадьба в Малиновке" и ряда других оперетт, он все же не пошел по стопам отца. Еще в 1929 г. он стал дирижером в ансамбле отца, а позднее получил должность заместителя начальника по музыкальной части. Начальником, естественно, был отец. И еще одного сына пристроил в своем ансамбле знаменитый папаша. Речь идет о Владимире. Он был неплохим композитором, написал балет "Золотая рыбка". Правда, он не смог конкурировать с популярным балетом Минкуса того же названия. Также не смог он конкурировать со знаменитым русским композитором Николаем Черепниным, создавшим свой балет "Золотая рыбка". Балет Черепнина был исполнен в Америке в постановке М. Мордкина с декорациями Судейкина. Писал Владимир и другие произведения в разных жанрах. Но отец его назначил руководителем и дирижером оркестра при ансамбле. Ему дали воинское звание, и это было надежным "куском хлеба".

Но оставим в покое семейство Александровых. Хочу вернуться к Жиляеву. С ним часто заходил разговор о Тухачевском. Историю знакомства Жиляева с Тухачевским я так и не узнал. Но знал, что Тухачевский очень любит музыку, сочиняет музыкальные произведения, играет на скрипке и даже сам делает скрипки. Знал я, что Тухачевский очень дружит со скрипачом Дмитрием Цыгановым. Часто бывали у него Михаил Эрденко, Мирон Полякин, Давид Ойстрах, Борис Сибор и другие. Зная, что Эрденко не раз играл для Льва Толстого, Тухачевский заставлял его играть именно те произведения, которые любил писатель. Это означало, что надо было играть "Кол-нидрей" Макса Бруха. Удивительное дело, когда заходит речь о Брухе. Его почему-то считают евреем. Для этого, казалось бы, есть основания. Так Брух создал сборник еврейских песен, обработал для хора и оркестра "Еврейские напевы" Дж. Байрона. Наконец, он написал "Кол-нидрей". И еще в его некоторых произведениях находят еврейские народные интонации. Но Макс Брух был по национальности чистокровным немцем. Он глубоко интересовался фольклором разных стран. Даже русские народные песни обработал для скрипки и фортепиано. Я их играл в концертах. Помню, одна из его песен

называется "Песня заключенного" (по-немецки Lied des Gefangnen). Мне почему-то не разрешили ее исполнять в открытых концертах. Но я возражал и указывал, что большинство популярных советских эстрадных певцов исполняют блатные песни воров и проституток и никто не возражает. Мои доводы никого не убеждали. Однажды Жилиев мне сообщил, что Тухачевский очень мною заинтересовался и просит прийти к нему. Мне не верилось, что Жилиев говорит правду. Не раз он меня разыгрывал. И все же это была правда. В один прекрасный день у дома, где жил Жилиев, стояла большая автомашина. Она принадлежала Тухачевскому. Жилиев вместе со мной уселся в машину, и вскоре мы оказались в гостях у Михаила Николаевича. Жилиев чувствовал себя здесь свободно, словно у себя дома. Сперва я познакомился с членами семьи Тухачевского. Сам Михаил Николаевич был чем-то занят и долго не выходил из рабочего кабинета. Пока Жилиев беседовал с членами семьи, я с любопытством рассматривал книжные полки, которые пронизывали квартиру с пола до потолка, лишь уступая место картинам или гобеленам. Без труда я обнаружил на полках довольно много эмигрантской литературы из капиталистических стран. Такие книги не были доступны простому смертному, они относились к категории запрещенных книг. Но для Тухачевского не существовало понятие "запрещенные книги". После некоторого ожидания вышел к нам Михаил Николаевич. Рядом с ним был Николай Ильич Подвойский. Внешне Подвойский был удивительно похож на Дзержинского. Самый настоящий двойник. Подвойский, как мне сказали, имел какое-то отношение к искусству. По поручению Луначарского Подвойский заботился о бытовом устройстве Айседоры Дункан, в период ее первого приезда в СССР. Потом мне сказали, что Подвойский руководил взятием Зимнего дворца. Правда, впоследствии Жилиев мне доказывал, что это вранье, никаких боев не было. Просто на ночь ушла охрана из Зимнего дворца и большевики легко сумели ночью ворваться в это помещение. Но версия о боях упорно поддерживалась. Даже дочь Подвойского Лида мне не раз говорила о героических сражениях в Зимнем дворце. Но все это говорилось позднее. А сейчас стоял предо мной сам Подвойский в натуральную величину, и я должен был верить, что

он героическая личность. Некогда было рассуждать. Появление Михаила Николаевича обозначало приглашение к столу. Нет надобности рассказывать насколько он был обильно нагружен яствами. Но меня они не очень привлекали, и я мог доказать, что не явился из голодного края. Во время ужина мне было предложено взять скрипку и "что-то сыграть". Жилиев предложил исполнить партитуру Баха для скрипки соло. Тухачевский отставил в сторону еду и слушал меня с большим вниманием. После Баха я сыграл несколько каприсов Паганини. Мне аплодировали. Тухачевский очень меня хвалил. Так началось мое личное знакомство с Тухачевским. В этот вечер я не очень долго засиделся у него. Он был чем-то занят. Но обещал меня опять пригласить к себе.

Была подана машина и меня торжественно отвезли на Дмитровский переулок, где помещалось студенческое общежитие. Рядом со мной в машине находился Жилиев. Он неожиданно спросил:

"Ведешь ли ты дневник?"

"Когда-то вел, а потом забросил".

"Обязательно надо вести дневник".

"А что записывать?"

"Ну, хотя бы, сегодняшнее свидание с Тухачевским".

"Но он мне ничего интересного не рассказал".

"Ты не знаешь его характер. Вроде бы холоден на вид, а на самом деле наоборот, очень страстный. Уж я его хорошо знаю. Если кого полюбит, примет близко к сердцу. А я чувствую, что ты ему понравился".

"Но он мне ничего не сказал, кроме нескольких вежливых слов".

"Не торопись, еще скажет, еще успеет тебе надоест".

"Он мне даже не показал скрипку Страдивариуса".

"Покажет, непременно покажет, об этом не тревожься".

"А мне сегодня хотелось ее увидеть".

"Разве ты не держал в своих руках хорошие скрипки?"

"Конечно, играл на знаменитых скрипках, даже один Страдивариус пробовал".

"Сегодня Михаил Николаевич был очень занят, много у него неотложных дел, в другой раз выберет побольше времени. Глав-

ное, что он тебя слышал и имеет о тебе понятие. Да и мне он на ухо шепнул, что ты ему понравился”.

Часов в 9 вечера я уже входил в общежитие. Никто не обратил внимание, что меня доставили в правительственной автомашине. Мой младший брат уже спал, а мамаша была занята приведением в порядок нашего белья. Хотелось мне рассказать о своем визите к Тухачевскому, но воздержался. Мамаша знала, что я самостоятельно посещаю концерты, бываю в гостях у разных лиц. Практически я вел независимый и самостоятельный образ жизни. Я мог не явиться ночевать в общежитие. Но мамаша знала, что со мной все в порядке. Где-то я ночую у солидных людей. Явную тревогу вызывало само пребывание в общежитии. Никакой надежды не было на получение отдельной комнаты, даже в том же общежитии. Обсуждался вопрос о возвращении в Одессу. Поговаривали, что консерватория ничего не может дать. Мой отец жил в Одессе и сохранял нашу комнату. Он бешено работал, чтобы наскрести денег для нас. Моя стипендия была мизерная, а за концерты часто платили лишь благодарственными бумажками, которые полезнее было бы использовать в туалетной комнате. Все же случались отдельные концерты, где кое-что платили. Голованов рекомендовал меня для участия в концертах. А еще он обещал устроить гастрольные концерты.

Но свет не без добрых людей. Помогли снять угол в частной квартире на Тверской (ныне ул. Горького), а потом мы поселились на Малой Бронной. Недалеко от нашей квартиры жила знаменитая певица Валерия Владимировна Барсова. Я случайно с ней познакомился на улице. Она увидела мальчика со скрипкой и сама заговорила. Последовало приглашение к ней. Обстановка была изумительная. Настоящий музей. Уже при первом посещении квартиры Барсовой неожиданно явился к ней Голованов. “Старый мой знакомый уже здесь”, — весело заявил Голованов. Он наговорил много любезных слов и предложил Барсовой, чтобы она непременно меня приглашала на концерты. Конечно, речь шла не только о сольных концертах Барсовой. Она принимала участие в разных сборных концертах. На афише перечислялись имена множества знаменитых артистов. В один вечер можно было познакомиться с искусством многих арти-

стов. Такие концерты называли "сборной солянкой" или "винегретом". Барсова позаботилась о приглашении меня на постоянную работу в концертный отдел ЦДКА, где работал известный администратор (мэнэджер) Ханцин. Так я получил работу. Барсова на этом не успокоилась и настояла, чтобы меня приняли в 1932 году в качестве солиста в Гастрольбюро. Меня стали приглашать на гастрольные концертные выступления в разных городах. Правда, еще не было у меня паспорта, который бы удостоверял мою личность. Паспорта выдают лишь с 16-летнего возраста. Но все улаживалось вполне благополучно. В сотрудничестве с хорошими пианистами я стал набирать солидный репертуар. Приходилось участвовать в разнообразных программах. Часто просили сыграть что-нибудь полегче. Но у меня был упрямый характер, и я играл классическую музыку. Конечно, трудно было сконцентрировать внимание слушателей после артистов оперетты или фокусников, но я умел находить контакт с публикой и мои выступления имели успех.

Едва оканчивалась одна поездка, начиналась другая. У меня появились деньги. Я мог себе позволить позаботиться о хорошей одежде. Но вместе с этим я терпел большие музыкальные убытки. Мое развитие останавливалось, я превращался в музыкального робота, который должен был постоянно выполнять одно и то же. Да и скитальческий образ жизни давал себя знать. Надо было найти выход из тупика.

(Продолжение следует)

Михаил Гольдштейн

СКОРО ВСЁ УВИДИМ БЕЗ ТЕЛЕВИЗОРА

Всякую минуту, что мы живем, — не менее одной страны (иногда сразу две-три) угрызается зубами тоталитаризма. Этот процесс не прекращается никогда, уже скоро 40 лет. Но включайте телевидение любой западной страны, раскрывайте любой западный журнал, газету — они полны цветущих улыбок, от вождей государств до рядовых обитателей. Каждый день уменьшается остров западного мира, над ним нависают ракеты, в нем наверчивается осатанелая спираль инфляции, на каждом шагу в мирной жизни рвутся бомбы, стачка ОПЭК грозит оставить без топлива, мир катится в уже не скрытую пропасть, — а Запад цветет улыбками. Да ведь их отрабатывают еще у детей как правило социального кода. Американская, например, молодежь признает только принцип "о-кей!" и веселиться, а если кто пожалуется о сомнениях или заботах — значит он порочный неудачник. Вот эти не сходящие с лиц улыбки в сегодняшнем западном мире пугают меня, кажутся мне знаком потерянности. Надрывное желание всегда выглядеть веселым — унинительно и опасно для человечества. Нас, на Востоке, инерция страдательных десятилетий давно отучила от внешне-радостного вида. Наши лица перед фотоаппаратами остаются такими же осунутыми, как и в жизни.

Всякую минуту, что мы живем, — где-то на Земле одна-две-три страны внове перемальваются зубами тоталитаризма. Но не поняв этого ужаса и не желая помочь отбиваться от него — лишь посылают туда телевизионных операторов, чтоб они фильмировали эту кровь, пот и слезы, передавали агонию страны, а мы

Редакция хочет подчеркнуть, что с этой статьей А. И. Солженицына редакция "Нового Журнала" полностью согласна. *РЕД.*

Copyright by "Express". A. Soljenitzin.

бы в своих удобных гостиных рассматривали бы их. Телевизионные предприниматели, вот и голландские в Сальвадор, посылают операторов не для того, чтобы выяснить объемную истину и жестокою угрозой своей же цивилизации, но — как недавно и американские телекомпании во Вьетнам — чтобы доказывать недобросовестно, однобоко, что это гиблое правительство, полно недостатков, и не надо его поддерживать. Странно: отчего же тогда не шлют фильмировать никарагуанские аэродромы, концлагеря, или как сандинисты выкуривают и сжигают индейцев? Потому что их туда никто не пустит — и они сразу смиряются. И едут подсматривать с открытой стороны. И скандалить о каждом замеченном промахе или пороке.

Несчастные эти правительства — уже сорок их прошло и кауноло! — обреченные коммунистами в жертву: подрываемые безжалостной тоталитарной бандой — они обязаны перед лицом террора той банды демонстрировать изошренное демократическое балансирование, иначе именно ИХ, а не террористов освищет вся мировая медиа, весь тот мир, который должен был бы стать их союзниками, но спешит утопить их. Утопить — и в форме обманных "переговоров", как мечутся сейчас мексиканские и французские не унывающие миротворцы, забывшие все уроки 65 лет: такие "переговоры" на время — как раз то, что и требуется коммунистам, чтобы прикрыть обманными обещаниями свое убивающее проникновение. Но нигде на Земле коммунисты никогда не были остановлены переговорами — и всегда выигрывали от них. (Хоть и вспомните бессмертные переговоры Киссинджера с Северным Вьетнамом.) И — как с демократическим сознанием можно предлагать законному правительству переговоры с мятежниками?

Сегодня победное наступление коммунизма отчетливее всего видно в Центральной Америке. Но отдав когда-то без всякого сопротивления Кубу (а через Кубу — Анголу и Абиссинию), а сандинистам даже помогав американским сочувствием и деньгами, теперь — для Сальвадора, Гондураса и Гватемалы можно выдвинуть идею благородных переговоров с обманщиками. И снова подымаются и стройнеют ряды американских пацифистов, не ощущая за плечами мешка так безмозгло проигранного Индо-Китая: "только не вмешательство! только не разре-

шить одному советнику взять с собою в джунгли одну винтовку! Еще рано вмешиваться нам!” И так — они будут удерживать свое правительство и сами отступать до тех пор (уже скоро), когда коммунисты дойдут до границы Техаса. А тогда — уже слышу, как они взвоят: “А теперь уже поздно, все упущено! Мы не можем мобилизовать американскую молодежь. Надо — сдаваться...”

Коммунисты везде уже на подходе — и в Западной Европе и в Америке. И все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят без телевизора и тогда поймут на себе — но уже в проглоченном состоянии.

И какое было бы удобство для Франции и Англии, если бы телевидение уже оперировало в 1918 году! Троцкий в свою армию, разумеется, не допустил был ни одного, — и не просились бы и не обижались бы. Не увидели бы их объективы, как он громил жителей Ярославля химическими снарядами и интернациональными отрядами, как расстреливал без суда восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Но зато как бы они нахлынули к Деникину и Колчаку, с какой жадностью ловили бы их каждый недемократический шаг, и своими репортажами быстрее бы облегчили западноевропейскую совесть, почему правильно — не помогать и изменить своим недавним союзникам по войне.

Но я так пишу о новейшей русской истории, как если бы на Западе ею (а не прикремлевскими сплетнями) интересовались и знали бы ее. После прошлой моей статьи в “Экспрессе” совсем не рядовые по кругозору французы спрашивали: о каких военнопленных я пишу, что они помогли установить коммунистическую власть в России? Да о тех военнопленных из войск центральных держав, которые были после октябрьского переворота не только освобождены, но получили право полного гражданства в стране своего пленения, то есть распоряжаться жизнью чужой страны — и активно увлекались в ряды Красной армии, так что скоро в 90 городах России уже стояли из них оккупационные интернациональные гарнизоны — это в пору полной демобилизации самой русской армии.

Много лет все усилия коммунистического аппарата были направлены скрыть от народа нашей страны (и от Запада) память об

истинном ходе событий в начале XX века, и особенно за годы 1917-1922, и изобразить их в версии коммунистов. И задуманное вполне удалось: в СССР гораздо лучше известно начало XIX века, чем начало XX*. Историческая память настолько перебита, что даже большинство сегодняшних советских диссидентов вынуждено вести свои построения и предложения на материале не глубже сталинского времени или на внеисторических политических соображениях. Что же сказать тогда о более отдаленной Европе, где усилиями уже не государственного аппарата, но множества революционных энтузиастов создавалось то же заглушение и искажение? (Г-н Суварин и сегодня имеет неутомимость оспаривать, что коммунисты в России — единственная из партий — питались миллионами вильгельмовской Германии). Поработали тут и фальшивые художники вроде Эйзенштейна с его прогремевщиим, но лживым фильмом "Броненосец Потемкин" (придуманные, никогда не бывавшие сцены). Только в такой обстановке глубокого непонимания нашей революции может иметь успех в Соединенных Штатах фильм "Красные". А вот скоро подоспеет и советский режиссер Бондарчук на ту же тему: вялое топтание у незащищенного Зимнего дворца будет, как обещают, изображено неудержимым штурмом 10 тысяч солдат, которых там и в помине не было в 1917.

Возникло на Западе ложное понимание, что современный СССР есть продолжение старой России — а это путь поперек нее, всрез и на уничтожение. От глаз наблюдателей упущен процесс полного разрыва всех традиций религии, культуры, национального сознания и физического уничтожения десятков миллионов носителей их. В 20-е годы в СССР само употребление слова "Россия" допускалось только уничижительное и ненавистное, а с оттенком преданности вело к аресту. Тогда гремели стихи советского поэта:

"Мы расстреляли толстозадую бабу Россию,
Чтобы по телу ее пришел Коммунизм-Мессия".

---

*Ныне в издательстве ИМКА-ПРЕСС в Париже под моей редакцией начала выходить по-русски серия "Исследования Новейшей Русской Истории", призванная отчасти восполнить этот прорыв. Она будет переводиться и на другие языки.

С тех пор русская культура смертельно подорвана и еще встанет ли на ноги?.. А сам русский народ, как уже видят демографы Запада, вошел в стадию биологического вырождения, так что за столетие, если не быстрее, должен уменьшиться вдвое, а затем и вовсе исчезнуть с лица Земли! И этот процесс, возможно, необратим.

И как тут не восхититься смелостью Карильо и Берлингуэра! Они — “в оппозиции” социализму “советского образца”! — как будто бы в Корее, или Китае, или Кубе мир где-нибудь видел другой образец. Их было уже сорок проб, и оказывается все “недостаточно марксистские”. Нет! дайте еврокоммунистам извести еще 15 миллионов человек, и осуществить еще 2 образца социализма, о которых, увы, последующие критики тоже выскажутся, что они “не вполне марксистские”. (А разве мало проговорено в самом “Коммунистическом Манифесте”, что такое марксизм?) Все расхождение между этими двумя: итальянские коммунисты считают, что Великий Октябрьский переворот сегодня, после 65 лет, уже утратил свое руководящее значение, а испанские — что и сегодня не утратил! Это — тот самый бандитский переворот, который с первых же ленинских дней лишил наш народ всех и всяких прав, затем отобрал у крестьян землю — 4/5 всей возделываемой земли России (по революционной легенде “дал” землю), превратил богатейшую страну в голодную, нищую и уничтожил десятки миллионов людей! Если бы Карильо и Берлингуэр были честны, они давно бы прокляли этот октябрьский переворот с самого его начала и сняли бы со своих партий позорное название “коммунистических”.

Молодым людям Запада, сознающим пороки общественной системы, в которой они живут, но уже понявшим и цену коммунизма и честно ищущим некий “третий путь” построения общества, я хотел бы сказать: вместе с вами я тоже углядел достаточно пороков западной системы. И особенно в нынешний монополистический век она утратила многие черты прежде задуманной истинной, но и ответственной свободы; и страсть к обогащению и наслаждению перешла нравственные пределы; и нередко западные правительства направляются совсем не теми, кто выбран на выборах, а из тени; и безумные капиталисты сами же питают коммунистического зверя на всеобщую и свою соб-

ственную гибель. И, разумеется, для будущего мы обязательно должны искать и 3-й, и 4-й, и 5-й пути, — не всем же одно, но все на высоту! не в примитивных экономических комбинациях, но в укреплении духовной основы общества. Однако так уплотнились опасности нашего времени, что на поиски те нет отдельного досуга — а уже раскрыта побеждающая пасть 2-го пути — откусить нам всем головы раньше тех поисков. И надо успевать и не трусить отбиваться от нее.

И это еще — пока советские коммунисты не помирились с китайскими. А признаки есть. А тогда у них дело пойдет еще куда поворотистей.

А. Солженицын, 22.3.82

БЛАГОДЕТЕЛИ

Статья написана по материалам американских и английских опубликованных исследований и опровергает миф, что коммунизм Западом не понят. В действительности, социализм-коммунизм является лишь частью общего плана таких организаций финансистов-монополистов мира, как Council on Foreign Affairs (Council on Foreign Relations), Bilderberg Society, Trilateral Commission для создания мирового тоталитарного государства под управлением картеля финансистов-монополистов мира. Государства, которое они называют Новым Мировым Порядком. Имена деятелей и названия организаций взяты из указанных ниже публикаций. А. Ф.

"Коммунизм у всех на виду и не понят"

"Коммунизм у всех на виду и не понят", "Смертельная опасность коммунизма". Кто из нас не разделяет по поводу развития раковой опухоли коммунизма беспокойства и тревоги, высказываемых А. Солженицыным в этих его предостережениях? Как и многие эмигранты, я десять лет поражаюсь непрерывному отступлению Запада перед агрессией коммунизма и поощрению им самим социализма-коммунизма у себя. То же самое изумление "глупостью" Запада характерно практически для всего населения стран "развитого социализма". Эта "глупость" пронизывает все содержание радиопередач Запада на социалистический блок. Передач, якобы призванных "бороться с коммунизмом", а, фактически, помогающих ему.

Однако, "ищи и обрящешь". В своих поисках объяснения "глупости" я наконец наткнулся на серию документированных публикаций (подвергнутых со стороны прессы и книготорговцев полному умолчанию), в которых содержалось вполне ясное и документированное объяснение этого удивительного явления. Любопытно, что это объяс-

нение совершенно исключало миф о том, что "капиталист готов сам продать веревку, на которой его повесят". Все оказывалось гораздо проще, естественнее и логичнее, чем этот миф. Эти публикации следующие.

1. Профессор Quigley "Tragedy and Hope" — фундаментальный труд на 1300 страниц профессора университетов Принстона, Гарварда и Джорджтауна. Результат 20 лет исследований и изучения документов и даже секретных записей.

2. Gary Allen. "None dare call it conspiracy". Издана в 1971 г. в количестве 5 милл. экземпляров. "Concord Press" P. O. Box 2686, Seal Beach, California 90740.

3. Gary Allen. "The Rockefeller's File". Издана в 1976 г. издательством "1976 Press" P. O. Box 2686, Seal Beach, California 90740.

4. Gary Allen. "Kissinger". Издана тем же издательством и по тому же адресу, что и предыдущая.

5. Robert Eringer. "The Global Manipulators". Издана "Pentacle Books", 6 Perry Road, Bristol 1, England.

Нижеследующее есть обзор содержания этих книг и мыслей, возникших у меня при чтении их.

Благодетели человеческого рода — социалисты

Огромные успехи естествознания в 17, 18, 19 веках породили культ человеческого разума и веру в его неограниченную мощь. Этот культ разума, в свою очередь, породил идею социализма, идею построения с помощью всемогущего разума совершенного человеческого общества — рая на земле. Естественно, что идея Бога, идея рая на небесах, сама религия оказались ненужными, отвергаемыми. Любопытно, что социалисты — провозвестники рая на земле — совсем не принадлежали к той части человечества, которая находилась в бедности и больше всего, так сказать, страдала от несовершенства человеческого общества. Таким образом благодетели-провозвестники действовали без приглашения и без просьбы со стороны страдающих. Все провозвестники, решившие облагодетельствовать человечество, относились, если и не к богачам, то и далеко не к нуждающимся. (Легко будет заметить, что этот любопытный факт имеет место и для других благодетелей человечества в настоящее время).

Уже около двух миллиардов людей на земле оказались облагодетельствованы указанной выше идеей социализма и переносят неверо-

ятные страдания и ужасы, к которым приводит реализация столь многообещающей идеи. Эта неизбежность (по опыту двух миллиардов людей) превращения идеи рая на земле в реальный невообразимый ад объясняется, на мой взгляд, совершенно принципиальными причинами.

Первая состоит в том, что человеческий разум не только не всемогущ, а чрезвычайно ограничен даже у тех, кого мы называем гениями, а у провозвестников социализма был даже просто глупым, если они не смогли предусмотреть последствия своей идеи. Они должны были понимать, что одно дело управлять мастерской в десять работников, другое дело — корпорацией в четверть миллиона работников и совсем третье — государством в несколько десятков миллионов граждан.

Вторая причина состоит в том, что среди пяти миллиардов человек в мире не существует даже только двух достаточно одинаковых людей — все разные. То, что хорошо для одного, может быть очень плохо для другого. Поэтому общество социализма, в котором все люди должны действовать в соответствии с единой организацией общества и детальным набором одинаковых для всех правил поведения, превращается в огромную тюрьму, управляемую насилием. Идея социализма, в сущности, оперирует не с людьми, т. е. не с огромным многообразием уникальных личностей, а скорее, с людьми, как с неким набором штампованных механических деталей, из которых и строится "совершенная" машина социализма. Даже стадо овец, в этом смысле, едва ли будет подходящим материалом для построения социализма. Опытные пастухи различают овец по характеру поведения и знают, что каждая овца тоже уникальна.

Третья причина заключена в нашем инстинкте самосохранения, выражающемся (в той или иной степени) в личном интересе и эгоизме. Это означает, что "интересы общества" могут образовываться только статистически в виде некоторой, никому не известной равнодействующей миллионов противоречивых личных интересов. Провозвестники же решили, что они эти интересы человеческого общества знают. Несчастный опыт двух миллиардов людей и показал всю их самоуверенность и глупость.

Четвертая причина заключается в том, что, на мой взгляд, не менее 80% поведения людей иррациональны, нелогичны, эмоциональны, следовательно, непредсказуемы и принципиально не могут укладываться в рамки каких-то всеобщих и повсеместных правил, без осуще-

ствления которых социализм невозможен.

Отвергнутая социалистами-благотельями христианская религия обращается, наоборот, к человеку не как к штампованной детали, а как к личности, и не пытается продиктовать людям построение их общества. Поэтому христианская религия, в противоположность политической идее, имеющей лишь временное существование, является учением, которое способно жить вечно, т. е. до тех пор, пока существует человеческая личность. В этом огромное превосходство и мудрость христианской религиозной идеи по сравнению с идеей социализма.

Я напоминаю о благотельях-социалистах, так как теперь буду говорить о других благотельях человеческого рода, которые были раскрыты в обнаруженных мной публикациях.

Благотели человеческого рода в прошлом и настоящем

Крупнейший английский финансист, золотой и алмазный магнат сэр Сесиль Родс действовал в африканской стране, которая впоследствии была названа его именем — Родезия. После своей смерти он оставил семь духовных завещаний своим потомкам, свое огромное имущество оставил банкиру лорду Ротшильду, который его финансировал. В своих завещаниях Родс заявляет, что его целью и мечтой являлось "расширить британское владычество *на весь мир*". Этим самым "сделать войны невозможными" и тем "*осуществить интересы человеческого рода*". Как видите, и в этом случае в роли непрошеного благотеля рода человеческого выступает богатейший человек мира и высказывает идею, совершенно родственную социалистической. Чувствуя, что реакция человеческого рода на непрошеное благодеяние может оказаться отрицательной, Родс советует для этой цели создать секретное общество и рекомендует в качестве модели "Орден иезуитов" и "Масонов" ("Вольных Каменщиков"). Начальную ячейку такого секретного общества он создал 5.2.1881 г. под названием "Общество Круглого Стола". В марте 1891 г. после смерти Родса это общество под председательством лорда Альфреда Мильнера (представителя лорда Ротшильда) было значительно расширено и укреплено. (Это лорд Мильнер был одним из главных финансистов большевицкой революции в России). Главная цель общества осталась прежней, как у Родса: пропаганда необходимости единого мирового государства и создание мирового правительства.

Общество Круглого Стола оказало сильнейшее влияние на высшие

круги правительства Англии и на ведение первой мировой войны, хотя никому из публики это общество известно не было.

В мае 1919 г. в отеле "Мажестик" в Париже произошло дальнейшее значительное расширение деятельности благодетелей из "Общества Круглого Стола" в виде преобразования этого общества в "Институт Международных Отношений" с отделениями во Франции, Англии и США. Отделение в США стало называться "Council on Foreign Relations" (CFR или иногда CFA — "Council on Foreign Affairs"). Все три отделения должны были выступать как независимые организации и действовать "за сценой", не на виду у публики. CFA стал представлять самые крупные финансовые династии США — Морганов, Рокфеллеров, Кеннеди и других, еще более богатых, чем сэр Сесиль Родс. CFA к настоящему времени вобрал в себя элиту в 1800 человек и поставляет главных заправил США, Европы и мира. Такие широко известные деятели *из обеих партий США*, как генерал и затем президент США Д. Эйзенхауэр, Джон Фостер Даллес, бывший председатель Международного Банка Макнамара, Генри Лодж, Артур Бэрнс, Генри Киссинджер, бывший президент Никсон, Дин Ачесон, Эдлай Стивенсон, три брата — Джон (убитый президент США), Роберт (убитый тоже) и известный "защитник угнетенных" Эдвард Кеннеди, Гарриман, Джордж Болл, прославленный экономист и автор многих книг Джон Гэлбрайт, умерший Губерт Хомфри и многие другие. Президент США Картер являлся и является и сейчас членом CFR. В его администрации почти все были членами CFR, а президент Никсон имел в своей администрации 110 членов CFR. Так же действовал и президент США Линдон Джонсон. В Англии такие крупные деятели, как лорд Каррингтон (консерватор, бывший министр иностранных дел), Эдвард Хит (консерватор, бывший премьер-министр), лорд Хьюм (консерватор, бывший министр иностранных дел), Денис Хили (лейборист, бывший министр финансов) и целый ряд других, консерваторов, лейбористов и либералов, являются членами CFR.

В документе CFR "Study N7" от 25.11.1959 года вновь подтверждается цель создания мирового правительства и включения в мировое государство стран, именующих себя социалистическими (коммунистическими). В этом документе, вновь подкрепляющем главное направление деятельности CFR, признается, таким образом, что коммунистические страны (появившиеся уже после смерти Родса) являются полноправными партнерами в создании Мирового Порядка и мирового

правительства вместе со странами Запада. Таким образом признается, что тоталитарная структура коммунистических стран вполне соответствует будущему Мировому Порядку. Следует подчеркнуть, что в том же документе отмечается необходимость ликвидации государственной структуры США с ее гарантиями Конституцией свободы и прав граждан. Из этого можно заключить, что деятели CFR считают именно тоталитаризм коммунистических стран более подходящим для будущего Мирового Порядка по сравнению с государственными структурами Запада. Этому, конечно, не следует удивляться, так как, скажем, СССР является наиболее планируемым и наиболее централизованным государством, а мировое государство, естественно, должно быть "разумно" планируемым государством в наивысшей степени и, следовательно, предельно централизованным. Мне уже приходилось в свое время отмечать зависть западных деятелей к правителям СССР, умеющим так полно командовать народом и страной.

В мае 1954 года в отеле "Бильдерберг" в Голландии принц Бернард (был замешан в аферу с фирмой Локхил) организовал новое "Общество Бильдерберг" с той же конечной целью создания мирового правительства. Общество это собирается раза два в год и включает в себя ведущих финансистов и политиков США, Европы и мира. В частности, почти за 30 лет, все премьер-министры Англии участвовали в заседаниях общества Бильдерберг, а Давид Рокфеллер является одновременно и директором CFR и директором этого общества. Принц Бернард сам является крупной фигурой не только в голландском королевстве, но и в нефтяном гиганте — Ройял Датч Петролеум. Наконец, в июле 1972 года Збигневом Бжезинским (давний член CFR и бывший советник президента Картера) и Давидом Рокфеллером была создана "Trilateral Commission", "Трехсторонняя Комиссия", распространившая идею мирового правительства и на Японию (три стороны: США, Европа, Япония). Она опять состоит почти из тех же самых мировых финансистов и политиков в числе около 300 человек, как и остальные организации благодетелей, вышеотмеченные.

Если главные "киты" благодетелей человеческого рода есть CFR (Совет по Международным Отношениям), Общество Бильдерберг и Трехсторонняя Комиссия, то имеется множество других, якобы независимых, открытых и тайных групп и организаций, связанных с "китами" общей целью и, вероятно, общим руководством. Вся их сеть не поддается полному выявлению. Например, Американский Комитет по

Соглашению между Западом и Востоком, возглавляемый профессором Принстонского университета Стивеном Козном, все Общества Дружбы с социалистическими странами и другие.

Имеется также много отдельных, тайных членов CFR. В частности таковым является и знаменитый просоветский международный магнат — промышленник Сайрус Итон. Не будет преувеличением сказать, что стоит ткнуть пальцем в имя широко известного политического, финансового, промышленного, *профсоюзного*, журналистского, телевизионного или радио деятеля, как он окажется членом этой полуподпольной, разветвленной сети обществ благодетелей человеческого рода, пропагандирующих и действующих во имя социалистической идеи Мирового Порядка и мирового Политбюро. В верхушке всей этой сети действует картель финансистов-монополистов мира, возглавляемый в настоящее время Давидом Рокфеллером.

Итак, конечная цель, подчеркнутая в уставах этой, скрытой от публики сети обществ благодетелей есть ликвидация существующих независимых, суверенных государств Запада и объединение их с социалистическими государствами Востока в одно совершенное (социалистическое) мировое государство — Мировой Порядок. Как видите, финансисты-монополисты мира во главе их олигархии имеют ту же цель, что и социалисты-коммунисты: — облагодетельствовать человечество с помощью создания всеобъемлющего совершенного мирового общества. То, что все без исключения отдельные государства, в которых эта идея "совершенного общества" "восторжествовала", превратились в кромешный ад для людей, благодетелей не смущает. Со своего наивысшего профессионального уровня мировой элиты они приписывают неудачу недостаточной квалификации (или преступности) соответствующих правителей, особенностям соответствующего населения и т. п. Они уверены, что сумеют сделать все, "как надо" и притом в еще большем, мировом масштабе.

Раньше за такие идеи сажали в сумасшедший дом. Нынче эта мировая элита может посадить в сумасшедший дом любого здравомыслящего человека. Похоже, что благодетели считают, что в их мозгах в миллионы раз больше клеточек, чем у обычных людей. Однако, это мог бы сотворить только Бог, но его они в своих делах отрицают, так как иначе их цель превращается в глупость.

Мотивы благодетелей

Будет большой ошибкой предположить, что этой финансовой верхушкой благодетелей руководит только желание обогащения. Как и их предтечей, сэром Сесиль Родс, ими руководит главным образом желание превратить мир из, якобы, хаоса в высокоорганизованную систему, тоже в некотором роде рай, но уже на их финансовый, банковский образец. Как и Ленин, они считают, что именно они имеют все данные, необходимые для осуществления этого рая. Существенно отметить, что они, как и Ленин, хорошо знают необходимость, для достижения цели, невиданной ранее концентрации власти в их руках над всем населением мира. Их нынешней целью и является захватить и сконцентрировать в своих руках власть над финансами и через них власть над всем населением мира. Пропаганда воображаемых достоинств будущего Мирового Порядка является для них также задачей дня.

Легко видеть, что, в противоположность случаю Ленина, эта идея Мирового Порядка является прямым развитием и продолжением их профессиональной деятельности, как финансистов-монополистов, регулирующих экономику стран в соответствии со своими представлениями об этом. Во всех странах Запада имеются два правительства: одно, избранное, на виду, а другое никем не избранное, скрытое от глаз — центральный банк и аппарат министерства финансов. Нетрудно сообразить, что реальным, действительным правительством является это второе, мало кому известное правительство. Действительно, вся деятельность открытого правительства может осуществляться только с помощью финансов. Те, кто управляют финансами страны, и являются действительными правителями. Не удивительно, что сменяющиеся правительства разных партий действуют поразительно в одну сторону, вопреки различиям в программах. Все сменяемые правительства находятся под властью одного несменяемого действительного правительства. Ни один "избранник народа" не может пренебречь финансами и не слушать профессионалов финансистов. Это расширение профессиональной деятельности финансистов-монополистов на весь мир совсем не удивительно. Точно так же местный профсоюзный деятель стремится подняться до уровня областного, а затем национального. Совершенно естественно, достигнув национального масштаба, он захочет руководить профсоюзами всего мира, а затем и всем человечеством. *Конечно, если его не остановить.* Так же любая фирма, преуспев в делах, стремится стать международной и распространиться на весь мир. *Если ее не*

остановить. Сэр Сесиль Родс, мечтая о британском владычестве над всем миром, выражал не только личную точку зрения, но выражал также интересы Британской колониальной империи.

Таким образом, благодетели-социалисты, стремящиеся облагодетельствовать социализмом весь мир, совсем не одиноки в своих устремлениях. Это устремление характерно для любых международных монополистов и, тем более, финансовых. Оказывается, что благодетелей человеческому роду не занимать стать. Их уйма. Следует вспомнить и национал-социалиста Гитлера, лелеявшего мысль облагодетельствовать человечество мира на национал-социалистический образец. Нынешние финансисты-монополисты воздействуют оружием финансов (что, впрочем, не исключает применения и военных средств или даже террора: все в свое время). Гитлер, Сталин, Мао полагались на силу идеи и, главным образом, на силу террора и оружия. Легко, однако, видеть, насколько бусшумнее, мощнее, надежнее оружие финансов по сравнению с армией, судом, полицией, КГБ и по сравнению с обычным или даже ядерным оружием. Важно отметить, что *человечество могло, но, к сожалению, не поставило заслонов для чрезмерной концентрации власти над людьми и для стремления к распространению этой власти на весь мир*.

Главнейшим пропагандистским оружием финансистов-монополистов является мысль, что мировое правительство якобы устранил войны, а также общее для большинства людей желание порядка и законности, как в государстве, так и в мире. Можно утверждать, когда финансисты-монополисты доберутся до полной власти, как в свое время Сталин, число человеческих жертв и степень террора и насилия едва ли могут быть меньше, чем у социалистов-большевиков или маоистов. Это произойдет в силу необходимости правителям мира преодолевать те же свойства человеческих существ, о которых я говорил в разделе о благодетелях-социалистах.

На нынешнем этапе деятельности благодетелей террор и насилие производятся лишь с помощью финансового воздействия на непослушных. Как Сталин, Гитлер и Хомейни на пути к единовластию должны были уничтожать не только своих врагов, но и своих коллег конкурентов, часто вовсе и не намеренных, так и финансисты-монополисты сейчас тоже "прореживают" ряды своих коллег банкротствами и ликвидациями на пути к своему единовластию. (Мировой Порядок, как и Социализм в одной стране, невозможен без единовластия. Иначе будет

еще больший хаос). Единовластие социализма всего лишь в отдельных странах принесло колоссальные жертвы и невероятные страдания людям. Какие же невиданные жертвы и страдания принесет реализация Мирового Порядка. Кроме того, реализация единовластия социализма в отдельных странах показала полную неспособность централизованного, единовластного управления дать что-либо хорошее людям. Спрашивается, почему такое же единовластие и централизация, распространенные на весь мир, могут оказаться лучше? Главное, почему люди так упорно верят в такие утопии?

Капитализм и монополизм

Нужно подчеркнуть теперь коренную, принципиальную разницу между конкурентным капиталистом и капиталистом-монополистом. Между обществом Свободного Рынка и обществом монополий и централизма. Конкурентный капиталист полностью зависел от нас, обычных людей. Удовлетворяя свой личный интерес и эгоизм, этот капиталист мог это делать только удовлетворяя наши нужды и желания. Общество конкурентного капитализма — общество Свободного Рынка — есть поэтому наиболее совершенная демократия. В таком обществе обычные рядовые люди управляют хозяйством и делами, имея полную творческую свободу и все права личности.

Монополизму и монополистам на нас равным счетом наплевать, они нам не подчиняются и не зависят от нашей воли. Монополизм означает узурпацию наших прав, нашей свободы и конец демократии. Этому не помешает ни "плюрализм", ни парламентаризм, ни свободные выборы. Для финансового монополизма все это не является препятствием, а лишь хорошим прикрытием. *Финансовая власть, родившись в глубине экономики, превращается в такую политическую власть, которая подминает под себя и использует в своих интересах любые политические партии:* анархистов, демократов, социалистов, национал-социалистов, троцкистов, маонистов, коммунистов, монархистов и т. д. И террористы и любые партии склоняются перед властью финансовых монополий и их денег.

Спрашивается, почему бы финансистам-монополистам не показать свое "искусство" хотя бы в одной стране, создав в ней земной рай? Нет, это им не подходит. Как и социалисты, для которых полный социализм возможен только в мировом масштабе, так и финансисты-монополисты утверждают, что их искусство управления может проявить себя в

полной мере только в мировом масштабе. Иначе плохо управляемые страны испортят дело в любой хорошо управляемой стране. Все, мол, взаимозависимо на нашей планете. Даже если благодетели финансисты-монополисты и много умнее и квалифицированнее, чем Сталин, Гитлер, Мао (что не очевидно), следует ли нам, людям, опять на собственной шее проверять качества благодетелей финансистов-монопольистов? Неужели кучка финансистов-монополистов может оказаться мудрее и способнее, чем сотни миллионов наших собственных мозгов и рук? Или нам всегда нужен хозяин-повелитель? И наша природа есть природа рабов? Безусловно, нет. Президент Рейген превосходно сказал: "Время от времени мы подвергаемся искушению думать, что человеческое общество стало слишком сложным для самоуправления, что управление элиты лучше, чем самоуправление народа для народа. Однако, если никто из нас не способен управлять собой, то, спрашивается, кто же среди нас окажется способным управлять другими?"

Коммунизм превосходно понят

Вполне сформулированная идея совершенного общества социализма существовала задолго до сэра Сесиль Родс и, по крайней мере, за два века до первой успешной социалистической революции в мире, происшедшей в России и положившей начало рабству почти половины человечества. Не потому ли это произошло с таким запозданием, что еще не появился уникальный по своему богатству монополист сэр Сесиль Родс и еще не появились такие монополисты-финансисты, как Рокфеллеры, Морганы, Кеннеди, Ротшильды? Мне кажется, именно это и было причиной задержки.

Уже первого мая 1776 года некий Адам Вейсгаупт в Баварии создал секретное общество "Орден Просвещенных" с уставом и идеями, позднее изложенными в "Коммунистическом манифесте" Карла Маркса, написанном первоначально по заказу "Лиги Справедливых Мужчин", явившихся продолжателями "Ордена Просвещенных". Фактически этот Манифест циркулировал много лет до того, как Карл Маркс и его сочинение стали широко известны. Можно ли объяснить феноменальный успех большевиков только простым распространением завлекательной социалистической идеи в массах? Конечно, нет. Массы даже и много позднее революции 1917 г. ничего не понимали в идее и, практически, ее не знали и не хотели. Попробуйте организовать даже простую демон-

страцию — уличное шествие, простую пропагандистскую газету или отпечатать листовку и вы узнаете, что с помощью одной идеи это невозможно: нужны финансы, нужны деньги. Большевикам в количестве нескольких человек это было так же недоступно, как и вам. Легендарные налеты и экспроприации успеха большевиков не объясняют так же, как этим нельзя объяснить процветание и размножение нынешних террористических банд на Западе. В обоих случаях эти налеты на банки только отвлекают публику от истинных источников успеха, т. е. солидной финансовой, материальной и политической помощи со стороны.

Когда сэр Сесиль Родс организовал свое секретное социалистическое общество, Ленин был еще мальчиком, а у Родса были в распоряжении неограниченные финансы. Если бы Родс не умер до появления большевиков, он несомненно финансировал бы их. Россия была конкурентом Британской империи, а большевики проповедовали то же мировое господство, создать которое хотел Родс. Можно с полным правом предполагать, что и идея мирового государства возникла у Родса не раньше, чем он превратился в богатейшего монополиста, собственника чуть ли не всей Родезии. Действительно, эта идея есть *вполне естественное* развитие и расширение деятельности финансового магната за пределы Родезии и Британской империи. Продолжатель дела Родса лорд Альфред Мильнер, как представитель банкира лорда Ротшильда, с самого начала стал одним из организаторов финансирования большевиков и оказания также и политической помощи через правительства Европы и США. В Германии это финансирование на сумму 5-6 миллионов долларов было организовано членом клики благодетелей банкиром Максом Варбургом через германский генеральный штаб и подставных лиц. В Англии эту помощь организовывал уже известный лорд Альфред Мильнер. В США эту помощь большевикам организовывали брат Макса, Пол Варбург, и банкир Яков Шифф. Последний в апреле 1917 года публично хвастался, что революция одержала успех благодаря его финансированию. 1 февраля 1949 г. журнал "New York Journal-American" сообщил, что, по оценке внука, его дед Яков Шифф вложил около 20 миллионов долларов в дело большевиков в России.

Позднее выяснилось, что финансирование коммунизма в России велось организованно и целесообразно синдикатом международных банкиров, включавшим Шиффа, Варбурга, Рокфеллера и Моргана. Не забудьте, что уже в 1919 г. был организован CFR и дело не ограничивалось только финансовой помощью, но распространялось и на поли-

тико-экономическую помощь через соответствующие правительства.

CFR в 1933 г. принудил Ф. Рузвельта официально признать СССР и открыть огромный поток экономической и технической помощи, не прекращающийся и теперь. Все эти документальные данные, раскрытые указанными выше авторами исследований, показывают совершенно ясно, что большевики, и теперь коммунисты, являются лишь частью гораздо большего целого, находящегося в руках финансистов-монополистов мира и их олигархии. Коммунизм не только превосходно понят, но создан и используется финансистами-монополистами для создания совершенного социалистического Мирового Порядка, естественно, под их личным командованием. Приходится воскликнуть еще раз: не бойся врагов, а бойся друзей-благотетелей.

Стратегия благотетелей

Зная конечную цель благотетелей, нетрудно разобраться и в их стратегической игре.

1. Подмяв под себя всякую другую финансовую и промышленную "мелочь", благотетели обрели способность воздействовать через финансы на политику стран. Это, конечно, удобно делать через некий центральный орган. 22 декабря 1913 г., под воздействием благотетелей, Конгресс США создал Федеральную Резервную Систему. Именно тот орган (фактически, второе правительство), через который благотетели могли теперь очень успешно действовать. Такие же центральные банки созданы благотетелями и во всех странах Запада. В странах социализма они создаются с самого начала. Затем благотетели организовали Международный банк и Международный валютный фонд, чтобы через центральные государственные банки стран воздействовать на соответствующие правительства. Таким образом вся эта сеть государственных и международных финансов оказалась в руках благотетелей. Теперь, с помощью финансов, можно в гораздо большей степени командовать правительствами мира, чем с помощью любых армий, любых военных угроз и притом совершенно независимо от сорта партий, находящихся "у руля". Весьма знаменательно, что и страны социализма, как Китай, Югославия, Румыния, а теперь и Венгрия, и Польша являются членами и клиентами Международного банка. Частые поездки Давида Рокфеллера в СССР и в Китай и учреждение им в Москве отделения его банка (Чейз Манхэттен банк) показывают, что благотетели довольно уверены.

что им удастся прибрать СССР и Китай к рукам. Не менее знаменателен факт, пожалуй, более всего подчеркивающий характер взаимоотношений коммунистов и финансистов-монополистов благодетелей — поездка Давида Рокфеллера в октябре 1964 г. в отпуск в СССР (!!). Через несколько дней после отъезда Рокфеллера Никита Хрушев был низложен.

2. Благодетели, однако, дают себе отчет, что только финансовыми манипуляциями им не добиться объединения Запада и Востока в одно мировое Государство. Для этого им нужно еще ослабить экономику Востока и Запада, сбалансировать их силы, чтобы бросить их в объятия друг другу. Отсюда появляется знаменитая доктрина Зоненфельда, политика баланса, политика детанта, политика "сдерживания" коммунизма. Отсюда и то, что я назвал бы "конвульсиями" в политике, т. е. то помощь СССР и поощрение коммунизма по всему миру, то подкрепление позиций Запада против СССР. Если СССР становится слишком слабым, благодетели его подкрепляют, если Запад становится слишком слабым, подкрепляют его. Обычному человеку такая, с позволения сказать, политика покажется идиотизмом. В действительности она точно соответствует цели благодетелей.

Социалистический президент Миттеран для благодетелей явная находка. Национализация Миттераном банков и завершение национализации экономики Франции резко подвигает благодетелей к их цели. Через систему национализированных финансов и Международный банк им будет очень удобно воздействовать на политическую линию Франции. "Враждебность" Миттерана к СССР, конечно, совершенно несерьезна. Что касается интересов дома Ротшильда в национализируемых банках, то, во-первых, это уже "мелочь", а, во-вторых, за пару столетий дом Ротшильдов выходил с выгодой и не из таких ситуаций. Сильное ослабление экономики Франции через национализации и прочие социалистические меры сделает Францию, всегда стремившуюся к независимой политике, гораздо более послушной указаниям благодетелей.

3. Понятно, что такие организации, как Лига Наций и затем ООН, были созданы по прямому воздействию и инициативе благодетелей. Авторы обзореваемых мною книг устанавливают этот факт вполне документально. Кстати, США получают от ООН только вред и всяческие оскорбления, но не выходят из этой организации. Этого, естественно, не допускают благодетели, сила которых в Конгрессе и Белом

Доме весьма велика, а в финансах — неограничена. Совсем не случайно, что вступление Англии в Европейское Сообщество было организовано членом СФР консерватором Эдвардом Хитом. С целью максимальной централизации Европы на пути к Мировому Порядку благодетели со страшной силой стараются включить в Европейское Сообщество Грецию, Португалию и Испанию. Между тем, даже людям, плохо разбирающимся в экономике, ясно, что это нанесет огромный вред экономике Сообщества и обороноспособности НАТО. Ясно, что благодетелей интересует не благосостояние Европы, а ее централизация. Сейчас уже ясно, что Сообщество не собирается быть федерацией независимых, суверенных государств, а собирается подчинить политическому и финансовому диктату все государства, превратив их в безвластные провинции.

4. Легко видеть, что благодетелям сношения с людьми, с народами совершенно противопоказаны. Люди и народы всегда являются источниками того, что для благодетелей является "хаосом", "беспорядком", "дезорганизацией". Всякие права человека и страдания народов под коммунизмом могут служить для них только, как средства балансирования, как средства пропаганды Мирового Порядка. Для благодетелей крушение коммунизма, скажем, в Польше и, тем более, в СССР было бы настоящей трагедией, ибо превратило бы в прах все их усилия по объединению Запада и Востока и созданию Мирового Порядка. Настоящую демократию, практически, невозможно загнать в Мировой Порядок. Поэтому благодетели весьма успешно стараются превратить слово "демократия" в бранное слово. Только централизация и монополизация, ликвидирующие демократию, могут привести Запад к состоянию готовности войти в Мировой Порядок вместе с уже давно готовыми к нему предельно централизованными государствами Коммунизма. Конечно, это не очень просто заставить коммунистических царей потерять свою самостоятельность. Однако это проще, чем сделать то же самое с демократиями. Сталин показал превосходный пример, как добиваться единовластия.

5. Естественно, что для благодетелей очень важно, чтобы люди не могли указать на них пальцем, сказав, вот кто определяет всю ситуацию в мире, кто управляет ею. Это очень быстро привело бы к потере власти благодетелями. Поэтому все должно происходить от имени государств, от имени их правителей. Действительные управители должны оставаться неизвестными, действуя через подставных лиц.

6. Для благодетелей очень важно, чтобы большинство не только населения, но и многих деятелей мира было запутано и не понимало происходящего. Для этой цели агентства, контролируемые благодетелями, из информации о миллиардах фактов, происходящих в мире, отбирают только ту, которая или соответствует целям благодетелей или просто запутывает людей, и затем распространяют ее по всему миру. Этой же цели служит и произвольное употребление запутывающей терминологии. Gary Allen обращает внимание на терминологию "правый" и "левый", "пронихнутую" благодетелями и социалистами в прессу мира. По этой терминологии "левые" — это радикальные социалисты. А "правые" — это фашисты. Но фашисты это тоже социалисты, но только "национальные" (и такие же благодетели, как и другие социалисты). Получается, что и слева социализм и справа тоже социализм. Поэтому и посредине тоже будет социализм. Таким образом и благодетели финансисты-монополисты и благодетели социалисты показывают, что другого пути нет, как только в социализм. Между тем, правильной терминологией было бы поставить и всех социалистов и всех фашистов слева, а справа поставить анархистов. Тогда от безвластия анархистов до единовластия социалистов, фашистов и благодетелей разместится весь политический спектр государств, включая демократию где-то между правым и левым концами. В употребляемой терминологии нет места ни анархизму, ни демократии.

Аппарат благодетелей для воздействия на мир

Таким образом, финансовое управление производится благодетелями через аппарат центральных государственных банков и через аппарат Международного банка и валютного фонда. *Финансы мира в руках благодетелей.* CFR, общество Бильдерберг, Трехсторонняя комиссия, поставляя своих членов на все руководящие посты в правительствах Запада (может быть, и Востока?), создают аппарат непосредственного воздействия на государства мира. Знаменательно, что даже президент Рейген, не являющийся членом клики благодетелей и, видимо, не разделяющий ее взглядов, вынужден иметь в своей администрации и на весьма важных постах членов CFR: государственного секретаря генерала Хейга, министра обороны Каспара Вайнбергера, министра финансов Дональда Ригана, шефа ЦРУ (СИА) Вильяма Кейзи, заместителя министра обороны Франка Карлучи, экономиста Стокмана и, наконец, вице-президента Буша если не считать еще и ряда

других, менее важных. Западногерманский канцлер Гельмут Шмидт является тоже членом CFR, наряду с многими другими членами правительства ФРГ. Та же картина в правительстве Англии, Франции, Италии и других стран Европы. *Правительства Запады находятся в руках благодетелей.*

Генеральный секретарь НАТО Иосиф Лунс является членом CFR. Такая организация, контролируемая благодетелями, как Корпорация Ранд, разрабатывает, научно, военную стратегию для Пентагона. Члены клики благодетелей находятся и в Пентагоне и в ЦРУ. *Оборона Запады, его разведка и контрразведка находятся под воздействием благодетелей.* Конечно, совсем не следует предполагать, что любое действие или любые слова любого члена клики благодетелей должны строго следовать правилам. Как раз наоборот, выбор действий и поведения (по сути и смыслу устава обществ благодетелей) членов клики остается полностью в их собственной воле и соответствует их личным характерам и местным обстоятельствам. От них требуется вести себя совершенно, как частные лица, совершенно не связанные с обществами благодетелей, но лишь не забывая конечную цель Мирового Порядка. Такая свобода поведения создает наилучшую маскировку для совокупных действий благодетелей.

Кроме средств прямого воздействия на государственную власть, благодетели обладают также колоссальной силы аппаратом промывания мозгов населению и создания "общественного мнения". Привести полный перечень агентств этого аппарата невозможно: он очень велик и полностью неизвестен. Вот лишь часть этих агентств, контролируемых благодетелями. Телевизионные и радиокорпорации: NBC, CBS. Журналы: *Foreign Affairs* (журнал, в котором публикуют статьи Солженицына, а затем подвергают их недобросовестной и злобной критике), *Time*, *Fortune*, *Look*, *Newsweek*, *Saturday Review*, *Business week*, *Life*, *National Review*, *Confluence* и другие. Самые влиятельные газеты: *Washington Post*, *New York Times*, *New York Post*, *Los Angeles Times*, *Denver Post*, *Minneapolis Tribune*, *The Knight newspaper chain* и другие. Книгоиздательства и книжные клубы: *McGraw-Hill*, *Simon and Schuster*, *Harper Bros.*, *Random House*, *Little Brown and Co.*, *Macmillan Co.*, *Viking Press*, *Book of the Month Club* и другие. Такие лидеры профсоюзов, как Волтер Рейтер, Давид Дубинский, Джей Лавстон — члены клики благодетелей. Такие "мозговые тресты", как Ранд Корпорейшен, Халзон Институт, Бруклин Институт, контролируются благодетелями.

Благодетели создали целую серию взаимосвязанных так назы-

ваемых Фондов: Рокфеллера, Форда, Карнеги и др., располагающих огромными суммами. В эти "некоммерческие", "благотворительные" Фонды финансисты-монополисты вкладывают свои доходы, уходя от налогового обложения и получая огромную власть воздействия буквально на все слои населения и отдельных личностей через всякого рода стипендии. (Недавно газета Дейли Телеграф сообщила, что эти Фонды, фактически, получают от своей деятельности еще и не положенные им прибыли в масштабе миллионов). Например, на стипендию от Фонда Рокфеллера комиссия из 11 человек "частных" граждан составила недавно доклад правительству США. В докладе Комиссия рекомендует увеличить помощь коммунистическим правительствам Африки (Зимбабве, Анголе, Мозамбику, Замбии), больше помочь подрывным негритянским организациям Южной Африки и ужесточить санкции против правительства Южной Африки. На свои почти неограниченные финансы Фонды благодетелей создали огромную сеть всяких "благотворительных" организаций, фактически служащих цели распространения социалистических идей и пропаганды Мирового Порядка. Целый ряд колледжей, университетов и научных организаций, финансируемых Фондами, распространяют власть и воздействие благодетелей буквально повсюду. За многие годы благодетели воспитали огромное число крупных журналистов, политиков, профессоров, распространяющих идеи социализма и марксизма. По оценке одного разочаровавшегося в марксизме и социализме крупного английского журналиста в США работает не менее 10.000 профессоров марксистов.

Уверенность благодетелей в своей силе так велика, что с помощью своих "мозговых трестов" и Фондов они уже исследуют вполне практические будущие задачи. Например: в стране "А" слишком много народа, в стране "Б" слишком мало. Как перебросить людей из страны "А" для поселения в страну "Б"? Или: в стране "В" происходит восстание. Как быстро можно доставить туда международные вооруженные силы, чтобы подавить восстание?

Можно грубо оценить средства, которыми располагает, скажем, Фонд Рокфеллера. По данным Gary Allen, имущество, контролируемое домом Рокфеллеров, составляет около 400 миллиардов долларов. (Обратите внимание, что все имущество всех США лишь примерно, в 20 раз больше). Возможная "отдача" имущества вероятно составляет не менее 25 центов в год с каждого доллара имущества. Таким образом, оборот с такого имущества составит не менее 100 миллиардов долларов. Прибыль из умеренных 5% в год составит около 5

миллиардов долларов. Скажем 75% прибыли уйдет на вложения и расплату с акционерами. Видимо, порядка 100 миллионов долларов составит личный доход дома Рокфеллеров, который поступит (для ухода от налогов) в распоряжение "благотворительного" Фонда за год. Такими финансами для воздействия на мозги публики в свою пользу большевики не располагали.

Не удивительно, что благодетели сумели создать общественное мнение против конкурентного демократического капитализма в пользу монополизма и централизма.

Конкуренция — зло. Это заявил еще основатель дома Рокфеллеров. Не удивительно, что после более чем полувекового промывания мозгов благодетелями через прессу, радио, телевидение, 9 из 10 опрошенных отвергнуто капитализм, как бесчеловечную систему, не делая разницы между конкурентным, демократическим капитализмом и капитализмом монополий и централизма. Те же 9 из 10 выскажутся за Мировой Порядок, не имея никакого представления о том, что это такое и что он людям сулит. Считая все это еще недостаточным, благодетели в 1981 г. организовали свое Центральное Разведывательное Управление под видом Международного Информационного Агентства со штабквартирой в Голландии. Возглавителями агентства назначены известные Макнамара (бывший председатель Международного банка и член CFR) и Эдвард Хит (бывший премьер-министр Англии и член CFR), а также некий молодой компьютерный вундеркинд и воспитанник Рокфеллеровского Университета в Нью Йорке. Стремясь продвинуть свою пропаганду в школы (воспитание будущего поколения), благодетели начали распространять свои специальные программы по школам. Журнал благодетелей Time рекламирует по дешевке специальные обзоры по мировой политике и событиям для учителей. Доберутся, вероятно, и до детских яслей, как в СССР.

"Общественное" мнение формируется благодетелями

Главнейшие корпорации мира, определяющие судьбу десятков и сотен миллионов людей, тоже находятся под контролем благодетелей. Вот некоторые из них: Standard Oil, IBM, Xerox, Eastman Kodak, Pan American, Fireston, US Steel, General Electric, American Telephone and Telegraph Co. и другие.

Благодетели заинтересованы в создании гигантских корпораций-монополий. Эти гиганты концентрируют и централизуют экономику стран для контроля ее благодетелями. Низкая эффективность гигантов

служит разорению государств и усиливает этим воздействие благототелей на государство. Сам размер гигантов заставляет государства давать субсидии гигантам, чтобы избежать их полного банкротства и безработицы.

Интересы благототелей

Прежде всего ясно, что благодеяния благототелями, но благототели заинтересованы и в дальнейшем накоплении и расширении финансовой мощи. Финансовое банкротство означало бы банкротство и их дела. Легко сообразить, что, наряду с усилением своей мощи, благототели заинтересованы в определенном экономическом и финансовом ослаблении своих клиентов: государства и людей. И то и другое укрепляют власть благототелей. Как показывает Gary Allen, благототели имеют полную возможность устраивать кризисы. В частности, благототели с помощью Федерального Резервного Банка устроили кризис 1929-1930 годов. Этот мировой кризис резко сократил число конкурентов благототелям и резко укрепил мощь их верхушки. Кризисы и застои являются для благототелей очень полезным средством для повышения всеобщей нужды в их финансах и в их экспертизе. Gary Allen раскрывает весьма любопытный факт, социалист фабианец и экономист Meinard Keynes по заказу благототелей разработал псевдонаучную теорию, как "создать процветание" с помощью залезания в долги. В результате за последние 10-20 лет буквально все государства Запада залезли в огромные долги и выплачивают колоссальные суммы кредиторам в виде процентов. Этот трюк принес колоссальное усиление власти финансистов-монополистов.

Сейчас, после всеобщего провала этой псевдотеории, благототели подняли на щит новую псевдонаучную теорию некоторой разновидности "монетаризма". Эта "теория" выражается в сильнейшем удорожании кредита с помощью огромных процентов на займы. Дешевый и свободный кредит есть основа развития экономики и повышения производительности труда, а следовательно, ликвидации и инфляции и безработицы и нищеты. Дорогой кредит все это разрушает и усиливает власть финансистов-монополистов, способствуя их дальнейшему обогащению. Благототели напирают на якобы очевидность: дороже кредит — меньше денег в обращении — меньше инфляция. Однако, одновременно создается искусственный хозяйственный застой, уменьшение производительности труда и, следовательно, увеличение, а не

уменьшение инфляции. Каждый, если повнимательнее понаблюдает события, может это установить сам, без обращения за разъяснениями к экономистам. Недаром везде на Западе банки обогащаются и при всеобщем застое строят себе шикарные небоскребы. Президент Рейген, как он ни сопротивляется благодетелям, не имеет силы изменить удушающую экономику финансовую политику дорогого кредита. В свое время, как документально установлено, благодетели финансировали Гитлера. Не только из-за прибылей. Гитлер хотел того же, чего хотят и они: Нового Мирового Порядка мирового тоталитаризма. Вообще, чем хуже населению и стране, тем лучше благодетелям, так как тем больше "нужда" в их "помощи".

Легко видеть, что для них интересно и раздувание военных страхов и страхов ядерной войны. Это позволяет им раздувать гонку вооружений и, следовательно, укреплять власть финансов, т. е. их власть. Это же служит пропаганде Мирового Порядка. Глядя в прошлое, можно теперь видеть, что соглашение между Западом и Сталиным в Ялте, отдававшее под власть коммунистов половину Европы и Китай, было совершено в соответствии с конечной целью благодетелей: установления Мирового Порядка. Именно тоталитаризм коммунизма ближе всего соответствует устройству Мирового Порядка. Экономическая несостоятельность социализма-коммунизма, отчетливо проявившаяся в последние годы, лишь очень немного изменила ориентировку благодетелей на коммунизм. Теперь они стараются добиться улучшения (невозможного в принципе) экономических результатов социализма с помощью экономических реформ, на которые они стараются подтолкнуть правителей стран социализма. Независимо от этого их ставка на социализм-коммунизм остается в полной силе. Они опасаются, что экономический развал коммунизма приведет к перевороту и освобождению народов от социализма-коммунизма, что, конечно, будет крушением их усилий в установлении Мирового Порядка. Именно из этих опасений благодетели в определенные моменты и определенным образом поддерживают давление народа на власть коммунизма, чтобы понудить эту власть на экономические реформы. Рассчитывая (напрасно), что эти реформы могут дать населению минимум пищи и товаров потребления и ликвидировать таким образом опасность свержения коммунизма народом.

Теперь ясно, что массовые выдачи российских пленных Сталину были организованы благодетелями, проводились совсем не по ошибке

или по жестокости отдельных деятелей, а совершенно систематически *всеми* западными правительствами. Эти выдачи весьма укрепляли пошатнувшийся было престиж Сталина и на Востоке и на Западе. Это служило тем же целям благодетелей. Чем больше населения мира будет под коммунизмом, тем ближе будет Мировой Порядок и власть благодетелей над всем миром.

Когда вы говорите с любым англичанином или американцем, они признают ошибкой называть СССР Россией, а советских жителей русскими. Однако пресса, радио, телевидение под давлением благодетелей продолжают эту "ошибку" делать. Благодетелям очень важно очернить понятия Россия и русский, как понятия совершенно противопоставленные коммунизму и СССР. Российские и русские народы и будущая Россия будут означать крах для благодетелей. Корни этой "ошибки" находятся в CFR, обществе Бильдерберг и в Трехсторонней Комиссии. Удивляться тому, что интересы благодетелей находятся в явном противоречии с интересами народов и их государств, не приходится. Это есть нормальное следствие чрезмерной концентрации власти над людьми в руках немногих. Интересы любой монопольной власти всегда противоположны интересам людей, находящимся под ее воздействием. Такая власть всегда неспособна дать людям добро. Поэтому она лишь стремится не потерять свою монополию, укрепить ее и расширить.

Законы против монополий и монополия благодетелей

Основатель дома Рокфеллеров сам создавал законы против монополий, чтобы разорить своих конкурентов и укрепить свою монополию. Он широко пользовался подкупом государственных чиновников и не боялся, что законы обратятся против него самого. Что характеризует нынешние законы против монополий? Во-первых, то, что возбудить процесс против любой монополии стоит таких огромных денег, что это под силу только другой большой монополии. Процессы тянутся страшно долго и часто заканчиваются без результата. Во-вторых, до процесса почти невозможно выяснить, что нарушается закон о монополиях. Бухгалтерия и дела любой фирмы недоступны для государственной или общественной инспекции. Для доступа к ним необходимо специальное решение власти. В-третьих, определение монополии в законах очень туманно и неконкретно. Этим объясняется, что существующие законы против монополий опасны только для "мелочи" и не

только этих монополий не устраняют, а способствуют их колоссальному и повсеместному росту. Крупной монополии законы против монополий не только не опасны, но выгодны в смысле подавления конкурентов.

Налоги и монополия благодетелей

Обладея огромной властью над правительством, благодетели успешно "пропикивают" законы, якобы направленные против богатых, а фактически действующие в пользу сверхбогатых благодетелей. Это именно благодетели, а не марксисты, создали прогрессивный налог. Благодетели, отписывая доходы своим Фондам, прогрессивному налогу не подвержены: их "личный" доход не очень велик. Однако прогрессивный налог великолепно подавляет всякую "мелочь", конкурентов благодетелей. Налог на имущество тоже на благодетелей не действует: их имущество, якобы, принадлежит их Фондам, а Фонды, как благотворительные организации, от налогов освобождены. Легко видеть, как постепенно имущество и права перемещаются из рук населения в руки государства и в руки благодетелей, осуществляя "ликвидацию частной собственности" и лишая население экономической, а с ней и политической независимости. Люди становятся рабами государства, а государство превращается в инструмент власти благодетелей.

Gary Allen отмечает, что путь к социализму есть путь не к раю для "униженных и оскорбленных", а к раю для сверхбогатых монополистов. Этот рай не будет предназначен даже для тех, которые относятся к "среднему классу" или к умеренно богатым. Бедные же, униженные и оскорбленные станут и становятся лишь беднее и униженнее.

Мировой трюк мировых благодетелей

Один из мировых фокусов-трюков благодетелей есть провозглашение неизбежности мировой катастрофы, если не ликвидировать в ближайшее время разницу между "богатством" одной половины и "бедностью" другой половины мира. (Правда, неясно, почему эта разница, существовавшая по крайней мере 100-150 лет, стала так опасной именно сейчас?). Пресса и телевидение мира переполнены фотографиями младенцев и детей, пухнувших и погибающих от голода. Переполнены статьями о том, что "богатые" страны съедают в несколько раз боль-

шую "долю" из мирового производства пищи, чем "бедные" страны. Не лучше ли было и им голодать вместо того, чтобы "обжираться"? Все время подчеркивается, что этот разрыв все увеличивается, а не уменьшается. (По какой же причине увеличивается?) Не проходит не только одного дня, но даже часа, чтобы эти "новости" не воздействовали на глаза и уши. Все время долбится, что мир един, что все в мире взаимозависимо и богатые страны *обязаны* ликвидировать нищету и голод в бедных странах. (А они все никак не ликвидируются).

Реакция населения богатых стран единодушна: помощь необходима и немедленно. Однако, кто и как должен помочь? Люди жертвуют деньги, продукты, вещи с большой охотой. Тем не менее, кризис не только не уменьшается, а, наоборот, нарастает. Что делать? Само население богатых стран чувствует свою полную беспомощность в этом деле. Естественно, что все глаза и уши обращаются к правительствам, а поскольку правительства сами в долгу как в шелку и тоже беспомощны, то мысль о мировом государстве и мировом правительстве становится крайне сильной и навязчивой. Что и требуется благодетелям. Между тем, вся эта пропаганда благодетелей, давая им власть над миром, для самого и богатого и бедного населения мира не стоит ломаного гроша.

Богатые страны *на протяжении десятилетий* оказывают бедным странам огромную помощь деньгами, продуктами, материалами, машинами, опытом и все безрезультатно, если не считать за результат ухудшение. Дело в том, что люди богатых и бедных стран совершенно забыли некоторые исторические факты. В частности, тот, что ныне богатые страны всего лишь пару сотен лет тому назад были такими же бедными, как все. Почитайте Дикенса, Золя, Достоевского, Драйзера. Почитайте, наконец, газеты 18-го и 19-го веков. Вы увидите, что нищета и болезни косили население Европы, европейской России, Америки сотнями тысяч, если не миллионами. Туберкулез, рахит, оспа, желудочные болезни свирепствовали. Неурожаи и массовый голод были частыми гостями у будущих богатых стран. Большинство населения недоедало, не имело достаточной одежды и обуви. Жило в ужасных трущобах, а нередко и вообще без жилья. Отсутствие водопровода и канализации было повсеместным. Даже простое мыло было доступно только немногим. Каждый третий, а кое-где и каждый второй родившийся младенец умирал. Эта ситуация превосходно отражается в цифрах среднего долголетия населения будущих богатых стран. Англия 14-го века имела

долговечность жителей всего 38 лет (в 5-м веке даже 30 лет). Европа в 17-м веке имела долговечность населения в среднем 51 год, а в 18 веке эта цифра упала до 45 лет (из-за эпидемий). Всего лишь в 1900 году долговечность населения в США составляла только 47 лет, т. е. хуже, чем в Европе в 17 веке. Сейчас те же США имеют среднюю долговечность населения больше 70 лет. Как же эти будущие богатые страны поднялись из своей нищеты в нынешний век здоровья и изобилия? Это произошло только за счет их собственных мозгов и рук и за счет их собственных колоссальных человеческих жертв, горя и слез. Что их подняло вверх? Только повышение производительности труда населения за счет дополнительных жертв и лишений для изобретения и создания производительных машин и необходимых источников энергии. Это было совершено конкурентным (не монополистическим) капитализмом с помощью промышленной революции. С помощью низких зарплат, высоких прибылей (и следовательно, высоких вложений в машины, в источники энергии, в новые процессы, в новую организацию). С помощью достаточной концентрации капитала (конечно, не такой нечеловечески дикой концентрации, как сейчас) в руках частных предпринимателей. С помощью огромного роста числа квалифицированных и знающих людей, концентрировавших в себе огромный промышленный, технический и научный опыт. Естественно, в те времена высокая квалификация, умение, знания очень высоко ценились и оплачивались, что и поощряло стремление к этим качествам. Эти активные, знающие и умеющие люди поощрялись и не только материально, но и духовно, получая высокое одобрение общественного мнения за свои успехи. Все вышеперечисленное, как известно в ныне бедных странах полностью отсутствует и подавляется.

В те времена будущим богатым странам никто не мог не только помочь в их нищете и лишениях, но и довести этот факт до сведения остального мира было бесполезно: он был таким же нищим. Больше того, именно тот конкурентный капитализм, который создал это чудо превращения нищеты в богатство, был превращен хорами социалистических критиков в абсолютное, бесчеловечное чудовище. Бедные ныне страны имели около 200 лет после промышленной революции в Англии и других странах Запада для того, чтобы перенять опыт промышленной революции, но переняли только социалистические бредни, почти не продвинувшись вперед за эти 200 лет. Конечно, нынешние бедные страны уже не так бедны, как были бедны нынешние богатые страны. В

одной из самых огромных и бедных стран, Индии, долговечность населения составляет 42 года. В Индонезии — 48 лет. В "страшно бедном" Перу — 53 года. На Филиппинах — 49 лет. В "страшно бедном" Эквадоре — 51 год. В Мексике даже 58 лет. Европа и США жили до промышленной революции много хуже. Кстати, сам взрыв населения демонстрирует совершенно отчетливо, что жить стало существенно лучше: смертность и младенцев и взрослых сократилась, что и привело к "взрыву".

Очень возможно, что это улучшение и есть результат, если не помощи, то влияния богатых стран. Тогда это означает, что сами бедные страны палец о палец не ударили, чтобы за 200 лет преодолеть свою бедность. Надо отдать должное богатым странам: они так помогают бедным странам, что уже начинает страдать их собственное население. Так или иначе, но никакая помощь извне не способна превратить бедную страну в богатую. Бедная страна может это сделать только сама по вполне ясному рецепту промышленной революции в Англии и на Западе. Нужно не увеличивать внешнюю помощь, которая, как правило, оседает в руках не бедных людей, а людей, имеющих власть, а нужно ликвидировать тлетворное влияние благодетелей-социалистов и благодетелей-монополистов. И те и другие лишают бедные страны именно тех важнейших средств, которые подняли из мрака прошлого богатые страны. К сожалению, это есть единственный путь к богатству. Эти средства следующие.

1. Всячески поощрять постройку фабрик и заводов в стране с западными фирмами, способствуя получению профессионального промышленного опыта населением страны.

2. Всячески поощрять частное предпринимательство, как наиболее эффективное в деле повышения производительности труда.

3. Всяческими средствами поднять норму прибыли частных предпринимателей и тем поднять их вложения в развитие и расширение производства.

4. Сократить налоги до минимума.

5. Сократить регламентации частного производства до минимума.

6. Сократить до минимума государственное и национализированное хозяйство, как паразитирующее и понижающее общественную производительность труда.

7. Удешевить кредит для обеспечения развития производства и повышения производительности труда.

8. Воспрепятствовать росту силы профсоюзов и превращению их в монополистов. Лишить профсоюзы всех привилегий. Если бы во время промышленной революции на Западе профсоюзы были бы так же сильны, как сейчас, промышленная революция не произошла и Запад был бы таким же бедным, как все остальные страны.

9. Поощрять материально высокими доходами и духовно общественным одобрением способных, талантливых, квалифицированных работников, организаторов и предпринимателей. Одновременно осудить безделье, паразитизм, халтуру.

10. Свирепо уничтожать любые монополии, являющиеся всегда тормозом прогресса и повышения производительности труда. Насаждать самую жестокую конкуренцию.

11. Провести земельную реформу, передав землю тем, кто на ней работает: крестьянам, жителям, предпринимателям. Постараться довести размер коммерческих сельскохозяйственных участков до оптимального по производительности труда.

Нетрудно видеть, что практически все бедные страны действуют прямо противоположно вышеуказанному единственному рецепту. Индия, например, освободившись от власти Британской империи, попала под власть социализма Индиры Ганди. В результате, благосостояние Индии с 1947 года не улучшилось, а ухудшилось. Разрыв между богатыми и бедными странами растет, а не сокращается в результате деятельности социалистов и благодетелей финансистов-монополистов вместо деятельности конкурентного, демократического капитализма. Дело в том, что богатые страны успели существенно окрепнуть, пока подверглись воздействию благодетелей в большом масштабе. Бедные же страны остались экономически слабыми и их благодетели душат с особенной силой именно поэтому. В то же время этот разрыв нужен благодетелям, так как служит их пропаганде Мирового Порядка и укрепляет их власть над миром. Если бы все страны мира жили хорошо, благодетелям было бы нечего делать.

Вышесказанное, конечно, не есть отрицание необходимости организованного взаимодействия между странами. Был бы очень важен общий международный язык. Нужны, конечно, органы международного арбитража. Нужны международные конвенции. Нужно расширение торговли, экономических и политических связей. Однако, суверенность отдельных государств жизненно необходима. Внутренние дела должны оставаться внутренними и не подвергаться диктату со стороны. Нам

очень важно сохранить все огромное богатство множества национальных культур, национальных особенностей, традиций и т. п. Без сохранения этого колоссального многообразия и без его дальнейшего развития, а не подавления, прогресс человечества во всех отношениях будет невозможен.

Кризис социализма в Польше и благодетели

В Польше благодетели попали в исключительно критическое положение. С одной стороны, нужно вернуть деньги, вложенные благодетелями в укрепление социализма в Польше и не принесяшие желаемого результата. С другой стороны, победа "Солидарности" опасна превращением Польши в независимую демократическую республику. Первое, при банкротстве Польши, грозит подрывом финансов благодетелей. Второе грозит крушением дела благодетелей, вообще. Демократическую республику будет почти невозможно загнать в мировое тоталитарное государство.

В то же время победа советской власти в Польше означает продолжение неэффективной социалистической экономики, с ним нарастание нищеты Польши и угрозу новых столкновений, которые опять ведут к угрозе создания в Польше демократии. Из этих соображений и вытекает политическая линия благодетелей. Прежде всего содействовать победе советской власти, но потребовать от нее экономических реформ. Реформ, которые бы повысили эффективность социалистического хозяйства и позволили бы Польше вернуть долги. Поэтому благодетелям нельзя совсем скинуть "Солидарность" со счетов. "Солидарность" нужна, как рычаг воздействия на советскую власть в сторону реформ. Благодетелям нужно торжество советской власти плюс сотрудничество с нею самих поляков, что невозможно без обеспечения сотрудничества с советской властью "Солидарности". Благодетели, конечно, понимают, что без сотрудничества поляков с властью никакие реформы помочь не могут. От себя добавим, что именно сам социализм этого сотрудничества не допускает и без устранения социализма никакие реформы не помогут. Однако устранение тоталитарного централизма, социализма, не соответствует цели благодетелей. Поэтому благодетели развивают колоссальную исследовательскую деятельность через свои Фонды и своих агентов в попытках исправить социализм. Пишутся "научные" труды и проводятся дискуссии на такие темы, как, скажем, "Вопросы

введения элементов рынка в директивное (читай "социалистическое") хозяйство" или "Основы обновления народного (читай "социалистического") хозяйства" и т. п. Разрабатывается множество всяких альтернатив, но с обязательным условием сохранить социализм, т. е. обобщественное хозяйство и предельную концентрацию власти над населением у управителей. Социалистический тоталитаризм, как строй, ведущий в Мировой Порядок, абсолютно необходим для благодетелей. Нужно аккуратно балансировать силы советской власти и недовольство населения так, чтобы, помогая то тому, то другому, сохранять тоталитарный строй в силе. Следует отметить, что вторжение СССР при крахе польского советского режима было бы для благодетелей абсолютно необходимым. Тем более, что есть надежда тогда, что СССР оплатит польские долги. Этот захват полностью бы разрешил затруднения благодетелей. Однако СССР очень трудно на это решиться из-за его собственной экономической слабости, из-за собственной задолженности Западу, из-за возможной потери престижа и, наконец, из-за ненадежности своих солдат и офицеров для борьбы с поляками. Политика благодетелей в отношении Польши является их совершенно универсальной политикой и в отношении остальных социалистических стран.

Стоит сказать несколько слов о помощи отзывчивых людей и правительств Польше продовольствием, вещами и денежными пожертвованиями. Эта помощь попадет, без всякого сомнения, в руки советской власти или ее представителей и будет ими использована для того, чтобы поставить поляков на колени. Я полагаю, что санкции президента Рейгана имеют именно это в виду. Конечно, эти действия Рейгана берутся благодетелями в штывки во всей мировой прессе и выставляются, как пример жестокости по отношению к страдающему польскому народу. Английская газета "Дейли телеграф" от 8.1.82 года правильно пишет: "Мы находимся перед лицом бессовестного союза банкиров, односторонних разоружателей, политиканствующих церковных деятелей, социалистов, социалистически настроенных консерваторов, советских попутчиков, объединенных в их стремлении противодействовать любым действенным санкциям против Варшавского военного режима и против их советских покровителей. Успех этого союза означает отрыв Европы от США и огромную удачу Брежнева". Добавим от себя: а особенно благодетелей!

Пока же польские магазины пусты, хотя Европа уже поставила Польше огромные количества продовольствия. Одного лишь мяса

поставлено не менее, чем на три недели для всего населения Польши. Спрашивается, куда эти продукты делись? Вот вам и помощь польскому народу! Польский народ ее не видел, не видит и не увидит, пока существует в Польше советская власть и социализм.

Мугабе, епископ Музорева и благодетели

Родезия — страна, находившаяся до недавнего времени под официальным управлением Великобритании, а неофициально управлялась режимом крупного общественного деятеля Родезии Смита и рядом его помощников, которые провозгласили независимость от Великобритании. Это провозглашение независимости было вызвано опять же антиродезийской политикой благодетелей, проводившейся правительствами (якобы) Великобритании. Спрашивается, почему эта большая и богатая африканская страна была передана Англией под власть террориста марксиста Мугабе, а не демократического деятеля и христианского священника епископа Музорева? Ответ тот же самый. Это было в интересах благодетелей. Министром иностранных дел Англии, который это дело организовал, был лорд Кэррингтон — член клики благодетелей. Он же известный консерватор (!!) и крупный политический деятель.

Взглянув на карту Африки, нетрудно увидеть, для чего это нужно. Захват Родезии (теперь Зимбабве) марксистами есть важная часть плана благодетелей изолировать и окружить Южно-Африканскую Республику, которая продолжает оставаться независимой и непослушной благодетелям. Мозамбик, Замбия, Ангола и теперь Родезия, с помощью благодетелей в союзе с СССР, ГДР и Кубой, окружают Южную Африку плотным кольцом враждебных государств, стремящихся к разрушению Южно-Африканской Республики. Если Намибия, находящаяся под протекторатом Южной Африки, падет в руки социалистов, то окружение будет полностью закончено. Этого и добиваются сейчас социалистические страны, ООН и благодетели.

Южная Африка — ключ к изоляции США и успеху стратегии благодетелей. Южная Африка обладает колоссальными ресурсами разведанного сырья, золота и алмазов. Военно-мобилизационная готовность США весьма сильно зависит от сырья Южной Африки. От этого сырья зависит и экономика Европы. Южная Африка с ее огромными запасами золота и алмазов в значительной степени контролирует рынок золота и алмазов и воздействует на валютные и финансовые биржи мира. Это,

конечно, сильно мешает финансовым манипуляциям благотетелей. Благотетели имеют в лице Южной Африки сильного конкурента, отнюдь не склонного к марксизму, которого будет невозможно загнать в Мировой Порядок. Южная Африка находится и географически в очень важном положении — в узле коммуникаций между США и Западом и странами Среднего Востока и Востока. Суэцкий канал довольно уязвим в случае войны. Захват Южной Африки марксистами резко приблизил бы благотетелей к их цели Мирового Порядка и осуществления их власти над миром.

Ясно, что все эти соображения не годятся в качестве пропагандистского оружия благотетелей против Южной Африки. Расизм же очень модный вопрос и вполне удовлетворяет требованиям, как инструмент разрушения Южно-Африканской Республики. Вся пресса мира, включая и советскую, вопит во все горло о "расизме" Южной Африки. Одновременно скрывается, что черные в Южной Африке имеют уровень жизни, который и не снился населению остальной Африки. Что черные получают великолепное образование, включая высшее, которое тоже не снилось населению остальной Африки. Что черные занимают достаточно высокие должности в стране. Что черное население, вопреки картине, созданной прессой, живет в Южной Африке хорошо и, само по себе, не склонно к разрушению государства. (Именно поэтому и приходится для этого разрушения применять внешнее воздействие.)

Суть "расистской" политики Южной Африки только в том, что они хорошо знают последствия лозунга благотетелей: "один человек — один голос". Управление государством попадет в руки активных, некомпетентных и марксистски настроенных черных агитаторов. Все благосостояние и черных и белых в стране будет так же разрушено, как в Мозамбике, Анголе, Замбии, а теперь в Зимбабве (Родезия). Посмотрите, какие огромные массы черного населения по всем марксистским странам Африки умирают от голода и уничтожаются всякими бандами и социалистическими диктаторами. Южная Африка представляет собой настоящий рай для черных. Этот рай благотетелям нужно уничтожить во имя Мирового Рая.

И кто же больше расист? Южная Африка или господа Машель, Мугабе и благотетели, которые разжигают расовую ненависть черных к белым для того, чтобы обеспечить власть себе грабить и уничтожать своих соотечественников. Южная же Африка отнюдь не разжигает ненависти белых к черным, а наоборот, старается ее полностью ликвидиро-

вать, обеспечив сотрудничество всего населения.

Финляндизация Европы

Остатки демократии в Европе и неспособность правителей Европы держать свое население в узде, конечно, являются серьезным препятствием к осуществлению благодетелями Мирового Порядка. Мировой Порядок требует сильной государственной власти и послушного населения. В этом отношении даже остатки демократии делают задачу безнадежной. Естественно, что надежды благодетелей обращаются на СССР, который представляет собой систему с сильной государственной властью и подавленным (пока!) населением, как и полагается тоталитаризму социализма. Финляндия есть хороший пример того, как подчинить, вроде бы демократическую, страну тоталитарному диктату СССР. Если бы удалось финляндизировать Европу, благодетели бы резко приблизились к своей цели всеобщего Мирового Порядка. Поэтому благодетели из всех сил стараются централизовать Европу и поставить ее в экономическую и политическую зависимость от СССР. На СССР, они уверены, что смогут воздействовать в нужном направлении, так как цель СССР полностью совпадает с целью благодетелей. Финансы же покояют и социалистических властителей и властителей централизованных государств.

Политика благодетелей в США

Остатки демократии в США являются сильнейшим препятствием достижению цели благодетелями. Поэтому сейчас благодетели возглавляют поход в США за "обезвреживание" Конституции США, охраняющей права граждан и демократию страны. Отменить Конституцию почти невозможно. Поэтому благодетели стараются ее разрушить с помощью воздействия, с одной стороны, на ее истолкователей — Верховный суд, а с другой, — с помощью введения новых законов, фактически отменяющих Конституцию по частям. Конечно, Конституция США и все еще довольно демократическая структура государства и хозяйства США являются крепким орехом, который благодетелям трудно расколоть. Однако после финляндизации Европы дело может пойти много успешнее. Легко видеть, что благодетелям очень важно отколоть Европу от США. Недаром мировая пресса буквально науськивает

европейцев на американцев и американцев на европейцев.

Политика благотетелей в остальном мире

Политика благотетелей в Канаде, Японии и остальном мире еще не является первоочередной по сравнению с таковой в Европе и США. Однако направление воздействия благотетелей все то же: централизовать страны, навязать им тоталитарные, монополистические системы с сильной государственной властью и везде поддерживать соответствующий баланс между государственной властью и населением. При балансе, небольшое давление со стороны благотетелей дает им возможность направить события в нужную сторону. Хорошим примером является правление президента Маркоса на Филиппинах. Маркос почти диктатор и это в интересах благотетелей. Однако давать ему полную и стабильную власть нельзя, так как тогда благотетелям трудно будет на него воздействовать. Поэтому важно, чтобы власть Маркоса все время оспаривалась всякими мятежами и неурядицами, но не настолько, чтобы свергнуть диктатора. Конечно, это все не так просто. Бывают и срывы. Однако в любой стране существует множество противопоставленных друг другу тенденций, лидеров, организаций. Искусство благотетелей в том и состоит, чтобы чуть помочь тем и другим. Часто бывает достаточно поощрения или осуждения в мировой прессе, чтобы тем направить события по руслу, желаемому благотетелями.

Легко видеть, что во всем мире инструментами воздействия благотетелей являются нищета, безработица, инфляция, политическая нестабильность, неуверенность, неопределенность, государственное мотовство, государственная неэффективность и нестабильность, дезинформация, запутывание мозгов. Направление воздействия благотетелей: централизм, монополизм (вплоть до монополии кучки — картеля финансистов), тоталитарная государственная власть и ее переход в мировую. Демократия (близкая к швейцарской), как экономически и политически эффективная и стабильная система, является сильнейшим врагом благотетелей. Социалистический тоталитаризм является наилучшим подручным и верным союзником благотетелей.

Благотетели и российская эмиграция

Как бы ни действовали благотетели, они действуют достаточно скрытно, чтобы большая часть российской эмиграции могла бы запо-

дозреть их существование и, тем более, разобраться в их опасных целях. Особенно имея в виду готовую возможность сослаться на действия СССР, Китая и т. д. Однако можно не сомневаться, что российская эмиграция представляет для благодетелей немаловажную силу, которую они безусловно используют. Истории "Треста", "Евразийцев", "Советского патриотизма" в российской эмиграции едва ли обошлись без воздействия благодетелей. Деньги и связи во всех этих случаях играли решающую роль. Вербовка подходящих по духу российских эмигрантов в университеты и другие организации благодетелей есть этому доказательство. Предоставление тому или иному российскому эмигранту той или иной стипендии из Фондов благодетелей, хотя и не всегда оканчивается совершением его с пусти истины, но такая возможность создается. Например, некоторая небольшая часть активных представителей третьей волны чудесным образом оперирует весьма значительными средствами, которые дают ей общественный престиж и громкий голос. Этот голос, если его внимательно слушать, иногда переключается с идеями и целями благодетелей. Это, конечно, может возбуждать некоторые грустные подозрения. В свое время покойный президент Франклин Рузвельт отметил: "Все происходящее не возникло из мировой пустоты, а всегда было когда-то, где-то и кем-то запланировано".

Экономист Гэлбрайт и управление миром

Широко известный на Западе и в СССР экономист и профессор К. Гэлбрайт считает, что управление государством (и, видимо, миром) ничуть не сложнее, чем управление сборочным заводом автомобилей. Действительно, знания, необходимые для постройки завода и его функционирования, вероятно сложнее и больше, чем те, которыми руководствуются, скажем, родители при воспитании своих детей. Однако только ли в знаниях дело? Уважаемый профессор или по незнанию или умышленно упускает из виду чрезвычайную сложность и непредсказуемость поведения человека даже для него самого. Профессор так же скидывает со счетов природные свойства человеческих существ: ограниченность их разума (дай Бог, самим управляться с собой, а не то что с другими), уникальность каждого отдельного человека, инстинкт самосохранения, проявляющийся в личном интересе и эгоизме и, как правило, в неспособности достаточно понять других людей. Когда человек

поступает на работу, он обязуется поступать на работе в соответствии с определенными правилами и инструкциями. Его этому специально обучают. Понятно, что эти инструкции и правила распространяются на весьма узкую часть деятельности человека (работу). Они, как правило, не превышают пределов его разума, не насилюют уникальных свойств личности, лишь ограничивают в узкой области работы его, человека, непредсказуемость. За работу и ограничение непредсказуемости, человек получает зарплату, удовлетворяющую в той или другой степени его личный интерес.

По мере численного роста организации, в которой люди работают, правила и инструкции становятся все сложнее, а, главное, становятся недостаточными для обеспечения гладкого и предсказуемого функционирования организации. Подавляемая инструкциями непредсказуемость людей начинает воздействовать на функционирование организации, разрушая ее гладкое течение. В результате, управление большими организациями превращается из управления в "гадание на кофейной гуще", чему не могут помочь самые совершенные компьютеры, так как их-то управляющему тоже нужно понимать. Поэтому крупные организации работают по принципу: "русский человек, если выздоровеет, то итак выздоровеет, а умрет, так и так умрет". "Управление" становится делом счастья, удачи. Такие организации, рано или поздно, становятся нагрузкой для налогоплательщика, требуя и получая государственные субсидии.

Что же говорить об управлении государством и, тем более, миром.

Действительно, как можно истинно управлять государством, если не менее чем 80% нашего поведения определяются эмоциями и не следуют никак рациональному мышлению. Легко убедиться, что эта эмоциональная часть явно выражена даже на малом предприятии, управляемом по правилам и инструкциям. Эти эмоции, как ни верти, очень сильно определяют взаимодействие работников между собой и по отношению к предприятию. Что касается нашей внезаводской жизни, так тут эмоции главенствуют. Между тем, управление государством, а тем более, миром тем и отличается от управления заводом, что это управление включает в себя огромный спектр поведения людей вне предприятий, как и внутри их. Эмоции логике и правилам не подвержены. Поэтому централизованным государствам, а особенно социалистическим, и приходится в управлении прибегать к явному и, тем не менее, неэффективному насилию. Таким образом, нет более разных и

более далеких друг от друга человеческих организаций, как банк, завод, промышленное или любое другое предприятие и человеческое общество. Даже такое небольшое, как община (коммунити). Тем более такое крупное, как государство. Марксистское невежество профессора Гэлбрайта в этом вопросе чрезвычайно велико.

Благодетели и грудящиеся

Легко (если есть желание) понять, ни один государственный аппарат в мире не производит ни грамма хлеба, ни метра мануфактуры, ни песни, ни оперы. Все, что потребляется трудящимися, они сами и должны произвести своим трудом и мозгами. Если трудящиеся плохо и мало работают они сами и страдают от недоброкачественных товаров, плохих услуг, от высоких цен, от недостатка товаров. Забастовки и разрушения, производимые трудящимися, отражаются на них самих и на их семьях. Невозможно производить дешевые и доброкачественные товары и услуги для трудящихся, если трудящиеся не сотрудничают между собой, не сотрудничают с технической и управляющей администрацией. Сами посудите, как произвести доброкачественный и дешевый холодильник или стиральную машину, если трудящийся даже на одной производственной операции работает спустя рукава и не выполняет технических указаний. Тем более, если это положение распространяется на все операции, как это часто сейчас происходит. Как бы ни ловчить, а за все приходится страдать самим трудящимся: и за брак продукции и за перерасходованный материал, за перерасходованную энергию и т. д. в виде повышенной цены на покупку. То, что страна накопила в виде квалификации своего населения, в виде знаний, в виде технической и научной элиты, т. е. то, что называется материально-технической культурой, все разрушается и растрачивается впустую такими, вполне безответственными, действиями трудящихся. Это называется классовой борьбой и борьбой против эксплуатации. Марксисты так и заявляют. Чем хуже и меньше трудящийся работает, тем он больше сопротивляется эксплуатации. Беда только в том, что страдает от этого сам трудящийся и этого марксисты ему не говорят. Целый ряд партий и все профсоюзы возглавляют на Западе это бессмысленное разрушение материальной культуры, создававшейся веками. Всем, кто понимает эту простую истину, должно быть ясно, что эта бессмысленная "классовая борьба" и сами разрушители должны быть остановлены и обезврежены

и чем скорее, тем лучше. Благодетели эту ситуацию великолепно понимают и от нее, конечно, не страдают. Тем не менее, они стараются ее раздуть, так как она служит их целям. Классовая борьба приводит к обнищанию и трудящихся и общества, а это дает возможность нажима на государство в пользу благодетелей. "Денег, денег!", требуют от государства трудящиеся. (Как будто государственный аппарат может дать трудящимся то, что они сами отказываются производить). Вот тут-то и приходят "на помощь" благодетели финансисты-монополисты и захватывают больше и больше власть над государством с помощью манипуляций финансами и якобы спасительной их профессиональной экспертизы. Так трудящиеся помогают благодетелям поработить и государство и себя.

Если бы благодетели хотели добра трудящимся, они, конечно, пропагандировали бы сотрудничество всех трудящихся сверху до низу. Только таким сотрудничеством можно достигнуть максимального и духовного и материального процветания, ликвидации нищеты, инфляции, безработицы. Легко заметить, что ни один из знаменитых Фондов благодетелей, ни их пресса, радио и телевидение таких идей не пропагандируют. Если бы трудящиеся вместо классовой борьбы занялись бы сотрудничеством и честной, качественной работой, они бы не нуждались в благодетелях и в их Мировом Порядке.

Кто хочет ядерную бомбу?

Можно ли оспаривать, что ни один рядовой гражданин любой страны не хочет ядерной войны? Безусловно, нет. Рядовые люди определенно не хотят не только ядерной, но и обычной войны. Войны могут хотеть или грозить ею только правительства. Какие правительства? Только те, которые не зависят от мнения рядовых людей. Какие это правительства? Социалистические и другие диктатуры. Правительства под властью благодетелей. Благодетели безусловно тоже развяжут войну, если это будет нужно для достижения их цели: заставить то или иное государство подчиниться Мировому Порядку. Мозговые тресты благодетелей уже давно разрабатывают тему такой войны. На благодетелей рядовые люди тоже не в состоянии воздействовать.

В нашем нынешнем мире социалистических и финансовых монополий и централизованных государств положение рядовых граждан крайне незавидное. Без рядовых граждан ни социалистические, ни

финансовые монополисты, ни централизованные правительства, дерущиеся за власть над миром, существовать не могут. Тем не менее, никто из дерущихся за власть гигантов рядовых граждан не слушает и слушать не собирается.

Представьте себе, что среди миллионов лилипутов вырос каким-то чудом десяток Гулливеров, каждый из которых хочет монопольной власти над миллионами лилипутов. Представляете себе драку этих гулливеров между собой посреди миллионов ничтожных лилипутов? Сколько этих лилипутов погибнет под сапогами гулливеров, пока один из них не завладеет тронном? Хуже! Если выросли эти гулливеры, значит есть условия для появления и других. Тогда драка гулливеров будет бесконечной. На смену поверженным будут появляться новые. Лилипутам же придется только гибнуть и с тоской наблюдать за бесконечной дракой, не будучи в силах что-либо предпринять. Для человечества может быть только один выход — истинная демократия со строгим ограничением любых чрезмерных концентраций власти над людьми в государстве и в монополиях. В истинной демократии "гулливеры" не смогут появиться.

Только истинная демократия есть высшая и надежная гарантия мира между народами. Кстати, не потому ли благодетели финансисты-монополисты из CFR замалчивают необыкновенные достижения Швейцарии и, наоборот, задуривают нашу голову легендами о неких "цюрихских гномах", "аморальных и беспринципных", которые будто бы управляют Швейцарией? Уж кому, кому, а благодетелям из CFR аморализма и беспринципности не занимать стать. Да и разница видна: Швейцария развивается и процветает, а Запад в тисках CFR корчится в судорогах инфляции, безработицы, нарастающей нищеты и постепенной экономической и духовной деградации.

Фундаментальная причина войн

Войны и конфликты начались, видимо, тогда же, когда на земле появился человек. В нашем представлении война есть почти естественное состояние человечества. Нас очень легко убедить, что войны будут продолжаться, пока не произойдет объединение всего человечества в одно мировое государство. Однако следует рассмотреть этот вопрос более внимательно. Каждый согласится, что люди, с которыми он встречается и среди которых проходит его жизнь, не хотят войны, бо-

ятся ее. Даже в кругах правительственной бюрократии сейчас трудно или даже невозможно найти человека, который бы хотел войны и говорил бы об этом. Это положение так же справедливо для населения Запада, как и для населения СССР. Конечно, всего лишь 100-150 лет тому назад дело обстояло существенно иначе. Из мемуаров можно узнать, что высказывания ряда мелких и крупных государственных деятелей очень нередко были весьма воинственными и категоричными. "Нам не хватает места для жизни, а наши соседи имеют огромные неосвоенные пространства" или "Мы должны захватить эти проливы и получить выход в море" и т. д. и т. п. Легко, однако, установить и в этих случаях, что воинственный дух и пропаганда "восстановления справедливости" с помощью войны шла не снизу вверх, а всегда сверху вниз.

Если окинуть мысленным взглядом историю человечества, то можно обнаружить следующее. В мире зверей выживание, скажем семьи волков или обезьян зависело от размеров территории и ее природного богатства, приходившихся на эту семью. Большие территории, больше ее богатства, больше возможностей выживания. Это и понятно. Средства к жизни не создавались. Брать можно было и пользоваться только тем, что сама природа давала. Человеческие семьи не отличались в этом отношении от семей зверей. Как и семьи зверей, люди очень ревниво охраняли "свою" территорию и были совсем не прочь захватить, если можно, кусок территории у другой семьи. Без оборонительной или захватнической войны выжить было трудно. Этот процесс дележа территории продолжался по мере размножения человечества непрерывно тысячи лет. С течением времени семьи объединялись в племена, племена в некие княжества, княжества в государства, государства в империи. Этот процесс дележа территории земли и укрупнения государств или, вообще, ячеек человеческого общества происходил, главным образом, с помощью войн.

Даже всего 100-150 лет тому назад, чтобы прокормить население, нужно было иметь несколько гектаров обрабатываемой земли на человека. Недостаток обрабатываемой земли вел к смертям и лишениям, к вымиранию. Этот недостаток вел и к слабости государства и к опасности военного захвата другим государством. Параллельно этому процессу, так сказать, обеспечения выживания с помощью увеличения территории, шел процесс увеличения производительности труда с помощью использования дополнительных, нечеловеческих мускулов, источников энергии (энергии животных, энергии ветра, воды и т. д.),

введения машин и инструментов, введения более производительных процессов обработки земли и производства товаров. В последнее время появились в некоторых странах возможности кормить население, и кормить неплохо, всего с 0,5 гектара на человека. При открытии новых, достаточно дешевых источников энергии (ядерное использование морской воды, например, сулит неограниченный источник энергии на тысячи лет вперед) можно будет кормить человека, имея всего 0,01 гектара или даже меньше и притом пустыни, а не плодородной земли. В будущем даже естественный солнечный свет не будет необходимым для производства пищи и товаров.

Таким образом, рост производительности труда (за счет развития науки, техники и открытия новых источников энергии) привел к тому, что передовые по производительности труда страны получили полную возможность не только выживать, но и процветать на любой территории. Для передовых промышленных стран вопрос территории перестал быть вопросом жизни и смерти. Нечего удивляться, что в передовых странах не только население, но и правители перестали говорить о войне, как о жизненной необходимости. Огромный рост производительности труда является тем фактором, который впервые за миллион лет развития человечества ликвидировал необходимость войны и захвата территорий для выживания народа. Этот же фактор привел к понижению прироста населения. Впервые "производство" детей, как производство мускульной человеческой энергии (рабочих рук), потеряло свой смысл.

Конечно, в мире еще остается довольно много сельскохозяйственных стран с весьма низкой производительностью труда. Однако первый путь к высокой производительности труда уже проложен и промышленная революция в еще неразвитых странах может происходить, конечно, не без жертв и лишений, но с гораздо меньшими страданиями, чем это было для передовых ныне стран. Нужно только иметь в виду, что высокая производительность труда не может быть, как цветок, пересажена из развитой страны в неразвитую. Без трансформации примитивного населения в население с образованием, с высоким уровнем техники и науки, с высокой предпринимательской активностью обойтись невозможно. Так или иначе достижение и в ныне неразвитых странах высокой производительности труда есть ключ к полной ликвидации войн.

Если говорить теперь о недостаточно равномерном распределении по территории земли источников сырья и энергии, то и это тоже не явля-

ется непреодолимой проблемой для любого отдельного государства. Для этого уже тысячи лет существует торговля не только между отдельными людьми, но и между государствами. Кроме того все новые и новые источники сырья и энергии открываются чуть ли не каждый день. (К чрезвычайному неудовольствию пророков земной катастрофы). Наконец, такие колоссальные источники сырья и энергии, как атмосферный воздух и морская вода, практически почти не используются. И так, впервые за миллион лет человечество *может* начать жить без войн. Война перестала быть необходимостью для сохранения жизни населения и государства.

Новый источник войн

К сожалению, тот же процесс развития науки и техники, поднявший производительность труда и исключивший необходимость войн, в принципе, привел к появлению идеи совершенного общества социализма и к ликвидации миротворческих религии и веры. Главная беда, конечно, в том, что эта идея является утопией и ее реализация неизбежно приводит к понижению производительности труда, что опять ставит в порядок дня войну и захваты. Если производительность труда не повышается, а понижается, приводя к нищете, нужно завоевать весь мир, чтобы распространить эту нищету на весь мир, чтобы некому было завидовать. Ну, а для завоевания мира войны и захваты необходимы. Едва ли вы можете себе представить, что Брежнев, Ден Сяо Пин или завладевшие властью финансисты-монополисты (благодетели) могут мирно договориться и уступить свою власть некому центральному правительству мира. Легко видеть, что ни Брежнев, ни Ден Сяо Пин, ни благодетели даже своему, более способному коллеге власть без смертельной борьбы не уступят. Таким образом, благодетели-социалисты вкупе с благодетелями финансистами-монополистами создали новую и еще более страшную и уже теперь бессмысленную угрозу войны во имя создания Мирового Порядка.

И те и другие благодетели понижают производительность труда — базу ликвидации войн. И те и другие делают это с помощью коллективизма, противоречащего фундаментальным свойствам человеческих существ. Эффективность (производительность труда) социализма уменьшается на глазах. На глазах уменьшается эффективность огромных корпораций монополий и централизованных государств. Централиза-

ция и коллективизм приводят и к тому, что население теряет силу воздействовать на правителей. Поэтому население, не желающее войны, не желающее происходящей борьбы за власть, от которых оно может терпеть только бедствия, бессильно эту борьбу прекратить. Таким образом, нынешнее положение в мире характеризуется:

1. Нарастанием концентрации власти над людьми.
2. Эта концентрация приводит к сковыванию производительной силы масс, к понижению общественной производительности труда, увеличивая риск войн и захватов.
3. Одновременно, эта концентрация власти приводит к ожесточению борьбы за власть. Чем больше власть, тем она завиднее и тем больше желающих ее захватить. Тем более гигантскими, бесчеловечными, уничтожающими становятся средства для захвата власти. Легко понять, что борьба за место председателя местного Совета не идет ни в какое сравнение с борьбой за власть в управлении государством и, тем более, миром. Первая не приводит ни к чему страшному и даже просто заметному. Вторая может повлечь миллионные жертвы, ужасные катастрофы и колоссальные страдания народов, как это было в истории.

Тысячелетнее наследие

Низкая производительность труда и связанная с этим борьба за кусок хлеба и за жизнь на протяжении тысяч лет вела ко все большей и большей централизации управления обществом. Ко все большей и большей концентрации власти над людьми. Малое и слабое государство без централизованной и сильной власти было объектом завоевания и грабежа. Более чем треть человечества в наше время более не нуждается в грабеже и завоеваниях для поддержания своей жизни за счет других. Следовательно, если бы не социализм и благодетели, исчезла бы нужда и в централизации, которая ухудшает именно то, за что воюют, т. е. уровень жизни.

Не будь централизации и монополий, т. е. будь истинная демократия, не было бы концентрированной, ожесточенной и крайне разрушительной борьбы за власть. Чем больше централизации и монополизма, тем менее продуктивно, при прочих равных обстоятельствах, общество, тем страшнее и разрушительнее борьба за власть в нем (внутри государства и между государствами).

Таким образом, тысячелетнее наследие — тенденция (во спасение в

прошлом жизни народа) централизации управления людьми, будучи уже ненужной, продолжает развиваться, увеличивая угрозу войн и грабежа. Если раньше централизацию поддерживала жизненная необходимость, теперь ее развивают утопические идеи благодетелей. Какие только доводы в пользу централизации (и, следовательно, борьбы за власть) не приводятся! "Человек по своей природе — жестокий зверь. Ему нужна прочная узда!" Однако, посмотрите даже в самых бедных (относительно) странах на местное население и вы обнаружите, что это совершенно мирные люди, готовые даже помочь в беде другим. Посмотрите население США, Европы, СССР, Китая. Если не говорить о ничтожном числе заведомых преступников, разве эти отцы и матери семейств, молодежь, пенсионеры похожи по виду или поведению на зверей? Совсем, нет. Огромный рост производительности труда людей (даже в Китае, если сравнивать, скажем, с каменным веком) привел к тому, что уже нет нужды перегрызать горло другому, чтобы жить самому. Борьба за жизнь, борьба за существование заменилась теперь борьбой за улучшение жизни и это, как правило, не требует таких крайних мер, как убийство конкурента. Достигнув благополучия, люди, несомненно, стали добрее, милосерднее, стали "человечнее". Имеется огромное количество самых разнообразных фактов, которые это подтверждают. Конечно, всегда была и всегда будет часть населения, которая действительно похожа на лютых зверей. Они особенно скопляются в городах. В любом государстве на них раньше была управа. Теперь люди стали настолько человечны, что не могут понять возможности бесчеловечности других. В результате, эта, очень небольшая (меньше одного "зверя" на 1.000 человек) часть человечества распоясалась и воздействует на жизнь с неоправданно большой силой. Человечество на нашей планете состоит в своем подавляющем большинстве из мирных людей, а не зверей. Не трудно заметить, что подавляющее большинство зверств на нашей планете, в особенности массовых, совершается не населением, а правителями во имя мифических интересов государства и человечества.

"Люди глупы и ими для их же пользы нужно управлять". Действительно, кроме гениев имеются и глупые. Однако управители — тоже люди и не умнее остальных. Почему можно считать, что Иван Иванович, став председателем Совета, становится одновременно умнее нас всех? Явный абсурд. А если он не становится умнее, почему он диктует нам, как нам жить и работать. Я понимаю специализацию. Ясно, что

инженер механик знает механику лучше, чем я, занимающийся электроникой. Поэтому я и верю ему в вопросах механики. Я понимаю, что могут быть определенные функции управления, которые не могут выполняться нами самими, как, может быть, обеспечение законности и порядка. Или взаимоотношения с другими государствами. Или организация обороны и т. п. Таким образом, конечно необходимо разделение труда, разделение функций, специализация. Однако централизованный диктат, как нам жить и работать, явно нам ни к чему. Какой государственный орган может заменить родительскую любовь? Или, вообще, любовь? Какой государственный орган может заменить наши собственные мозги? Конечно, сейчас на Западе пытаются заменить семью, родителей, религиозную мораль тучей общественных так называемых социальных работников и миллионом законов и правил. Разрушительность таких попыток становится очевидной, но еще мало, кто знает, что все это является инструментом благодетелей для достижения ими власти над миром.

Централизованное государство становится вредным и опасным анахронизмом и источником войн и захватов. По крайней мере, 95% населения мира не хочет войны. Толкают к войне только централизованные властители и благодетели.

Только децентрализация (не миттерановская фикция) и демократия могут быть гарантией мира и процветания народов.

Представьте себе, что все государства мира были бы так же производительны (высокий уровень жизни) и так же децентрализованы, как Швейцария. Так же свободны от инфляции, безработицы, нищеты, вандализма и терроризма, как Швейцария в результате своей демократии. В мире не было бы угрозы войны, несмотря на отсутствие Мирового Порядка благодетелей. В Швейцарии ни на уровне Федерации, ни на уровне Кантонов, ни на уровне Общин не происходит той необычайной и потрясающей всю страну борьбы за власть, которая характеризует все остальные страны мира, если и являющиеся представительными, парламентарными демократиями, но не являющиеся истинными демократиями. Швейцария одновременно и не воинственная страна. Население, как и везде, не хочет войны, власть управителей резко ограничена, благосостояние наивысшее, захваты и войны просто не нужны. В то же время Швейцария может в 24 часа выставить армию в 600.000

человек и защитить себя при необходимости. Швейцария есть децентрализованное, истинно демократическое государство. В этом и секрет процветания и секрет мира. Будем надеяться, что швейцарцы не поддадутся на удочку благодетелей и сохранят свою Конституцию. Вот основные характеристики истинной демократии:

1. Федерация, как уполномоченный, но не суверенный представитель автономных национальных государств.

2. Автономные государства, состоящие из самоуправляющихся и *самофинансирующихся* общин.

3. Функции всех трех "этажей" государства ограничены только теми обязанностями, которые в принципе не могут осуществить сами граждане или их ограниченные законом в размере объединения.

4. Совокупный бюджет всех трех этажей государства ограничен определенной частью национального дохода и в обязательном порядке сбалансирован. Все налоги и сборы собираются в общинах и по специальному закону распределяются по трем этажам государства.

5. Законодательство определяет только правила общежития, а не поведение и ход жизни и деятельности граждан.

6. Главным механизмом регулирования народного хозяйства является полностью свободный рынок, т. е. свободная от любых монополий (профсоюзных, партийных, государственных, банковских и промышленных) конкуренция.

7. Полное равноправие всех видов собственности.

8. Полное равенство всех граждан перед законом.

9. Хартия прав и обязанностей всех граждан.

10. Структура государства, власти и прав закреплена в Конституции, которая может быть изменена только в результате всенародного голосования и большинства в две трети голосов.

В противоположность истинной демократии Мировой Порядок, во-первых, не может быть достигнут без страшных войн и катастроф, а во-вторых, будучи чудом достигнут, не может быть стабильным. Как любая чрезмерно сложная и чрезмерно большая система, Мировой Порядок будет непрерывно подвергаться силам разрушения и хаоса и переживать непрерывные потрясения и катастрофы.

Если же иметь в основе три этажа истинно демократического государства, то можно будет мыслить в виде четвертого этажа некоторую систему полномочных (не суверенных) организаций, осуществляющих международное взаимодействие государств. Такая система будет в своей

основе стабильна, гибка и не будет сковывать производительные и духовные силы человеческих масс. Социализм и идея Мирового Порядка, как идеи централизованного, тоталитарного государства мира, должны быть разоблачены. Истинная демократия должна восторжествовать и рано или поздно восторжествует.

Благодетели — тоже люди

Следует иметь в виду, что благодетели являются тоже людьми. В частности, Рокфеллеры — христиане баптисты, Морганы и Кеннеди тоже христиане. (Конечно, их личное христианство не помеха тому факту, что их дела разрушают религию). Если каким-то чудом вы придете с ними в контакт "на равных", я уверен, что они произведут на вас впечатление деловых интеллигентных, образованных людей, по-христиански отзывчивых. Людей, словом, не хуже нас с вами. Суть именно в том и есть, что они люди и обладают всеми нашими человеческими свойствами. Ограниченностью, как у нас, разума, уникальностью своей личности, как у нас всех, личным интересом и эгоизмом, как и все мы, и такой же непредсказуемостью и иррациональностью многих своих поступков, как у всех нас. То, что они обрели колоссальную власть над нами и стремятся ее неограниченно расширить, объясняется не тем, что они радикально от нас отличаются. Дело в том, что законы, которые мы, люди, устанавливаем, не исключают этой возможности узурпации наших прав и свободы. Это лишь воля случая, что именно они эту возможность использовали. Если бы они ее не использовали бы, ее использовали бы другие. Результат был бы тот же. Именно от нас зависит прежде всего понять ситуацию и затем создать такие законы, такое строение и Конституцию государства, которые бы ограничивали в должной мере концентрацию власти одних людей над другими. Это и будет государство истинной демократии. Государство, в котором вместо насильственной однородности и конформизма монополизма и централизма, расцветает все чудесное многообразие творчества, характеров, свойственное природе.

Не ночной ли это кошмар?

Рядовому человеку, как и мне сначала, вся эта история, да еще неполностью, лишь в намеках известная, покажется фантастическим

вымыслом, ночным кошмаром, бредом шизофреника. Хорошо было бы, если бы так и было. Однако существование CFR, общества Бильдерберг, Трехсторонней Комиссии, Фондов и других организаций под общим руководством Давида Рокфеллера и других финансистов-монополистов мира, а также их недвусмысленные письменные заявления в документах и фактические действия не оставляют никаких сомнений, что мы имеем дело не с ночным кошмаром, а с вполне реальными действиями и целями финансовой элиты мира. С целями и действиями, с которыми мы все, рядовые люди, должны всеми силами бороться, чтобы не попасть в мировое рабство.

Спасибо авторам разобранных публикаций за их истинно самоотверженный и пока еще неблагодарный труд. Однако, именно этот труд может помочь нам в постсоциалистической свободной России остеречься от повторения столь роковых ошибок Запада и Востока и создать истинно демократическое государство, не нуждающееся ни в рабах, ни в повелителях. Государство наше людей, обеспечивающее всем миллионам порядок и законность и в то же время свободу созидательного творчества как материального, так и духовного. Особенно, духовного. Государство, обеспечивающее поэтому материальное и духовное благосостояние в полную меру наших трудов и талантов.

А. Федосеев, 1982

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ ЗАКРЫТОСТИ*

ИММИГРАЦИОННАЯ И ЭМИГРАЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА СССР В 1917—1927 ГГ.

Эмиграционная политика, 1917-1927.

Первая мировая война и распад Российской империи, приведшие, с одной стороны, к образованию новых государств, а с другой, к скоплению на территориях советских республик масс европейского населения, заставили советское правительство сформулировать основы своей эмиграционной политики уже в первые месяцы революции. Среди многочисленных вопросов, поставленных на повестку дня, два казались первостепенно важными: возвращение иностранных военнопленных на их родину и право жителей местностей, отошедших от РСФСР, оптировать несоветское гражданство. Первые оптации последовали после заключения в марте 1918 г. Брест-Литовского мирного договора, согласно которому Россия отдавала Германии значительную часть своих территорий. Уже в июле советское правительство предоставило постоянным жителям местностей, отошедших от России, право оптации иностранного гражданства. В то же время, оно делало все от себя зависящее, чтобы сократить число эмигрантов. Последним днем подачи заявлений считалось 16 ноября 1918 г.²⁷; но срок этот советское правительство установило не сразу, а продлеvalo три раза, неизменно оставляя

---

27. Там же, 1917-1918, ст. 824, 22 октября 1918 г. Аналогичный закон в 1919 г. был принят на Украине. (С. У. УССР, 1919, ст. 115)

* См. кн. 146 "Н. Ж."

только один месяц для обдумывания ответственного шага жизни. В довершение всего, правительство предоставило НКВД право вынесения окончательных решений по делам оптантов, а следовательно, даже те, кто обладал несомненным доказательством своего несоветского происхождения, не могли быть уверены в том, что получат выездные визы.

В 1919 г. Советская Украина с ее слабым правительством разрешила постоянным жителям местностей, отошедших от Советской России и Украины, оптировать гражданство в пользу Финляндии, Польши, Германии и Румынии, аннексировавшей Бессарабию.²⁸ Однако, как и в Советской России, правительство предоставило *право* эмиграции без времени на его реализацию. В двухмесячный срок оптанту необходимо было решиться уехать, собрать большое число справок, бумаг, документов и подписей, распорядиться своим имуществом. Эти легальные оптации являлись пародией на право эмиграции еще и потому, что уже 13 ноября 1918 г. советское правительство аннулировало мирный договор с Германией, капитулировавшей перед Атлантой, и в течение короткого времени присоединило отторгнутые земли. Договоры о правах оптаций, подписанные Советской Россией с Грузией и Украиной, не имели практического значения, так как и Грузия, и Украина присоединились к РСФСР де-факто задолго до образования СССР.

Советское правительство пыталось извлечь выгоды и из сложного положения, в котором оказались в России многочисленные иностранные военнопленные, интернированные и беженцы. Для централизации всей правительственной деятельности в отношении пленных и беженцев, контроля над ними и ведения идеологической обработки, в апреле 1918 г. советское правительство образовало коллегия по делам пленных и беженцев (ЦКПБ). Коллегия сосредоточила в своих руках деятельность всех правительственных учреждений, занимавшихся ранее проблемами пленных и беженцев первой мировой войны, но, как самостоятельная организация, просуществовала недолго, и с мая 1919 г. находилась в ведении НКВД, который проводил среди пленных большую пропагандистскую

---

28. Там же, часть 2, ст. 6, 7 марта 1919 г.

работу, ознакомляя их, в частности, "путем раздачи газет, брошюр, и вообще советской литературы, с международными событиями, причинами задержки беженцев и условиями их реэвакуации".²⁹

В распоряжении ЦКПБ находилась целая сеть сельскохозяйственных и промышленных предприятий, на которых работали пленные и беженцы, чтобы хоть как-то поддержать свое существование.³⁰ Помощь пленным и беженцам, однако, оказывалась не только правительством, но и действовавшими в те годы Всероссийским Красным Крестом, Всероссийским Земским Союзом и Всероссийским Союзом Городов. Пока власть была слабой, до благотворительных организаций не дотягивались руки. Но в июне 1918 г. руки дотянулись. С этого момента все частные и общественные организации, помогавшие пленным и беженцам, могли действовать лишь с разрешения ЦКПБ и подлежали ее контролю.³¹ Результаты советской политики в отношении пленных и беженцев сказались очень скоро. Идеологическое воздействие и материальные трудности заставили многих военнопленных вступить в Красную армию или Красную гвардию. В последней в течение всей гражданской войны служило примерно 20 тысяч иностранцев. "Добровольцы" подписывали контракт и получали зарплату, а потому советское правительство оказалось в затруднительном положении, когда в 1919 году многие из них захотели вернуться на родину. Правительство РСФСР разрешило им уволиться из армии по истечении срока договора или шести месяцев со дня поступления на службу.³²

Основную ставку в попытке экспорта революции советское правительство делало на австро-венгерских и германских подданных, составлявших подавляющее большинство общего числа военнопленных в России. Когда венгерские коммунисты, возглавляемые бывшим военнопленным в России Бела Куном, подняли восстание в Венгрии, советское правительство мобилизовало

---

29. С. У. РСФСР, 1919, ст. 279, 24 мая 1919 г.

30. Там же, ст. 430.

31. Там же, 1917-1918, ст. 553, 21 июня 1918 г.

32. Там же, 1919, ст. 30.

всех венгерских военнопленных, находившихся в советских республиках, в помощь "союзному правительству социалистической Венгрии".³³ Венгерское правительство подавило мятеж, но, готовые к отправке на родину, венгерские военнопленные остались в России, теперь уже — заложниками будущих переговоров между РСФСР и Венгрией.

Несмотря на окончание мировой войны, советское правительство не спешило с выдачей иностранцев. Так, одним из первых циркуляров образованной в феврале 1919 г. на Украине комиссии по делам пленных и беженцев стал указ о запрещении эвакуации беженцев.³⁴ Беженцы, уже готовые к отправке, насильственно высаживались из вагонов. Доведенные до отчаяния, германские и австро-венгерские беженцы и военнопленные начали самовольное возвращение на родину. В ответ советское правительство прибегло к карательным мерам, запретив какое-либо передвижение беженцев и пленных даже в пределах губерний и возложив практическое выполнение постановления на ЧК.

Массовая эмиграция из советских республик стала возможна лишь с 1920 г., когда один за другим последовали заключения договоров об оптациях или возвращении и обмене военнопленных, беженцев, интернированных и заложников. В течение ближайших лет те из них, кто имел право и желание эмигрировать, сделали это. Советское правительство значительно смягчило оптационные правила в сравнении с законами 1918-1919 гг. Для подачи заявлений устанавливались годовые сроки. За редким исключением НКВД уже не мог запретить выезд лицам, имевшим законное право на оптацию. Благодаря заключенным договорам, ограниченное число советских граждан также получили возможность эмигрировать из советских республик. Так, согласно русско-литовскому договору оптанты, не имевшие документального подтверждения принадлежности к литовскому гражданству, могли покинуть Советскую Россию с разрешения Наркомата национальных дел. Персональный обмен лиц, не имевших прав оптации, Советская Россия произвела с Польшей.

В декабре 1920 г., после падения советской власти в Венгрии

---

33. С. У. УССР, 1919, часть 2, ст. 103, 14 июня 1919 г.

34. Там же, 1919, ст. 136, опубликовано 20 февраля 1919 г.

и пленения венгерских наркомов и посланных в Венгрию двух дивизий Красной армии, правительство РСФСР взяло заложников из числа венгерских граждан. Оправдывая эти действия, нарком иностранных дел Чичерин писал в телеграмме, посланной 30 декабря министру иностранных дел Венгрии: "Российское правительство вынуждено было прибегнуть к единственно возможному средству для спасения жертв, оказавшихся в руках венгерской власти — системе заложников. Именно нынешнее правительство Венгрии, которое угрожает судебным убийством членам союзного советскому венгерского правительства и находящимся еще в Венгрии русских военнопленных, является истинным виновником репрессалий, к которым оно нас вынуждает, и которые с нашей стороны являются лишь законными мерами самозащиты в виду лежащего на нас долга спасти те из его жертв, в защиту которых мы в течение этого года выступали в целом ряде радиотелеграфных заявлений".³⁵ Не желая рисковать жизнью заложников в Советской России, венгерское правительство согласилось на ведение переговоров с большевиками.³⁶ И в 1921 г. Советы выменяли примерно 400 венгерских коммунистов, включая всех наркомов правительства Бела Куна, отдав за них... венгерских военнопленных офицеров, и без того подлежащих возвращению, согласно Женевской конвенции; заложников из числа венгерской буржуазии, захваченных в нарушение всех международных норм; и капитана Маршалла, также военнопленного.³⁷

В соответствии с двусторонними договорами, советское правительство всегда разрешало эмиграцию семей оптантов. Этот аспект эмиграционной политики все еще основывался на международной традиции. Только к концу НЭПа, в 1927 г., новый кодекс законов о браке и семье указал, что при бракосочетании советских и иностранных граждан каждое лицо сохраняет свое гражданство.

Договоры об оптациях всегда следовали в цепи более важных для СССР политических, военных или экономических

---

35. Правда, 1 января 1921 г., № 1.

36. Там же, 6 января 1921 г., № 4.

37. С. У. РСФСР, 1922, ст. 94.

соглашений и никогда не заключались изолированно. Обязательным требованием советской стороны была депортация антисоветских групп и организаций с территории договаривающегося государства. В то же время, большевики всегда занимались коммунистической пропагандой и подрывной деятельностью в пограничной стране. Необходимые Красной армии военнопленные, которые, как боялось правительство, могли быть использованы антисоветскими заграничными организациями, обменивались на пленных и беженцев мировой войны (ставших непосильным бременем для слабой советской экономики), чья задержка в Советской России стала еще менее целесообразной после введения НЭПа, когда мировая революция перестала казаться вопросом нескольких месяцев. С другой стороны, подвергнутые идеологической обработке, иностранцы, вернувшиеся на свою родину, нередко несли в себе распад будущих коммунистических брожений.

Для вызволения из тюрем иностранных коммунистов и большевистских агентов советское правительство согласилось, в ответ на аналогичные действия договаривающихся с РСФСР и Украиной сторон, объявить амнистию иностранным гражданам и оптантам. В 1921 г. были созданы комиссии "по проведению амнистий, согласно международным договорам".³⁸ Комиссии эти просуществовали недолго и были распущены в 1923 г., когда закончились основные оптационные процессы.³⁹ В некоторых случаях амнистии распространялись и на советских граждан, совершивших преступления в пользу иностранного государства. Но, как правило, такие амнистии содержали серьезные оговорки. Так, в соответствии с русско-латвийским договором, РСФСР и Латвия согласились взаимно освободить всех лиц, арестованных за преступления, совершенные в пользу другой стороны. Советское правительство, однако, отказалось освободить российских граждан и оптантов, участвовавших в заговоре 16 апреля 1919 г. и в Бермондтовском нападении.⁴⁰

---

38. Там же, 1921, ст. 74, 10 февраля 1921 г.; С. У. УССР, 1921, ст. 583, 12 октября 1921 г.

39. Там же, 1923, ст. 116, 24 февраля 1923 г.

40. С. У. РСФСР, 1920, ст. 514, 11 августа 1920 г.

Поздно вставшая на путь социализма, Закавказская Федерация приняла законы об оптациях лишь в 1923 г. Используя эти законы, многие граждане Закавказья, желавшие причислить себя к подданным НЕ советских государств, образовавшихся на территории бывшей Российской Империи, и таким образом эмигрировать за рубеж, получили заграничные паспорта через посольства иностранных государств в Закавказье. В ответ на это советское правительство издало особый указ, уточнявший права на оптацию и объявило о регистрации иностранно-подданных. Одновременно правительство аннулировало иностранные паспорта, выданные советским гражданам в Закавказье. При выезде из СССР граждане территорий бывшей Российской Империи, перешедшие в иностранное гражданство после революции 1917 г., предъявляли, вместе с паспортом, еще и документы, удостоверявшие, что выход из советского подданства произведен с разрешения властей.⁴¹ Таким образом, уже с первых месяцев советской власти правительство упорно добивалось поставленной цели: полного контроля над эмиграцией из республик. Но общая политическая и экономическая нестабильность в стране все еще делала практически возможной нелегальную и стихийную эмиграции. Так, контролю советского правительства не подчинялась Белая эмиграция. Кронштадтские моряки, бежавшие в Финляндию по льду Финского залива, делали это без согласия российского правительства; а исход евреев из Украины 1919-21 годов, явившийся следствием погромов, не зависел от воли правительства Украины.

Желание советского правительства оторвать СССР от остального мира привело к созданию теории "капиталистического окружения", предусматривавшей тщательную проверку всех лиц, выезжавших за рубеж. Советское правительство оказалось уже достаточно сильным, чтобы существенно ограничить контакты своих граждан с заграницей. Начиная с 1919 г. круг учреждений, выдававших заграничные паспорта, постоянно сужался.⁴² Вместе с тем, соображения "безопасности" заставляли

---

41. Собрание Узаконений Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, 1923, ст. 61, 5 апреля 1923 г.; там же, ст. 103, 9 мая 1923 г.; там же, ст. 107, 16 мая 1923 г.

42. С. У. РСФСР, 1919, ст. 210, 24 апреля 1919 г. Начиная с апреля право вы-

правительство выдавать заграничные паспорта лишь лицам, против выезда которых не возражали НКВД и Наркомат по военным делам. С 1920 г. паспорта визировались еще и особым отделом (ОСО) ВЧК.⁴³

На Украине для получения заграничного паспорта требовалось большое количество справок и документов, в том числе и разрешение на выезд со стороны Губернской ЧК. Не многие решались добровольно войти в здание этой организации. Украина стала первой советской республикой, введшей институт поручителей-заложников: два человека заверяли нотариально свои подписи под подробной анкетой заявителя, где, в частности, указывались причины и сроки поездки за границу.⁴⁴ Тенденция усложнения и без того нелегкой процедуры получения заграничного паспорта не ослабла с окончанием гражданской войны. Именно в период НЭПа, в 1922 году, советское правительство ввело положения о выезде из советских республик.⁴⁵ Тогда же появилось понятие профессиональной секретности. Все это сделало практически невозможным выезд из

дачи заграничных паспортов принадлежало только НКВД. Ранее заграничные паспорта выдавались иностранным подотделом отдела управления НКВД, отделами управления губернских советов депутатов и некоторыми другими учреждениями.

43. Там же, 1920, ст. 245, 8 июня 1920 г. Правда, закон этот действовал только при обстоятельствах "исключительного времени", т. е. по крайней мере до конца гражданской войны. Возможно, однако, что закон этот так никогда и не был отменен.

44. С. У. УССР, 1919, ст. 226, 1 марта 1919 г.

45. С. У. РСФСР, 1922, ст. 401, 10 мая 1922 г.; С. У. УССР, 1922, ст. 459, 7 июля 1922 г. Выезд из советских республик допускался "не иначе как по особому распоряжению" НКВД, налагаемому в виде визы на паспорта. Чтобы получить заграничный паспорт, необходимо было подать соответствующее заявление в НКВД, а для этого получить удостоверение ГПУ НКВД, подтверждавшее отсутствие препятствий к выезду. ГПУ, в свою очередь, выдавало указанные удостоверения советским гражданам лишь по предъявлении соответствующего заявления, вида на жительство, двух фотографий и поручительства двух советских граждан, не опороченных по суду и не состоявших под следствием. ГПУ требовало также свидетельство об отношении к воинской повинности, удостоверение с места службы и места учебы об отсутствии препятствий к выезду за границу, в том числе и для лиц, состоявших на службе или особом учете в связи со своей специальностью. Служащие советских учреждений предъявляли справки с места службы об отсутствии препятствий к выезду.

СССР.

Переход солдат и командиров Красной армии на сторону врагов советской власти волновал правительство с первых дней гражданской войны. Для борьбы с дезертирством оно прибегло к карательным санкциям и системе заложников. С марта 1919 г. семьи красноармейцев, перешедших на сторону Белых, лишались всех видов пособия и земельного надела и обрекались, таким образом, на голодную смерть. В том же году советское правительство предоставило губернским комитетам по борьбе с дезертирством права революционных трибуналов. Одновременно, правительство дало указание рассматривать гражданских лиц, ушедших с Белыми, как врагов народа. Беженцы подлежали суду военно-революционного трибунала, а их имущество — конфискации.⁴⁶

В конце 1922 г. из-за боязни эмиграции людей, способных носить оружие, и утечки секретной информации, правительство запретило выезжать за границу бывшим офицерам; военно-служащим; командному и административному составу Красной армии, уволенному в запас; и гражданам призывного возраста, кроме больных, освобожденных от службы в армии.⁴⁷

Жесткая правительственная политика в отношении эмиграции иногда приводила к обратным результатам. Например, в 1923 г., желая вернуть русских военнопленных призывного возраста, находившихся за границей со времени мировой войны, правительство приказало им немедленно прибыть на родину под угрозой наказания от шести месяцев заключения с конфискацией имущества и до расстрела.⁴⁸ Трудно поверить, чтобы кто-то из тех заочно осужденных вернулся домой, не предпочтя эмигра-

46. С. У. РСФСР, 1919, ст. 380, 1 марта 1919 г.; там же, 1920, ст. 126, 8 апреля 1920; там же, 1919, ст. 573, 13 декабря 1919 г.; С. У. УССР, 1919, ст. 19, 14 января 1919 г.; С. У. РСФСР, 1920 г., ст. 143, 16 апреля 1920 г.; там же, 1921, ст. 134, 28 марта 1921 г.; Правда, 13 февраля 1921 г., № 32; С. У. РСФСР, 1920, ст. 442; там же, 1921, ст. 111, 19 ноября 1920 г., опубликован 5 марта 1921 г.; там же, 1920, ст. 143.

47. С. У. РСФСР, 1922, ст. 1013, 1 декабря 1922 г.; С. У. УССР, 1923, ст. 57, 23 января 1923 г.

48. С. У. РСФСР, 1923 г., ст. 603, 4 июля 1923 г. Земельный надел, который мог быть конфискован у семьи невернувшегося становился залогом его возвращения.

цию, пусть даже и против собственной воли. В то же время, следуя общей политике экономии государственных средств, правительство разрешило демобилизованным русским солдатам, пожилым или раненым, а потому нетрудоспособным и претендовавшим на материальную помощь от государства, оставаться за границей на долгое время.⁴⁹ По тем же причинам, в мае 1923 г., лица, пострадавшие "от стихийных бедствий" — погромы, голода и нашествий бандитов, и имевшие право на социальное обеспечение за счет государства, получили возможность уехать за границу к своим родственникам.⁵⁰

В истории советской эмиграционной политики насильственная высылка и лишение гражданства занимает отдельную яркую страницу. Действуя в различных направлениях, они приводили к одинаковым результатам. Лишение гражданства применялось правительством в отношении советских граждан, находившихся за границей и нежелательных для въезда на территории советских республик. Еще не нашедшее свою формулировку, лишение гражданства было применено уже через месяц после большевицкого переворота. С легкой руки Наркома иностранных дел Троцкого, советское правительство в ноябре 1917 г. уволило со своих постов "без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности" двадцать шесть русских дипломатов, находившихся за границей и отказавшихся признать новое правительство. В январе 1918 г., за отказ подчиниться приказу СНК, правительство объявило вне закона главнокомандующего Румынского Фронта Щербачева. Эти двадцать семь человек, не лишённые гражданства юридически, потеряли его, так как, в случае самовольного возвращения, могли быть преданы суду революционного трибунала и казнены.

В связи с провозглашением НЭПа и необходимостью сосредоточения всего внимания на внутренней жизни страны, советское правительство лишило гражданства своих подданных, проживавших за границей непрерывно более пяти лет, либо эмигрировавших без разрешения советского правительства и добровольно сражавшихся против советской власти. Граждан-

---

49. Там же.

50. Там же, ст. 581, 22 мая 1923 г.

ства также лишались лица, имевшие право оптации в пользу советской республики и не воспользовавшиеся им; а с 1924 г. еще и те, кто отказался подчиниться приказу о возвращении на родину.

В 1922 г., по инициативе Ленина, советское правительство выслало за границу ряд политических и общественных деятелей России.⁵¹ После первых опытов подобного рода высылку "на срок или бессрочно" ввели в новый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 г.

Высылка применялась только за один вид преступления: "пропаганду или агитацию в направлении помощи международной буржуазии, ...которая не признает равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции, или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами".⁵² Самовольное возвращение высланного каралось расстрелом. Однако, в уголовном кодексе речь шла о высылке по суду, в то время как с первых месяцев революции советское правительство применяло административные высылки.⁵³ Декрет, официально

---

51. В январе 1922 г. выслали Дана, затем Бердяева, Кускову-Прокопович, Лодыженского, Пешехонова, Прокоповича и многих других. Правительство не забыло своих соотечественников. В 1923 г. оно создало специальный архив активных деятелей контрреволюции и эмигрантов, покинувших Россию после октябрьского переворота.

52. 15 мая 1922 г. Ленин в дополнение к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и записке Курскому предлагал ввести высылку по решению Президиума ВЦИК, на срок или бессрочно, как меру, заменяющую в ряде случаев расстрел. Ленин писал: "Т. Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с *международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)". (Ленин, ПСС, том 45, стр. 189). Ленин предлагал также расстрел, а в случае смягчающих обстоятельств — лишение свободы или высылку за границу за пропаганду и агитацию "объективно содействующие" либо "содействующие или способные содействовать" международной буржуазии. (Там же, стр. 191).

53. Административная высылка применялась к иностранцам с января 1918 г. Так, в связи с разрывом дипломатических отношений с Румынией из РСФСР были высланы румынское дипломатическое представительство и другие "агенты румынской власти". В октябре 1918 г. советское правительство выслало из

разрешивший их, вышел в августе 1922 г.

К 1928 г. правительство уничтожило все причины, временно мешавшие закрыть эмиграцию из СССР. Прекращение военных действий и установление четких государственных границ предупредили будущие оптации. Международные договоры, заключенные СССР с другими государствами в начале 1920-х годов, разрешили проблемы массовых миграций, возникшие вследствие первой мировой войны и распада Российской Империи. Законы, лишившие гражданства русских подданных, оставшихся за границей вопреки воле правительства, провели ясную грань между советскими и несоветскими гражданами. Образование СССР с его общереспубликанской внешней границей и учреждение строгой пограничной охраны способствовали прекращению нелегальной эмиграции из СССР. С введением НЭПа и преодолением экономического кризиса правительство уже не было заинтересовано в эмиграции лиц, которых оно не могло прокормить. Эти причины, наряду с основной — нежеланием советского правительства признать легальные права своих граждан на эмиграцию, привели к тому, что к 1928 г. эмиграционные проблемы уже не требовали от правительства дальнейшего разрешения.

Эпилог

Эмиграционная и иммиграционная политика, 1928-1939.

Отказ от НЭПа и переход к насильственной коллективиза-

страны главу британской дипломатической миссии в России Локкарта и французского консула Гренара, а 16 августа 1921 г. — польского гражданина, бундовца Марка Лормана. Только через тринадцать дней после высылки Лормана правительство выпустило законодательство, согласно которому иностранцы, чей образ жизни, деятельность и поведение признавались несовместимыми с принципами и укладом жизни РСФСР, высылались по приговору суда или ВЧК. В 1919 г. украинское правительство выслало из республики консульских представителей (некоторые из них были украинскими гражданами) государств, не признавших советское правительство Украины. А с 1922 г. из Украины высылались иностранцы, пребывание которых правительство находило "вредным для интересов республики". В следующем году, в ответ на убийство в Швейцарии Воровского, советское правительство выслало из страны некоторых швейцарцев. В 1923-1924 гг. иностранцы высылались из Закавказья за нарушение некоторых правительственных постановлений.

ции в деревне и сверхиндустриализации в городе поставили перед советской эмиграционной и иммиграционной политикой иную цель: достижение полной закрытости общества. С 1928 г. резко меняется характер правительственных постановлений об эмиграции и иммиграции. Так как легальная эмиграция стала практически невозможной, правительство издавало законы для предотвращения нелегальной эмиграции и уменьшения общего числа поездок за границу. Начиная с 1929 г., человек, когда-либо носивший чин выше рядового, не мог покинуть пределы СССР ни навсегда, ни на время.⁵⁴ Офицеры могли выезжать за границу лишь в командировки. Это явилось прямым следствием шпиономании и засекреченности, овладевшими партией уже в 1917 г. В этих условиях законы, относившиеся к выезду и въезду, носили ограничивающий, запрещающий или карательный характер.

Новые сложности для правительства возникли там, где, казалось, их не стоило опасаться: широкое внедрение самолетов в начале 1930-х годов поставило правительство перед проблемой охраны советских воздушных границ от нелегальных перелетов. На помощь пришла уже проверенная система заложничества. Семьи пилотов становились заложниками их верности; семьи "самолетчиков" — преступниками. За попытку перелета границы предусматривался расстрел или десятилетнее тюремное заключение. Взрослые члены семьи беглеца приговаривались к пяти — десятилетнему заключению с конфискацией всего имущества, а несовершеннолетние — к ссылке.⁵⁵

По иронии судьбы, человек, подписавший первый в советской истории приказ о фактическом лишении гражданства двадцати шести русских дипломатов, отказавшихся признать советское правительство, менее чем через двенадцать лет после этого был выслан из СССР. Но и эта высылка — первая, со времен массовых высылки начала 1920-х гг., и последняя, до высылки Александра Солженицына в феврале 1974 г. — не была отмечена официальными правительственными документами. Только в

---

54. С. 3. СССР, 1929, ст. 427, 17 июля 1929 г.

55. С. 3. СССР, 1934, ст. 255, 8 июля 1934 г.

Когда американцы аплодировали советским летчикам, совершившим беспосадочный перелет в США, они вряд ли знали, что в СССР возвращения летчиков с нетерпением ждали семьи-заложницы.

1932 г., в числе других 37 человек, высланных ранее, Троцкого официально лишили советского гражданства.⁵⁶

Как вид наказания, высылка советских граждан за границу официально прекратилась в ноябре 1935 г., когда Особое Совещание НКВД, созданное в июле 1934 г. и имевшее право применять административную высылку за границу, уточнило, что высылка допустима лишь в отношении иностранцев, являющихся "наиболее опасными".⁵⁷ Сталин справедливо рассудил, что для советских граждан такое наказание является подарком.

Два последних раза советское правительство применило статью о лишении гражданства в 1937 году, когда двое советских ученых — В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин — отказались от советского гражданства и перешли на положение невозвращенцев на Западе. Газеты же лгали, что ученые "отказались выполнить свой долг перед родиной".⁵⁸

Но никогда советское правительство не захлопывало двери своей страны перед новыми гражданами и ре-эмигрантами. Через президиум ВЦИК они всегда могли подать заявление о въезде в СССР; и в случае разрешения, их гостеприимно встречали одним и тем же: тюрьмой, лагерем или расстрелом. Человек, однажды побывавший за границей, становился врагом. Он видел иной мир и мог рассказать о нем. Борьба с информацией, проникающей из стран Запада, явилась неотъемлемой частью эмиграционной и иммиграционной политики советского государства.

Отсутствие какого-либо добровольного движения через советскую границу с начала 1930-х годов и означало окончательное разрешение проблемы эмиграции и иммиграции. С помощью идеологической обработки советский режим заставил своих граждан забыть о возможности выезда, приравняв одно желание это к преступлению. Лишенные права эмиграции, советские граждане не смели мечтать об изменении своего поддан-

---

56. Там же, 1932, ст. 70, февраль 1932 г. В том же списке оказался и Дан, высланный в январе 1922 г.

57. Там же, 1934, ст. 283, 10 июля 1934 г.; там же, 1935, ст. 84, 5 ноября 1935 г.

58. Там же, 1937, ст. 11, ст. 12, 5 января 1937 г. Опубликовано в "Правде".

ства. И лишь одна страна, всегда насильно, принимала их в свое гражданство — Архипелаг ГУЛаг.

Юрий Фельштинский

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

СУДЬБА ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ШУХАЕВА

(Письмо в редакцию)

Глубокоуважаемый Роман Борисович!

В 145 книге "Нового Журнала" помещены письма З. Е. Серебряковой к Е. Е. Климову. В своем письме от 26 октября 1958 г. она пишет, что "долго ничего о Шухаеве нам не было известно; оказывается, он, уехав из Парижа в 1935 г., все время жил в Грузии, где он и сейчас профессор в Академии Художеств" (это сообщала из Москвы дочь З. Серебряковой). Во время моей поездки в Сов. Союз в 1966 году я встретил Шухаева в Москве у друзей. (С ним я встречался когда-то раньше в Париже). Он рассказал мне, что по приезде в Сов. Союз он был арестован и ему было предъявлено обвинение, что он приехал с целью вредительства. На допросах он отрицал это обвинение. Ему же было заявлено, что отрицать свою вину бесполезно, но если он признается, то наказание будет легче. "И я признался и получил 15 лет лагеря", — сказал Шухаев. — "Но вы имели возможность заниматься там живописью?" — спросил я его. — "О, если бы! Я работал на лесоповале — таскал бревна, а моя жена была сослана отдельно в другой лагерь. Теперь преподаю в Тифлисе и на несколько дней приехал в Москву..."

Д-р В. Зернов

ПИСЬМО ПРОФ. А. И. ОПУЛЬСКОГО

5 марта, 1982 г.

Дорогой Роман Борисович!

Случилось так, что Вашу последнюю книгу я прочитал с большим запозданием — только сейчас: я уже не чтец без помощников, а они были заняты хлопотами, которых при любом переезде из города в город тьма тьмушая. К тому же, внимательно прочитав в свое время журнальный текст, я не ожидал найти в книжном нечто такое, что меня поразило: ведь редактор журнала и автор книги — одно лицо. Конечно, думал я, мне предстоит приятное чтение, но ведь это удовольствие однажды я уже испытал; к тому же при повторении это удовольствие может оказаться и слабее.

Однако, когда, наконец, я начал читать книгу, оказалось что впечатление от нее несколько не меньше, чем от текста, публиковавшегося в журнале. И даже больше. Не только потому, что журнальный текст я читал по необходимости в пять-шесть приемов с продолжительными перерывами, а, главным образом, потому, что в книге обнаружилось множество подробностей, которых не было в журналах. Вставки Вы сделали по всему тексту, но для меня были особенно важны вставки в главах о писателях. Не то, чтобы вставки в других главах меня не интересовали, но там целое имело для меня большее значение, чем эти вставки, ибо "целое" (то есть общественно-исторический материал) в значительной части было для меня новым.

Ведь даже в лучших университетах Советского Союза, где русская история изучается подробнейшим образом, правды о Гражданской войне, о Белом движении, об эмиграции мы узнаем самые микроскопические крупинки. Можно сказать, что желающие там изучать новейшую русскую историю изучают курс лживых концепций, подтверждаемый фальсифицированными примерами из прошлого. Естественно, что при чтении правдивых воспоминаний об этом времени мне было не до деталей — все внимание поглощалось главным. Главное же и в журнальном, и в книжном текстах было одинаковым.

Конечно, Ваши мемуары не были первыми, прочитанными мною об этих годах. Но можно сказать, положа руку на сердце, что так свободно и естественно написанных, таких спокойно-объективных я не встречал: те, которые писали, возвратившись в Союз, не щадили собственной совести, истины и бывших друзей, чтобы доказать свою лояль-

ность коммунистам: писавшие в Зарубежье, слишком часто себя героизировали. Поэтому основное достоинство Вашей книги — ее объективность, отсутствие нарочитости, правдивость — так мне дорого.

Но это — об исторической панораме, о движении общественной жизни, о Вашей оценке этой жизни. Я же хотел написать Вам о неглавном, о мелких вставках, которые, как я сказал, больше всего меня заинтересовали в главах о писателях: здесь "главное" для меня, профессионального литературоведа, не обладало, как для других, разительной новизной, да и детали сами по себе были для меня интереснее — по той же профессиональной причине.

Вот, например, на стр. 235 нашел я вставку об А. Исбахе, который в своих рассказах и статьях 30-х годов "боролся с троцкистской оппозицией", а в 20-х публично назвал Федина "классовым врагом". В 40-х годах мы с Исбахом работали в одном институте, и я помню, как его, Исаака Бахраха (псевдонимы, подобные Бахраховскому, тогда были с шумом раскрыты), объявили "безродным космополитом", и он стоял на пороге Лубянки. Как говорится, не рой другому яму, сам в нее попадешь. Да видно, зачли ему прежние заслуги, дали возможность вернуться домой, а потом даже переехать в новую квартиру на Кутузовском проспекте, где он живет и поныне.

В этой же вставке пишете Вы и о Константине Федине (которому посвящена и вся глава). В 20-е годы, когда Вас с ним связывала дружба, он был еще писателем, автором сборника рассказов "Пустырь" и романов "Города и годы" и "Братья", пользовался славой как один из "Серапионовых братьев"... А я его знал уже (употребляя Ваши слова) "страшноватым генсеком, а затем председателем Союза Советских Писателей, лауреатом сталинских премий, депутатом Верховных Советов РСФСР и СССР". Наблюдал я его в разных ситуациях — в обращении с шофером такси, в общении с пассажирами автобуса, во время бесед с вдовой Есенина Софией Андреевной Толстой и с гостями на собственной его даче в Переделкине... Наблюдал и каждый раз при взгляде на его лицо внутренне поеживался: хищный профиль кондора, анфас — прозрачные навывкате, всепрезирающие, обездушенные глаза — все иное на лице эти глаза увидеть не позволяли.

Не меньше воспоминаний и мыслей навеяла на меня и вставка на стр. 287-288 о Юрии Николаевиче Тынянове. Помню, как зимой 1942-3 годов мы с моим учителем, знаменитым пушкинистом и стиховедом Борисом Викторовичем Томашевским посетили Юрия Николаевича,

уже совсем больного. Помню блестящий разбор моим спутником тыняновского романа о Пушкине, помню разговор о "Поручике Кижее".

В этой же вставке есть и емкая фраза о превратившемся из формалиста в марксиста В. Шкловском, предавшем и взгляды, и друзей своей молодости. Помню бесконечный поток его фраз с запутанными ассоциациями, пестрыми образами, далекими, пространными, совсем не относящимися к делу отступлениями, когда он доказывал свое "право на новые позиции".

Несколько раз появляется в Вашей книге Алексей Толстой — чаще всего в пересказе слов Федина. Оказывается, уже в молодости это — тот же бесцеремонный, беспринципный и циничный бонвиван, которого я знал по нескольким встречам в 40-х годах и по рассказам о нем (восторженным!) его жены Людмилы Ильиничны и секретаря Юрия Александровича Крестинского.

Вообще писать о тех, кого Вы знали (лично или со слов друзей) молодыми, а я — пожилыми или очень пожилыми можно было бы много — о М. М. Зошенко, о К. И. Чуковском, о В. Г. Лидине, о А. Б. Мариенгофе... Но ведь я пишу не рецензию, а письмо, письмо же не может быть чересчур длинным. (Впрочем, хотя это и письмо, но написанная в нем высокая оценка Вашей книги совсем необязательно должна остаться между нами).

В заключение я хочу поблагодарить Вас за удовольствие, полученное мною от чтения Вашей прекрасной книги, за воспоминания и мысли, которые она вызвала. Поклон Вам за это низкий.

Дай Бог Вам физических и нравственных сил для окончания Вашего труда.

Альберт Опульский

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

25 февраля с. г. в Кембридже скончался долголетний сотрудник нашего журнала Николай Ефремович Андреев. Это большая потеря не только для "Нового Журнала", но для всей Зарубежной России. Мы выражаем глубокое соболезнование семье покойного Н. Е. и печатаем о нем статью двух английских историков, взятую из сборника статей, выпущенного по случаю семилетия Николая Ефремовича в 1979 году. *Редакция.*

НИКОЛАЙ ЕФРЕМОВИЧ АНДРЕЕВ

Научные интересы Н. Е. А. делятся, приблизительно, на две части: общественная мысль и история до-Петровской Руси и развитие общественной мысли и литературы в России 19-го века, которая переобразовалась в идеологическую борьбу 20-го века.

Н. Е. А. родился в Санкт-Петербурге 13 марта (НС) 1908. Его дед, со стороны отца, служил в Тверском Земстве, его мать, дочь купца первой гильдии, пошла в народ и отдала себя учительству. Его отец, получив инженерное образование, тоже (после брака) перешел на эту профессию. Его сын говорил, что отец имел исключительный дар общения с людьми и был музыкально одарен. Он много лет был регентом церковного хора в Прибалтике. Андреевы покинули Россию в девятнадцатом году, и их сын получил образование в Русской Городской Гимназии в Таллине, которую он окончил *sum laude* в 1927 г. В 1927-31 гг. Н. Е. изучал славянскую литературу, филологию и историю в Чешском Карловом университете, где уже на втором курсе стал личным стипендиатом Т. Г. Масарика, первого президента Чехословацкой Республики. В университете Андрееву посчастливилось учиться у таких ученых, как: Нидерлэ, Мурко, Францев, Ляцкий, Кизеветтер, Хорак и Окунев (некролог которого он написал в 1950 г.). В вопросах методологии истории он многому

научился от Острогорского, а в иконоведении от Н. П. Толл. В 1933 г. Н. Е. получил степень доктора философии. В своей диссертации "О деле дьяка Висковатого, как литературном и идейном явлении" Андреев анализирует противолатинские умонастроения в Московской Руси и впервые роль иконописи в полемике против римско-католических влияний. Первое исследование Н. Е. А., вытекавшее из работы над диссертацией, появилось в 1932 г. и привлекло внимание и похвалы таких ученых, как профессора сэра Еллис Миннс из Кембриджа, профессора Паскаля из Сорбонны, доктора Смолича в Берлине, профессора Аммана (историк-иезуит) в Риме и профессора Вейдле в Париже. В результате этой исследовательской работы Н. Е. получил место в Археологическом институте имени Н. П. Кондакова в Праге, где позднее он стал библиотекарем, а затем секретарем института. Президент Масарик и, после его смерти, частная канцелярия президента продолжали выплачивать личную стипендию Н. Е. А. с 1933-38 гг. В течение этого периода Н. Е. написал серию монографий; издание первой из них совпало с его назначением действительным членом Исторического Общества в Праге и Русского Объединения Академического Исследования. В монографии "Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства" (1935) Н. Е. указал на ведущую роль митрополита в развитии теории и практики церковного искусства. Его следующая работа "Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании" (1936) была сосредоточена главным образом на писаниях этого богослова шестнадцатого века. П. М. Маинка, автор "Зиновий фон Отен" очень хвалил эту работу. Всеобъемлющее образование, которое Н. Е. получил в Карловом университете, дало ему возможность легко переходить от одной области науки к другой, и теперь он старался проследить влияние русской литературы и, в особенности, влияние "Повести о Боге Отце" на мистическо-дидактические предметы иконописи. Н. Е. считал, что в то время иконопись была средством выражения русского мироощущения и в ней ярко отражалась борьба разных течений в русской идеологии. Эта мысль появляется сначала в его пражских исследованиях и значительно развита в его послевоенных работах. Последняя монография, которая появилась перед тем, как вторая мировая война приостановила

объективные научные издания о русской культурной истории, была "Иоанн Грозный и иконопись XVI века" (1938). Отношение Грозного к церковному искусству и связанным с ним проблемам не изучалось раньше так досконально, и Н. Е. доказал, что личный вклад Ивана IV в культурное развитие России в XVI веке был более ограничен, чем раньше предполагали, из-за его сильной личности и эпистолярной энергии. В этой монографии автор указывает также, что центральным пунктом западных влияний на Московское государство был Псков, а не Новгород (Великий) или Москва или западная граница в целом, как это считалось раньше.

От 1939-1945 гг. академическая жизнь Н. Е. продолжалась в Кондаковском Институте, где он стал директором. Невзирая на немецкую оккупацию Чехословакии, ему удалось защитить самостоятельное положение Кондаковского Института, как международного учреждения и добиться того, что институт не был закрыт немцами, как был закрыт Чешский Карловый университет. Он также продолжал, по мере возможности, исполнять обязанности (впервые взятые на себя в 1934 г.) преподавателя русского языка для чешских студентов, и читать курсы истории русской литературы и русской истории в Русском Свободном университете.

Свыше двух лет, 1945-47, Н. Е. провел в качестве "задержанного" СМЕРШом в советских военных тюрьмах в Чехословакии и Восточной Германии. В 1948 г. он был приглашен преподавать в славянском отделе Кембриджского университета. В 1955 г. его выбрали членом колледжа Св. Марии Магдалины, в 1968 г. действительным членом Клэр Холл, а в 1973 г. он получил назначение *ad hominem* (личное) экстраординарного профессора славяноведения.

В 1954 г. он женился на Джилл, дочери покойного генерал-майора сэра Губерта Худделстона. У них трое детей, и дочь уже занимается исследованиями по русской истории.

Годы в Англии были очень занятыми, в 1965 г. Н. Е. читал курс по русской истории в Лондонском университете. Он был экзаменатором в британских университетах: Durham, East Anglia, Edinburgh, London, Nottingham, Reading. Н. Е. экзаменовал и кандидатов, работающих на степень магистра и доктора

философии. в университетах: Cambridge, Edinburgh, Manchester, London, Oxford. Его студенты и аспиранты, которым он помогал и в университете, и в их исследованиях в этот второй период его ученой деятельности, в знак благодарности, решили поднести ему сборник статей, написанных в честь его семидесятилетия. (Этот сборник: *Canadian-American Slavic Studies Vol. 13, Nos 1-2 To honor Nikolay Andreyev. Essays on the occasion of his Seventieth Birthday.* 1979. Published by Arizona State University, посвящен исторической деятельности Н. Е. А. и статьи написаны главным образом его коллегами. Второй сборник, бросающий свет на его деятельность в области литературы, готовится к печати. Участвуют в этом втором сборнике главным образом его ученики.) Н. Е. всегда отдавал так много энергии своим студентам, что оставалось всегда загадкой для тех, кто пользовался его великодушием, как он находил еще время для писания своих научных работ.

Как только его освободили, в Германии, он тут же взялся снова за тему о важной роли иконы в выражении русской мысли XV-XVII веков. В 1948 г. вышла его первая послевоенная статья по этому предмету "Aus der Geschichte des russischen Ikonenmalerei". Эта тема получила дальнейшее развитие в статье 1961 г. "Никон и Аввакум" и в исчерпывающей статье "Литература и иконопись" (1967 г.). В. Н. Лазарев заинтересовался идеями, выраженными в этих работах, и попросил Н. Е. написать статью для журнала Академии Наук о мистической, дидактической иконографии и о взаимодействии литературных и церковных теорий. Работа Н. Е. по этому предмету включается в Советские Библиографические Обзоры и обсуждается в ученых изданиях на смежные темы.

В 1954 г. Н. Е. вернулся к другому предмету, над которым он уже начал работать до войны: политическая история и история церковной политики в России в XVI и XVII веках. В статье "Псковско-Печерский Монастырь в XVI веке" он осветил роль монастыря как заставы в борьбе идеологического поглощения, которую Москва вела в только что приобретенных территориях Псковской республики. Автор выдвинул новую концепцию о роли монастыря, частично благодаря исследованию, проведенному летом в 1937 и 1938 годах в архивах монастыря.

Это и последовавшие исследования о монастыре в XVI веке важны, так как они бросают совершенно новый свет на положение монастыря в то время. В своей работе на эту тему Н. Е. убедительно опроверг теорию, что монастырь был гнездом нестяжателей, действия которых отражали оппозицию бояр Москве. В статье "Был ли Псково-Печерский Монастырь оплотом нестяжателей?" (1969) он, основывая некоторые свои выводы на Разрядных Книгах, показал, что взгляды монахов вполне совпадали с Московской государственной точкой зрения. В 1975 г. появилось дальнейшее исследование в этой области: изучение III Псковской летописи, в которой Н. Е. обоснованно отвергал теории А. Н. Носонова, что Преподобный Корнилий был редактором III летописи; теория которая, если она была бы подтверждена, свидетельствовала бы о сопротивлении игумена Московскому управлению. В этой работе, наоборот, доказывается, что Преподобный Корнилий всецело поддерживал Московскую власть. Н. Е. дальше предполагает, что настоящие редакторы III-ей Псковской летописи были, во-первых, Псковский вдовый поп, и после 1556 г. бывший воевода в Ливонии, который внес в летопись все промосковские подробности, и описание разных военных действий, в которых он сам участвовал.

В статье "Письмо Курбского к Васьяну Муромцову" (1955) Н. Е. затронул тему, раньше не разработанную в подробностях советскими учеными. В этой статье Н. Е. приписывает новые даты письмам князя Андрея Курбского старцу Псково-Печерского Монастыря, что бросает новый свет на последовательность действий Курбского и дает новое толкование его письменной деятельности.

Конфликт мнений между Н. Е. с разными советскими учеными по поводу его статьи об "Интерполяции в Московских Летописях XVI века" (1956) вызвал приглашение от Академии Наук СССР дать статью в журнал "Труды Отдела Древней Русской Литературы АН СССР" — "Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного". Н. Е., анализирував приписки, доказал, что они были написаны не царем, а его канцлером, который был более объективный и правдивый свидетель, чем Грозный.

Тщательное исследование Н. Е. привело к переоценке дати-

ровки писем Старца Филофея ("Филофей и его послание Ивану Васильевичу"). Это вызвало разные отклики со стороны советских историков, и один из них согласился, что, если принять предпосылки этой статьи, потребуется переоценка всего периода. Н. Е. доказал, что формулировка теории "Москва Третий Рим" выдвинута старцем Филофеем в самом начале XVI-го века в письме Ивану III, а не, как раньше предполагали, Ивану IV, для которого вряд ли нужно было формулировать доктрину, которая, наоборот, была бы крайне политически ценной для Ивана III.

Статья Н. Е. "Переяславский Договор 1654" (1953) еще раз показала многосторонность его интересов и знаний. Статья говорила о включении Украины в Русское государство согласно настойчивой просьбе Малороссийских Казаков. По мнению автора это не было ни союзом, ни федерацией. Работа получила широкий отклик. Ее приветствовал профессор Вернадский (YAL.E), и библиографический обзор Украинской Академии Наук отозвался положительно об этой статье. В 1962 г. Н. Е. пригласили написать библиографический обзор недавних Советских Изучений по русской истории и культуре до 1642 г. Он также участвовал в дискуссии о "Языческих и Христианских элементах на Руси" (1962). Здесь он выразил свои идеи об основном раздвоении в русской цивилизации. Он указал, между прочим, на существование и значительность церковной оппозиции Византии среди восточных славян.

В 1971 г. американский славист Эдуард Кинен выдвинул предположение, что переписка между Андреем Михайловичем Курбским и Иваном Грозным была подделкой. Н. Е. опроверг это предположение в трех статьях. Его опровержение поддерживалось равным образом и западными и советскими специалистами. Он соглашался, однако, что его коллега сделал значительный вклад в изучение России в XVI-ом веке, т. к. АН СССР сочла нужным подготовить полное собрание сочинений Курбского, чтобы окончательно доказать ошибочность предположений Кинена.

Н. Е. является также автором многих рецензий о до-Петровской Руси и вообще по вопросам русской истории. Он написал статьи для Энциклопедии Британика (Ермак Тимофеевич, Курб-

ский, Строгановы, Земский Собор, Два Лже-Дмитрия, Федор I, Федор II, Борис Годунов, Смутное Время, Иван IV Грозный, Василий IV.) Он написал две главы в Cambridge Companion to Russian Studies (Пособие по изучению Русской истории и культуры).

Обзор вклада Н. Е. в изучение русской истории и литературы не был бы полным без ссылки на его всегдашний интерес к изучению взаимодействия идей и литературы в России в 19 и 20 веках. Как показывает библиография его работ, он следил за современным советским и эмигрантским искусством, за драмой и литературой с величайшим интересом в течение его пребывания в Праге, рецензируя новинки, писал интересные статьи и обзоры во многих журналах и газетах. (Он сотрудничал во многих прибалтийских русских изданиях, а также в варшавской газете "За Свободу"; в пражских журналах "Воля России", "Знамя России" и в газете "Новости"; в парижских "Русской Мысли", "Новой Газете", "Россия и Славянство", в журналах "Числа" и "Возрождение"; в лондонском еженедельнике "Россиянин"; в нью-йоркском "Новом Журнале", "Новом Русском Слове", в "Русском Возрождении" и др.

Преподавательская деятельность и творчество Н. Е. постоянно чередовались с литературной работой и историческими исследованиями. В Кембридже курс лекций по истории мысли 19-го и раннего 20-го века дал ему повод собрать много материалов по этому предмету. Его глубокое знание классиков русской литературы нашло выражение в его введениях к 13 томам Достоевского, Толстого, Гончарова, Гоголя, Тургенева, для широкой публики, издания Everyman. К этим томам он прибавил избранную библиографию работ об этих писателях по-английски. Его введения, в которых он никогда не терял из виду первоначальную цель популяризации (осведомить и заинтересовать), тем не менее полны свежих идей и нового подхода, отражавшегося всегда и в его лекциях. Как литературный критик Н. Е. принимал участие в русской эмигрантской литературе. Большая статья по поводу "Литературы в изгнании" Г. П. Струве появилась в 1957 г. Общий обзор зарубежной литературы от 1920-70 г. появился в сборнике "Русская литература в эмиграции" под редакцией Н. П. Полторацкого. В 1971 г. был опубликован перевод ранней

статьи о Набокове и в 1970 г. статья о Леониде Андрееве, результат лекции в Париже в годовщину смерти писателя. Его интерес к современному аспекту русской литературы выразился в большом количестве разборов произведений современных русских поэтов и прозаиков и во множестве выступлений в Европе и в Северной Америке о Солженицыне, Ремизове, Михаиле Булгакове, Набокове и др.

В 1970 г. четырнадцать его исторических исследований были переизданы в "Изучениях Московской Руси: Западные Влияния и Византийское Наследство". Работа эта, на первый взгляд, могла бы показаться отрывочной, настолько разнообразны и многосторонни интересы автора, но и этот сборник свидетельствует о сосредоточенном единстве мысли и методологического подхода, как во всех работах Н. Е.

Виллиям Гаррисон и Аврил Пайман

Ю. В. КРОТКОВ

В марте с. г. в Холливуде (Калифорния) внезапно скончался от сердечного припадка наш давний сотрудник !Орий Васильевич Кротков, повесть которого "Арест" началась печатанием в 146 кн. "Н. Ж.". Эта повесть — из жизни сов. писателей в Переделкине — оказалась последней вещью !О. В.

!О. В. Кротков родился в Грузии, в Кутаиси, где жил до 19 лет. Поэтому он свободно говорил по-грузински и отчасти по-армянски. Отец !О. В. был художник, мать актриса. Литературную карьеру в СССР !О. В. начал, как драматург. На советской сцене имела успех его антиамериканская, пропагандная пьеса "Джон — солдат мира". О том, как эта агитка делалась, !О. В. рассказал в статье в "Н. Ж.". Под разным давлением КГБ !О. В. был завербован в "кооптированные сотрудники" и участвовал в "довольно грязных" (по его собственному выражению) делах этого учреждения.

В 1963 году в Лондоне, приехав туда с группой туристов, !О. В. бежал, т. е. "выбрал свободу". Его желанием было рассказать Западу о "работе" КГБ и, в частности, о деле французского посла в Москве Мориса Дежана, которого КГБ завербовывало путем шантажа. Обо всем этом он написал большую рукопись, надеясь на ее опубликование, но обстоятельства неожиданно обернулись против него. Осведомленный об этой рукописи ген. де Голль после разоблачений Мориса Дежана Кротковым сместил Дежана с должности посла, но на опубликование рукописи "наложил вето". Кое-какие куски из неё были напечатаны в иностранной прессе, но полностью все "дело Мориса Дежана" было напечатано только в четырех книгах "Нового Журнала" под названием "КГБ в действии" (кн. 109, 110, 111, 112).

Приехав не без труда в Америку в 1969 году, !О. В. дал в Американском Сенате перед комиссией по внутренней безопас-

ности подробные показания о работе КГБ. Они напечатаны сенатской комиссией и занимают 255 страниц убористого шрифта. При чем украшены photographиями наиболее видных "сотрудников" КГБ из артистического и писательского мира Москвы: — Сергей Михалков (автор советского гимна), режиссер Сергей Бондарчук, поэт Алексей Сурков, режиссер Мдивани, редактор "Литературной газеты" Александр Чаковский, актриса Скобцова и др.

В Америке Ю. В. достиг значительного литературного успеха. В "Новом Журнале", "Новом Русском Слове", "Литературном Курьере" и других русских изданиях он напечатал статьи, рассказы, повести. Его вещи передавались по радиостанции "Свобода". Его книга о Сталине "Красный Монарх" вышла по-английски и имела хорошую прессу. По этому роману в Голливуде должны были ставить фильм, на который Ю. В. уже подписал предварительный договор. Вторая его большая книга о Борисе Пастернаке "Нобелевская премия" вышла сразу по-английски и по-немецки, и тоже была встречена похвальными отзывами печати. Незадолго до смерти Ю. В. писал, что мечтает написать такую же беллетризованную книгу о жизни и гибели Максима Горького в СССР (как известно, Горький был отравлен чекистами). В последнее время Ю. В. подготовил книгу "Сталин и Берия" (рассказы). Но повесть "Арест", идущая в "Новом Журнале", неожиданно оказалась последней его работой.

Редакция выражает глубокое соболезнование вдове покойного — Адель Кротковой.

Р. Гуль

НОВАЯ КНИГА

РОМАНА ГУЛЯ

ОДВУКОНЬ ДВА

статьи

Содержание: "Прогулки хама с Пушкиным", "Ленин и Архипелаг ГУЛАГ", "Все ли было благополучно в Датском королевстве?", "Алексей Толстой" "О книге Глеба Струве", "Солженицын в СССР и на Западе", "Книга Жореса Медведева", "Переписка через океан Г. Иванова и Р. Гуля", "К вопросу об 'автокефалии'", "Два некролога: Б. И. Николаевский и В. А. Кравченко".

В книге 160 стр. Цена — 5 долл. Заказы — в "Новый Журнал".

Роман ГУЛЬ

«Я унес Россию»

АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ

ТОМ I. «РОССИЯ В ГЕРМАНИИ»

Полный текст. В "Новом Журнале" печатался сокращенный.
В книге 365 стр., много фотографий. Цена — 10 долларов.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ: "Талант Р. Гуля, как портретиста, не может не восхищать" ("Новое Русское Слово", Н. Андреев).

"Читать в эмиграции приходится много, но потрясаться не так уж часто... Книга Романа Гуля для меня — потрясение" ("Новое Русское Слово", Дора Штурман).

"Книга «Я унес Россию» — ценнейшее свидетельство, дающее живое представление о жизни и деятельности русской эмиграции... «Я унес Россию» исключительно полезна для новейшей эмиграции" ("Русская Мысль", М. Гольдштейн).

"Невероятную правду о создании на месте предполагаемого Земного Рая небывалой каторги рассказал побывавший в самом эпицентре Всероссийской катастрофы А. Солженицын... Дочитав книгу Романа Гуля, тоже хватаешься в отчаянии за голову: "Боже! Что они с ней сделали? И как мы могли это позволить?" ("Русская Мысль", М. Сергеев).

"Эту честную и правдивую во многом книгу следует почитать тем, кто интересуется первым периодом российского зарубежья... Много, многое в книге замечательно" ("Часовой", В. О.).

"Захватывает в описаниях движение и портрет в действии" ("Новый Журнал", Р. Плетнев).

«Я унес Россию» — книга замечательная, она выходит за рамки мемуарного жанра, это своего рода "философский трактат", облеченный в художественную форму ("Новый Журнал", Ю. Трель).

"Внутренней свободой дышит вся книга Р. Гуля" ("Голос Зарубежья", В. Пирожкова).

"...замечательная книга..." ("Голос Зарубежья", Н. Нефедов).

Заказы направлять в "Новый Журнал" New Review, 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией

РОМАНА ГУЛЯ
и
Е. Л. МАГЕРОВСКОГО

■
В 1982 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

■
Подписная цена на 1982 год 24 доллара
(за 4 книги)

Цена одной книги — 7 долларов
Во Франции — 25 франков

■
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N.Y. 10025

Телефон редакции и конторы: 666-1692

Прием по делам редакции и конторы — по понедельникам и сре-
дам, от 10-ти до 12-ти час дня
